

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал
Харьковского отделения Союза писателей России

Основан в январе 2010 г. Выходит 6 раз в год

**Том 5
2011**

ХАРЬКОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ганичев В.Н. – председатель Правления Союза писателей России, член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии, доктор исторических наук, профессор.

Котькало С.И. – сопредседатель Союза писателей России и Духовно-просветительского центра имени святого праведного Феодора Ушакова. Член бюро Президиума Всемирного Русского Народного Собора.

Скворцов К.В. – секретарь правления Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель – Романовский А.Г

Главный редактор – Мачулин Л.И.

Отдел прозы – Глебова И.Н.

Отдел поэзии – Воргуль В.Р.

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями – по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются, и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
тел./факс +38 (057) 700-40-25

Валерий ГАНИЧЕВ
ИТАК, О РУССКОМ

ПОЧЕМУ РУССКИМИ ПУГАЮТ В РОССИИ

После событий на Ленинградском проспекте, и особенно на Манежной площади и у Киевского вокзала, вызвали массу откликов и большое разнообразие оценок. Но вот что удивительно: большинство оценок уходило от главных ответов. Находили причины событий и в кознях националистов всех мастей и национальностей, в фанатизме болельщиков, в невыдержанности милиции. Но как-то умело и усиленно и СМИ, и политологи, и власти обходили, на мой взгляд, два важных вопроса. Первый, это все усиливающееся социальное неравенство, достигающее почти катастрофической пропасти, за которой следует взрыв. (Это особый разговор). И какое-то постоянное утаивание, уход от обсуждения, боязливое опасение и даже страх говорить о русском народе, о русском. Этот страх многие годы воспитывался агитпропом коммунистического периода, либеральными властью и СМИ. Когда начинают говорить о русском, сразу начинают возникать обвинения в шовинизме, ксенофобии, антисемитизме.

На мой взгляд, вопрос о проблемах русского населения у нас в стране и за её рубежами, о русской культуре, о русском языке, о национальном самоощущении, о месте русских в государстве (где мы впервые за два века имеем абсолютное большинство 80%), о пренебрежении к русской истории, её фальсификации, очернении, об игнорировании созидательной позиции русской провинции, об отчужденности от русского народа телевидения и СМИ стал приобретать обостренный, жесткий характер.

Хотелось еще раз обратиться к вопросу, который у нас стыдливо, с испугом замалчивают, превратили в некое пугало. В 20-30-е годы под русский шовинизм подвели сотни тысяч жертв казаков, богатых крестьян, священников, не говоря уж о купцах, интеллигентах, богатых сословиях общества. Причём

застрельщиками этого были победоносные Троцкий, Свердлов, каратели Тухачевский, Уборевич, Якир и иже с ними, чьи потомки потом громко кричали, что в 30-е годы они попали под волну сталинских репрессий. То, что такие репрессии были, никто не отрицает, но то, что жертвами были в большей части русские люди, об этом почти не говорят.

Вплоть до Великой Отечественной войны, когда понадобился стойкий характер мужества русского народа, на нём был выбит ярлык шовиниста-должника и угнетателя других народов. А на самом деле всё было наоборот. Русские люди составляли главную тягловую силу страны. Лишь РСФСР, Украина и Белоруссия были не дотационны, и их доходы шли на развитие союзных и автономных республик, на индустриализацию, на армию, на аппарат. Если употреблять марксистскую терминологию, то большую часть государственной эксплуатации, или тягловой нагрузки, нес русский народ.

Когда мы создавали Всемирный Русский Народный Собор, то взяли на себя на Соборе, ряд острых вопросов русских людей, увели многих недовольных, обиженных, растерянных людей на созидательное поле, на поле Веры, Русской Православной Церкви, Служения Отечеству, высшим духовным и нравственным ценностям на поле соборности, то есть соединения народов, людей всех национальностей вокруг русского народа..

Первые решения Собора были встречены в либеральной и прозападной среде улюлюканьем, возгласами: национализм, мракобесие, шовинизм. Потом Собор укрепился, и его тезисы о национальном самосознании, национальной культуре, национальной школе, о защите русского языка стали программными тезисами всех ведущих партий. И все-таки, как внутри страны, так и за рубежом, есть силы, которые постоянно говорят о шовинизме, о реакционном характере русского народа и не хотят примириться с созидательным характером, местом и духовной ролью русского народа. Слегка успокоившись, перегруппировавшись после образования Собора, они придумывают новые обвинения в его адрес, в адрес русских людей, периодически вбрасывают в общество некие антирусские бренды типа: «русский фашизм» (и два-три года елозили его на телевидении и в прессе), или продолжают долдонить о неполноценности, незрелости русской цивилизации, её отсталости, лени и пьянстве русских людей, извечном воровстве.

Просто поражает мощная негативная струя в изображении отечественной истории. В подобных заявлениях и работах утверждается, что история России – сплошной дефект, неполноценность, история ошибок, правовых преступлений.

С убеждённой вершителей судьбы нашего Отечества они утверждают: «Россия может сохраниться только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» («Западники и националисты: возможен ли диалог». М. 2003, с. 16). «За сто лет у нас произошло цивилизационное отставание, из которого мы не вырвемся». («МК», 15. 10.)

Ко всему прибавился фактор иммиграции, рой количества гастарбайтеров, по-настоящему не отрегулированный никакими правилами поведения приезжих, нежеланием их интегрироваться в российское общество, овладеть русской культурой, языком и т.д.

И опять троянским конём, как и в случае с пугалом «прав человека», стал очередной либеральный диктаторский по существу тезис – толерантность, которую стали требовать только от русских людей. Итогом столь однозначного подхода стало нарастание недовольства коренного, в основном русского, населения.

Мы же видим, что надо вывести русский вопрос из тени, тупика, из замалчивания и вынести не для того, чтобы ринуться на баррикады, а выйти на стройку, на стройку духа, восстановления, самоуважения, созидания, гордости своей историей.

Накапливается не только недовольство и непонимание, положение русского народа. Оно проявилось, то схваткой в Кондопоге, то межнациональной бойней в Калязине, волнениями в Тверской области в Хотьково, то массовыми драками в Москве, Ростове, Майкопе, все нарастающим количеством «русских маршей» (в этом году они прошли в 45 городах), то организацией всяких экстремистских деструктивных групп.

Всё больше захватываются протестными настроениями, недовольством и благополучные слои населения: мелкий бизнес, низовая администрация и даже учителя и научная интеллигенция.

Достаточно вспомнить недавнее нашумевшее дело профессоров МГУ А. Вдовина и А. Барсенкова, когда их учебник по истории России был подвергнут идеологической порке, похлеще всяких агитпроповских разносов, за «излишние

прорусские акценты». Авторы были вызваны в Общественную палату для проработки. Стенания о преследовании инакомыслящих в советское время получило стопроцентный разворот от этих «инакомыслящих» в прошлом. Все это вызвало взрыв возмущения. Появилось письмо за подписью ста выдающихся писателей, известных ученых, деятелей культуры о преследовании научных взглядов, нападках на академическую науку, на свободу мнения. Вслед за этим прошла масштабная конференция по поводу развернутых фальсификаций, атак на русскую историю и профессию, отправившая «Декларацию» во все ветви властей, в Конституционный суд, в Прокуратуру. Резкое осуждение вызвала эта акция в передаче на телевидении в программе В. Затулина, где крайне отрицательно о ней высказался декан факультета ТВ-журналистики МГУ и ученый В. Третьяков.

На виду у всех созрело протестное, критическое отношение к такому игнорированию, даже унижению русских, требованию только от них толерантности и организации всякого рода кампаний вокруг русского национализма.

Санкт-петербургский писатель Каралис (кстати, один из руководителей оппонентного нам «демократического» союза писателей) с возмущением требует: «отдать должное русским» (сам он открыто заявляет, что в нём течёт литовская, греческая, польская, молдавская и другие крови). Он заявляет, что все знают что «русский народ слили в российский», фактически лишили его национальности. Он утверждает, что народ лишается уверенности: нынешняя Россия занимает 73 место в мире по ощущению счастья своими жителями: «Мы на одном уровне с ЮАР и Ливаном, где постоянно ведутся боевые действия. При этом страдает у нас каждый пятый! Ну что это за общество, где большинство населения несчастно?» – вопрошает он. Д. Каралис пишет, «что последний раз к русскому народу власть обратилась с похвалами в 1945(!) году. «Действительно, какие беды, несчастья испытал он до войны и во время войны, какие жертвы принёс народ. Но это была его страна, его отчизна, и он был благодарен за доброе слово и снова впрягся в возрождение Отечества».

Кто и когда обращался к русскому народу с благодарностью, выражением восхищения его терпением, работой, поддержкой державы? А с просьбой о прощении за принесенные жертвы, за

лишения, за неоправданные надежды, которые породили у него властители всех мастей

Его все продолжают упрекать за недостаточную динамичность в преобразованиях, медлительность в восприятии реформ, в следовании «высоким цивилизационным и технологическим образцам», неспособности модернизировать. Опять выползают работники розни, оценивая издания, исследующие «русский вопрос». Так в прошлом году прокурор и судья г. Иваново обвинили в ксенофобии писателя Севостьянова и потребовали запретить его книгу за то, что она «чрезмерно проникнута русским духом» (!) (буквальные слова приговора). Вот до чего можно запугать и органы юстиции. Как в этом году во Владимирской области обрушились на бывшего узника ГУЛАГа, писателя В.Н. Осипова за его гневные публикации в защиту русского народа, обещая снова посадить? Где вы, правозащитники?

ВОСПРЯНУЛА ЛИ КНИЖНАЯ «РОССИКА»?

Что радует, все больше и больше появляется книг глубинного осмысливания России, диалектики ее истории, ее природы, ее простора-пространства, ее культуры, ее демографии, ее быта, ее государственности, места русского народа, его этноса в ее истории, в мировой истории, о стержнях, на которых держалась Россия; о Великом и могучем русском языке, о национальном характере русских и, конечно, Вере, о Православии, сохраняющем русских, о других традиционных религиях, не взрывающих Россию, о попытках переделать русских, отучить от коллективизма, соборности, от памяти.

В обществе вновь возникла тяга к познанию России. Философия, история, филология, экономика, геополитика, культурология пытаются дать ответ о предназначении России. Представление о России, осмысление её рассыпано в различных предметах, направлениях науки, знаниях. У меня дома и на даче не менее 1 000 книг своеобразной «Россики». Возьмём те из них, где это знание вспыхивает, где обозначаются очень важные грани России. Например, в замечательных книгах доктора филологических наук профессора из Санкт-Петербурга Владимира Викторовича Колесова «Философия русского слова» и особенно в последнем его фундаментальном исследовании о

русской ментальности в категориях русского языка («Русская ментальность в языке и тексте», СПб, 2007).

Подлинным накопителем исторических и философских знаний о России стали сочинения сопредседателя Союза писателей России, доктора исторических наук, профессора С.В. Перевезенцева. Он один из тех, кто осветил русскую философскую мысль XII – XVIII веков, которую догматическая марксистская мысль или не замечала, или отрицала, ибо она выражалась в религиозных категориях. Его последние книги «Тайны русской веры», «Смысл русской истории» и «Русский выбор. Очерки национального самосознания» («Русский мир», 2007), в которых он и подытоживает свои размышления: «Сегодня, по большому счёту, русский выбор обозначен: быть или не быть русским». Наши оппоненты (враги) хотят нас отвлечь именно от этого спасительного выбора. Другой историк, член нашего Союза писателей, профессор Александр Вдовин тоже посвятил свои работы осмыслению пути русского народа. В его книге «Русские в XX веке. Факты, события, люди» делается очень важный вывод: «осмысление пути русского народа через драматический XX век приводит к убеждению, что коренная причина разрушения Российской империи в 1917 году и Советского Союза в 1991 году заключается в отчуждении между государством и русским народом, в равнодушии наиболее многочисленного народа к судьбе «империи», утрачивающей способность к выражению и защите его национальных интересов и ценностей». Когда же власть в нашем государстве прислушается к этому?

Он же осаживает некоторых наших ретивых патриотов, которые чуть ли не требуют запретить слово «российский», и пишет, что ещё в «Лексиконе треязычном» в 1704 году писалось «русский – зри российский». Да и современные словари русского языка гласят: «Россиянин – то же, что русский». И поэтому, считает автор: наименование Российская Федерация равнозначно понятию Россия, Великая Русь, Русское государство. Но это бы и следовало отразить в государственных актах. Вспоминаю тут постоянные выступления нашей пламенной поэтессы из Коми Надежды Мирошниченко, которая требует, чтобы в Конституции РФ было записано: «Россия (Российская Федерация)».

А. Вдовин считает, что «русская идея» может и должна стать интернациональной для всех народов России или, как он пишет,

«российских народов». Хотя один мордовский писатель мне убеждённо сказал: «Валерий Николаевич, Россия состоит из народов русских. Вот мордва, во всяком случае, народ русский».

Другой пласт «русскости» – её народная культура. Известный писатель Анатолий Рогов представил её смысл и значение в народной культуре («Мир русской души или история русской народной культуры». М.: «Книжный клуб»). Анатолий Петрович резко говорит: «Не знает большинство нынешних россиян свой народ, постыдно, позорно не знает». И он заканчивает книгу ответственным, по существу неопровержимым выводом: «Тем же, кто сейчас властвует в России и любит твердить о её величии, надо понять, что великих государств не бывает без великих идей и великой культуры».

А вот ещё две книги писателей, публицистов, учёных. Один из них политолог, экономист, профессор Михаил Иванович Козин в книге «Россия в сумерках трансформации» довольно жестко говорит о новых российских реалиях, размышляет о политических, идейно-нравственных переменах в российском обществе, о поисках новой национальной идеи (духовность, народовластие, державность). С болью об отечестве пишет Александр Казинцев в книгах «Россия над бездной» и «В поисках России». Он опирается на широкий диапазон сравнений, на опыт многих стран, где побывал (Палестина, Ирак, Китай, славянские страны, Англия). Казинцев никогда не теряет исторического оптимизма, даже тогда, когда Россия и терпит поражения. Он пишет: «Сейчас среди патриотов распространилось странное воззрение: мы такие, какие есть, можно даже презирать нас за это, но переделать русского человека невозможно... разумеется по чужим чертежам и меркам (как того желали демократы-западники). Но возродить русскую предприимчивость, русскую силу, любовь к родине возможно и необходимо, иначе нас будут презирать и вытирать ноги о Россию».

Очень важную просветительскую миссию осуществил ещё один доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России Игорь Янин, который составил книгу «Из русской мысли о России». Это подлинное звёздное небо светящихся размышлений, пророчеств, мерцающих откровений. Тут Аксаков и Гоголь, Пушкин и Данилевский, Достоевский и Ильин, Толстой и Хомяков, Флоренский и Победоносцев.

Действительно, общество мало знает о России: об этом говорил

ещё А. Пушкин («Мы ленивы и нелюбопытны»), вторил ему Хомяков («Мы Россию не знаем»), об этом сокрушался Гоголь («Велико незнание России посреди России»). Янин собирает кристаллы такого знания, и недаром Валентин Распутин в своём расширенном эпиграфе написал: «Кажется, книги, подобной этой, где был бы представлен свод рассуждений русских о России, у нас ещё не было. Свод, конечно, регламентированный, чтобы вместить главное из главного и не растечься мыслию по древу. Но древо, взращённое русской мыслью, получилось живым и могучим. Под ним, широко раскинувшим крону, так полезно будет подумать о себе, о том, кто мы были спервоначалу и кто мы по сегодня и что может ждать нас впереди».

Смотрю на полки своей «Россики» и вижу: сколь многовекторны и разнообразны подходы к России, её прошлому и будущему. Вот авторы В. Медведев, В. Хомяков и В. Белокур выпустили ряд остро публицистических книг о России. Одна из них «Национальная идея или чего ожидает Бог от России» (Изд-во «Единство нации», 2008) резко ставит вопрос о национальной идее и предназначении России в разделах извечных для России вопросов: Что происходит? Кто виноват? Что делать? Как делать? Целая серия книг о значимости для нашей страны Русской культуры. Так над книгой «Жизненные силы русской культуры: пути возрождения в России начале XXI века» (Смагистр-пресс, 2003) работал целый коллектив авторов. Критикуя научный анализ состояния мира конца XX века, авторы делают довольно уничтожающий вывод о том, чему поклонялось общество весь век: «Наука к исходу XX века, несмотря на важные достижения, оказалась неспособной к решению стратегических задач развития общества и человека, эволюции их жизненных сил. И не потому, что ей не хватает аргументов, способности решать актуальные проблемы. Наука настолько хорошо приспособилась к сложившемуся порядку жизни, типу господствующей социальной культуры, уравнивая истину с получением пользы, что вывести из этого состояния можно, лишь разрушив классический характер общественного развития, классическую социологию, традиционно сложившийся социальный интеллект».

Авторы прослеживают в России всплеск духовно-культурных синтетических исканий и утверждают, что русская культура является одним из принципов жизнестойкости русского и других

народов России.

Книги и авторы все разные – они призывают к полемике. И важно, что они есть. Вот бывший диссидент М. Назаров – «Тайна России», рядом доктор наук В. Большаков – «По закону исторического возмездия», известный генерал Н. Леонов – «Крестный путь России» и книга Б. Балугева «Споры о судьбах России» и т.д. О каждой из них можно помногу рассуждать, полемизировать. Важно, что они есть – работает общественная мысль России.

Думаю, что мы ещё поговорим о впечатлениях по поводу сегодняшней литературы, но вот в связи с прямой «русской темой» не могу не сказать о блестящих трудах нашего писателя-мыслителя Бориса Тарасова. Его книги «Паскаль», «Чаадаев», «Куда движется история» и др. всегда поражали глубиной мировоззренческого анализа творчества авторов, времени, в котором они жили. Вот одна из последних его книг «Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте» (Наука, 2006). Эта книга о неких, не всегда видимых глубинах русской мысли, о размышлениях поэта, соотнесённых с размышлениями представителей русской классической литературы и философии, современных мыслителей Запада. В общем, это опять книга о России и её путях развития. Эта книга о пророчествах поэта, о его призывах предотвратить распад, усиление материальных appetитов, эгоистических инстинктов и интеллектуальную пустоту. Поэтому он призывал создать «мощное, умное, уверенное в своих силах направление – вот кричащее требование страны и лозунг всего нашего современного положения». А это и есть та «русская партия», которой пугают, дабы позволить антирусской партии проникать во все сферы общества, припугивая власть, а самой в это время становиться властью.

Вызревание русского национального сознания в среде современной творческой интеллигенции, среди литераторов ярко показано в книге Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия».

Не могу не вспомнить ещё две знаковые книги последних лет – одну из них, книгу А. Панарина «Искушение глобализмом» (2002 г.), я брал с собой в командировку в Вену, когда в мае 2006 года участвовал в довольно необычной для западного мира научно-богословской конференции с символическим, вызывающим к справедливости названием: «Верните душу Европе!», на которую собрались учёные, священники, общественные деятели

Европы и России. После знаменитого X Всемирного Русского Народного Собора, провозгласившего «права человека, которыми пытаются измерить каждое государство, должны учитывать исторические, веровательные, бытовые особенности каждой страны, а главное, не отрывать, под видом свободы, дорогу греху». Многие в Европе встреपнулись, ведь там христианство не только изгоняется из общественной и государственной жизни, но оно всё больше ограничивается в правах, христианские истоки Европы юридически не фиксируются уже почти ни в одном законе, конституциях стран ЕЭС. X Собор взбодрил христиан Европы, они внимательно слушали на конференции соборян из России. У меня был доклад о том, как классическая русская литература в советское время защищала и утверждала мораль, христианскую нравственность. Это было действительно так, ибо в 30-е годы, вопреки идеологическим догмам 20-х, часть руководства страны приняла решение издавать миллионными тиражами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова и других классиков, правда, подчёркивая их антибуржуазную суть (что в немалой степени было верно). Какое счастье, что наш народ, овладевший грамотой в период истинной «культурной революции», не получил масскультуру американских комиксов, шлягеров и киллерских триллеров, какие ему пытаются всучить сегодняшние ТВ и СМИ.

Это в своём приветствии писателям, пишущим на историческую тему, подчеркнул и Святейший Патриарх Алексий II, отдавая должное русской классической литературе – литературе, находящейся на нравственных, христианских координатах.

Вот такое мнение и у А. Панарина, и он предостерегал, что «было бы самым опасным – потерять не территорию (её для русского человека можно будет вернуть в будущем), а потерять свой культурный код, свой культурный слой, свой русский дух, которые под воздействием СМИ могут и не возродиться».

Ну и, конечно, книга Натальи Нарочницкой «Россия и русские в мировой истории» (Международный отношения, 2003). Для продолжающихся споров между патриотами и западниками, между почвенниками и либералами, между тружениками и ростовщиками эта книга даёт немало возможностей увидеть смысл и цели национального бытия. И главное в этом споре –

Дух, ибо, «громадная территория, внушительная экономика, военная мощь и даже ядерное оружие, как показало недавнее унижение России, мало стоят сами по себе, ибо материя без духа не способна творить историю» (с. 532).

Но вот ещё одна, я бы сказал стратегическая, книга у меня на столе «Россия в пространстве и времени». Её авторы, член-корреспондент РАН Б.Н. Кузык, доктор экономических наук А.И. Агеев, кандидаты технических, военных, экономических наук О. Добродеев, Б. Куроедов, Б. Мясоедов. Это выявление и осмысление фундаментальных характеристик нашей исторической динамики.

Авторы, анализируя нашу историю, рассматривают её как своеобразный музей стратегий с большими запасниками, закрытыми, как правило, для публичного просмотра. Здесь всё проанализировано на сотнях примеров, таблиц, карт, сравнительных характеристик. Пред нами ключевые действующие лица, истории, народные массы, внешние силы воздействия, войны, союзы, территориальные изменения. Я восхищён проделанной работой и думаю, что она не только для Академии Генерального штаба и российской элиты – она для лучших, самых высоких, обеспокоенных нашим будущим, умов России!

Уже много лет ниве истории, философии, культуры, этнографии, политологии России работает известный подвижник русского дела Олег Платонов. Его усилиями вышла серия книг, историко-архивных исследований, создана «Большая энциклопедия русского народа», издан серия книг «Святая Русь. Открытие русской цивилизации», «Терновый венок России», «Тайна истории масонства», «Русский патриотизм» и др.

Да, если в 90-е годы XX столетия были по-своему пионерские авторские труды о России, русском народе, то в начале XXI века стали появляться обобщённые, антологические, стратегические работы. Одну из них «Россия в пространстве и времени» я уже назвал, много разговоров ведётся вокруг нее. Сочинение же «Русская доктрина» («Сергианский проект») является, по-моему, прорывным произведением молодых учёных. Я впервые принял участие в его обсуждении на Корфу, когда в 2005 году во время Ушаковских чтений её проект был представлен на обсуждение широкой группе социологов, политиков, философов и историков. Эти группы вдохновлённых

энтузиастов под покровительством фонда «Русский предприниматель» (президент Олег Костин) при участии молодых учёных Андрея Кобякова, Виталия Аверьянова, Романа Багдасарова, Александра Рудакова и др.

Известно, что есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. Как известно, собираются они для того, чтобы строить, созидать новое сооружение. То же в каком-то смысле происходит и с доктринами.

Наше общество славно потрудились в 80-90-х годах, чтобы разрушить существовавшие доктрины. Сначала разбросали камни марксистской доктрины вроде бы за непригодностью, воздвигали либеральное доктринерское сооружение, сверкавшее всеми привлекательными красками. Не прошло и 15 лет, как практикой жизни оно разрушилось, полетели во все стороны камни либерального высокоумия.

Пришло время искать созидательную, объединяющую, вдохновляющую идею, обозначать её контуры и определять вектор всеобщего развития страны.

Русская доктрина выросла не на пустом месте. Я постоянно пытался участвовать, присутствовать при всех созидательных мыслительных процессах, создающих схему и планы, стратегию жизни и движения державы, народа.

Действительно, удалось быть в начале 90-х годов на Всероссийском конгрессе Аксютин, Бабурина, Астафьева, на Русском Соборе генерала Стерлигова, на «Державе» вице-президента Руцкого, Собраниях Русских общин Дмитрия Рогозина. Наряду с болевым ощущением, потребности осмысления положения России немало там было и мифического, фантазмагорического, сказочного.

Фактическую работу по воссозданию целостной программы русского народа, нашей державы с 1993 года ведет и Всемирный Русский Народный Собор. Действительно, провозгласив принципиальную цель, он стал собирательной и воссоздательной трибуной для русского народа. Вот **темы Соборов и Соборных встреч:**

- Пути духовного обновления русского народа и его движения к национальному возрождению.
- Русские соотечественники за рубежом.
- Роль России и русских на пороге XXI века.
- Вопросы физического и духовного возрождения нации.

- Вера и знание не антагонисты.
- Создание русской национальной школы.
- Защита русского языка
- Ядерная безопасность России.
- Проблемы богатства и бедности.
- Вера и труд.
- Права человека и неприятие греховности.

Действительно, как отмечено в «Доктрине», возрастает роль мировоззрения. И с самого начала деятельности ВРНС поставил как главный фактор – духовное возрождение нации.

Резко вырастает роль мировоззрения, способности придумывать и воплощать новое, продолжая лучшие традиции старого.

Та цивилизация, которая разовьёт этот высший творческий ярус социально-общественной жизни, и будет доминировать.

Общество, народ, люди наши отвергают хаос, беспредел, вседозволенность. Мы исстрадались от этого, поэтому естественный вывод в Доктрине – успех будет сопутствовать тем, чья политика отличается наибольшей твёрдостью, жесткостью, упорством и последовательностью, а для нас – это государственность, которая включает в доктрину понятия: русский национальный характер. Я приветствую введение этой категории в решающий фактор созидания, и знаю, какой стон поднимается, как всегда, вокруг того, что обозначается как русское начало.

А вот еще навскидку некоторые книги статьи, которые я прочитал в последний месяц. Вот человек верховных слоев власти, действительный государственный советник РФ I класса Модест Колеров выступил со своим докладом: «Либо Россия существует так, как она существует, в качестве империи или квазиимперии – либо ее не существует вообще. Другой России нет» (информационное агентство Regnum). Ну и, наверное, самый нашумевший проект последнего времени «Манифест просвещенного консерватизма Никиты Михалкова. Известный профессионал в русском движении А. Севастьянов только что выпустил книгу «Уклоны, загибы и задвижки в русском движении».

Надо вспомнить заметные книги профессора В. Соловья «Кровь и почва русской истории» (М., 2008), «Сб. «К ненашим» (составитель С. Семанов и А. Лотарева), книгу, открывшую

дискуссию с либеральной стороны Н. Митрохина (книга «Русская партия»), выдвинувшего то ли от либерального страха, то ли как предостерегающую версию «О русской партии», которая якобы существовала и, не дай Бог, снова появится.

ЛИНИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ. КРАТКИЙ КУРС

Известный публицист и ученый Игорь Шумейко, который своей книгой «Вторая мировая война. Перегрузка» срывал не только флер с действий союзников во время Второй Мировой войны, но доказательно показал, как вся Европа, исключая Англию и Югославию, но включая не только Германию и ее прямых союзников: Италию, Финляндию, Венгрию, Румынию, Испанию, но и стороны, представленные в прошлой советской истории нашими серьезными союзниками в сопротивлении Гитлеру, на самом деле помогали ему изо всех сил. Достаточно вспомнить Чехию, танки из которой утюжили Советский Союз до 1944 года, а фашистские легионы из Голландии, Франции (воевавшие, кстати, опять на Бородино), Словакии, Австрии, Голландии, Бельгии. А железная руда для Германии из Швеции, нефть из Румынии. Вся Европа (!), кроме Англии и Югославии, воевала против Советского Союза и России.

И не одна Чехия снабжала фашистскую Германию танками, та же Франция на заводах «Верк-3» в Бордо изготавливала один из лучших немецких самолетов «Фокке Вульф». Эта та разведческая «Рама», которую тяжело было сбить и после пролета которой над нашими позициями начинался точный и губительный огонь немецкой артиллерии, унесшей сотни и тысячи жизней наших солдат.

И уж особенно точно и дотошно показал И. Шумейко в двух своих книгах провокационную и антирусскую, антисоветскую политику Польши, самым энергичным образом проталкивавшую «Мюнхенский сговор», отвергавшую несколько попыток Советского Союза направить в помощь Польше, в предостережение Гитлеру, наши войска. Все отвергалось, все науськивалась на СССР, а скорее на Россию.

В новой своей книге «Большой подлог или краткий курс фальсификации истории» И. Шумейко подверг анализу многочисленные инсинуации и фальсификации русской истории. Идут они и извне, «от веков», и от скоропалительных и

амбициозных отечественных толкователей. Тут рядом и академический путаник Фоменко, вторгшийся в «Научпоп» без всякого исторического знания. Возможно, самыми лучшими и благородными мотивами руководствовались те, кто хотел дощечками «Велесовой книги» продлить наше славянское прошлое, хотя судя по исследованиям ученых, энтузиастам «Велесовой книги» пришлось создавать его самим.

Шумейко обозначает имена и воззрения самых заметных фальсификаторов по России. Например, маркиз де Кюстин, востребованный каждый раз в Европе, когда начиналась кампания, а то и война против России. (Он издавался перед Крымской войной, Первой и Второй Мировыми войнами.) У нас в массовом количестве (более 200 000!) издавался в период «перестройки», когда надо было оболванить, обесточить русский народ.

Шумейко показывает, как незнание и непонимание России приводило к сказочным заблуждениям даже не врагов России, таких, как Руссо и Вольтер. А постоянно впрыскиваемые в европейское сознание фальшивки и мифы о «потемкинских деревнях», о константинопольских притязаниях в завещаниях Петра, Екатерины. Любопытно привлечение И. Шумейко в качестве довольно объективного исследователя гарвардца Пайпса (о крестьянских волнениях в России, жестокостях помещиков). Особенно интересно рассмотрение исторических инсинуаций в странах Прибалтики, Грузии, до недавнего времени на Украине, господствующих там.

В свете того, что у нас мало кого это интересует, и почти нет опровергающих материалов, и в этом случае наш соотечественник оказывается неподготовленным ко встрече с каким-либо галицийским самостийником или защитником фашиствующих «лесных братьев» из Литвы.

Нельзя сказать, что во всем можно согласиться с интерпретацией и поиском антироссийских фальсификаций Игоря Шумейко, но безусловной его заслугой следует признать выход первого «Краткого курса фальсификаций истории России». Сейчас дело за созданием, если хотите, Антологии или серьезного научного однотомника по таким фальсификациям. С фальсификациями, организация которых для многих стала профессией, надо бороться. Однако значительно важнее для науки и в целом для всего общества представить ход развития

нашей истории, культуры, общества. И, я уверен, что представить ее необходимо в возвышенном, патриотическом ключе. И это отнюдь не «квасной», «лапотный», «совковый» патриотизм, как стараются представить так называемые демократы все светлое, победное, разумное, высокое, что появляется в наших книгах, журналах, газетах о России и русских. Надо представить нашу историю как историю русского народа, ибо он ее творил, он ее творец.

РОССИЕВЕДЕНИЕ БЕЗ РОССИИ

И об этом пишет в своей книге «Кровь и почва русской истории» доктор исторических наук В.Д. Соловей. Не удержусь от длинной и, возможно, некорректной для кое-кого цитаты: «...история России создавалась не какой-нибудь «многонациональной общностью», а русским народом. Давайте говорить без экивоков: формально-юридическое признание равенства народов и презумпция уникальности культур не могут и не должны заслонять того обстоятельства, что роль народов в истории различна и не все они выступали ее творцами в равной степени... Это – политически некорректное, но исторически совершенно бесспорное утверждение. Российская история – история не только русского народа, а Россия – плод и результат сотворчества многих народов, населяющих нашу страну, однако именно русским принадлежит ключевая роль в формировании этой истории и создании государства Россия, которое потому можно уверенно назвать государством русского народа». Совершенно верное и, безусловно, обоснованное как в книге В. Соловья, так и всем ходом истории утверждение. Сама же книга являет образец небоязливой, аргументированной, развернутой и довольно полемичной панорамы в утверждении «русскости» в современной России. (Об одном фундаментальном несогласии с автором я напишу позднее.)

Можно добавить, что многие построения, схемы, системы, которые предложили России либералы и Запад на основе своих взглядов на нашу страну, которые были построены, по довольно точному определению известного политолога Стивена Коэна, на основе «Россиеведения без России». То есть, никто из «творцов нашего будущего», консультантов власти не опирался на нашу историю, конкретные материалы русской жизни, на итоги ее

побед и поражений и, главное, на глубины ее нравственной и духовной жизни.

С. Коэн представил американскому правительству доклад, в котором сомневается в победоносности американской политики в России. Автор буквально потребовал от исследователей, аналитиков, разведок изучать национальные основы культуры, образования, а не только политические и экономические аспекты русской истории. Поэтому надо, писал он, и сосредоточить все свое внимание на изучении глубин русской народной жизни, быта, школа, церкви. (Коэн С. «Изучение России без России: крах американской постсоветологии», М., АИРОХХ, 1999 г.) Имеет ли это отношение к нашей власти, науке, культуре? Хотелось бы надеяться.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ ЛИ МАСС НА АРЕНУ ИСТОРИИ

Когда я уже почти закончил «размышления», то получил книгу Александра Казинцева «Возвращение масс. Дневник современника» (М., 2010 г.). Казинцев человек известный в литературном мире, в общественно-политической сфере. Я уже писал, что он, безусловно, философ, историк, политолог, аналитик и один из блестящих русских публицистов. До поры до времени его приглашали на центральное телевидение, но его логика, знания, аргументы не оставляли камня на камне от «глубокомыслия» либерально-демократических теоретиков, они почти никогда не могли вразумительно ответить на доводы Александра, на драматические цифры и факты нашего экономического и политического кризиса, обличающие их верховенство в экономике и политике страны. Приглашать на телевидение его больше не стали: себе дороже – работодатели уведут телеведущих как не справляющихся. Книга А. Казинцева «Возвращение масс» – подлинная энциклопедия общественного движения масс, широких народных слоев, еще недавно застывших перед лицом оголтелого обмана, экономического террора, орд охранников всех мастей, а ныне всколыхнувшихся. Казинцев за минувшее десятилетие проследил их тектоническое движение по всем континентам. Латинская Америка, Ближний Восток, ныне протест пришел во вроде бы ублаженную поступлениями со всех континентов, вдохновенную объединением Европу. Падение Советского Союза, его

социалистического вектора развития привело к тому, что мировой капитал оборзел, стал лишать социальных завоеваний, рабочий класс, крестьянство, средний класс, все общество, которые он дал после смертельно напугавшей буржуазию Октябрьской революции. Наши олигархи оказались беспомощны в модернизации. Известный экономист А. Лифшиц заметил: «Олигархи зарабатывают деньги на отечественных советских заводах – они еще сами ничего не построили». На весы существования свои гири бросил мировой кризис. Миллионные забастовки прошли во Франции, Испании, Италии, Румынии, Греции. Казинцев подверг все эти движения анализу, выбросил на страницы книги массу документов, обширную статистику, свидетельства очевидцев и видных деятелей политики, с кем он встречался. Чтобы выйти из завалов лапши, которые навешивают на уши обслуживающие олигархов СМИ, читайте «Возвращение масс» Казинцева.

Однако в свете моей статьи весьма ценным явился предпоследний раздел книги «Россия не для русских?» о русском национальном движении. Казинцев давно его изучает, и русское движение вопреки нашептыванию, что это и есть основная опасность для России, показывает, что его поддержка и опора на русских и есть главная спасительная сила государства. В книге обнажаются бюджеты национальных субъектов и русских областей с очевидным превосходством первых, показаны уступки диким средневековым обычаям и группам лоббистов в столице, покровительствующих национальным диаспорам и боевым отрядам (ОПГ) некоторых из них. В России 2 000 преступных групп, созданных на этнической основе. В книге десятки и сотни фактов о «незамеченных» прессой и юстицией нападений на русских людей, вытеснения их из мест проживания или с мест работы, из ларьков, рынков, даже школ. Могло это вызвать недовольство? Еще какое... И вызвало.

Наряду с гражданами России из национальных субъектов в страну хлынули мигранты из бывших союзных республик, КНР, Вьетнама. В книге приведены данные из «Независимой газеты», правда, 2008 года, что в Россию прибывает более 12 000 000 (уезжает 11 000 000) мигрантов. Россия, по утверждению экспертов, занимает второе место в мире после США (где население вдвое превышает население России). «Не проблема? Еще какая!» – разбирается Казинцев. Все есть в книге, все взято

из СМИ, из официальных источников. Казинцев задолго до событий на Манежной площади предсказал подобных ход событий, ибо протест против бездействия властей, против этнической преступности нарастал во всех слоях общества.

Совершая некий экскурс в историю русского патриотического движения, А. Казинцев дает полнокровный очерк молодежных русских организаций. Многие из них не имеют никаких особых программ, это «защитники своих улиц и домов», у других в основе деятельности эклектический набор положений, размытая идеология. В некоторых основу составляют монархисты, православные, у других левые, социалистические взгляды, некоторые балуются анархизмом и даже национал-социалистической фразой. При всем при том, многое в их программах и действиях неопределенно. Во многих из них четко прослеживается требование национальной и социальной справедливости, разумеется, мирными средствами. Но если убивают вашего товарища и отпускают прямых убийц, то как действовать?

Казинцев заканчивает эту главу следующей мыслью: «Россия для всех – наталкивают в голову кремлевские политтехнологи... Э нет, господа хорошие... Для всех – девка на шоссе возле Шереметьево. Россия для тех, кто связан с нею родством, любовью, ответственностью». Я бы добавил, что лозунг: «Россия для русских...» совершенно справедлив, только не надо ставить в конце точку, а надо ставить запятую и продолжать: «...для татар, якутов, калмыков, чеченцев, адыгов и всех, кто любит Россию».

ВЕРА И ЗНАНИЕ НЕ АНТАГОНИСТЫ. ПРАВОСЛАВИЕ – ПОЛЕ СПАСЕНИЯ

Александр Казинцев укоряет в своей прекрасной книге молодых ребят из ряда молодежных организаций в излишнем просветительстве. Не думаю, что он прав, молодые русские ребята должны знать отечественную литературу, патриотическое слово, классику, культуру, стремиться к образованию, прийти к Вере. Она поможет им избрать точный и правильный путь действий, убережет от путаницы и провокаций. Оппонента или даже врага можно превзойти лишь лучшим образцом дела, умения, мысли, высотой духа.

Честно говоря, не очень хочется быть резким, все время давать отпор, обнаруживать фальсификацию, инсинуацию, попросту ложь в суждениях наших оппонентов, а чаще – скрытых врагов. Но тот, кто взял на себя миссию защитника русского начала должен быть не неким упрямцем и догматиком, а должен быть человеком знания, постигающего истину, факты, умеющим прислушаться и понять оппонента, но если надо, умеющим опровергать ложь, неправду, клевету, чего бы это ни стоило.

Как говорил великий русский педагог К.Д. Ушинский: «Высказанное слово истины бывает иногда гораздо опаснее, чем подставить лоб под вражескую пулю, которая авось пролетит мимо». (К.Д. Ушинский. Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. М., с. 52.) Кстати, вы заметили, что наши национальные светочи, несмотря на все дребезжание о свободе слова и уважении к прошлому, все дальше и дальше задвигаются в массовом сознании. Ныне еще многие помнят выдающиеся фильмы о Пирогове, о Попове, Мичурине, об Ушакове, Нахимове, Александре Невском, Суворове, Богдане Хмельницком, вышедшие накануне и после войны, где слово «русский» отнюдь не подвергалось остракизму, не маскировалось в «россиянин», оно было высоким знаком России. В этих фильмах был высокий подвиг во имя народа, бескорыстное служение России, глубокая вера в будущее предназначение Отечества. Ныне же попытки найти средства на съемки фильма «Святой адмирал» (об Ушакове) оказываются тщетными.

Конечно, тогда было трудно показать один из решающих факторов укрепляющего русский народ, возвышающего наших соотечественников. Но высокое художественное мастерство наших мастеров показывало православие как главное начало тысячелетней России.

Помню появление «Войны и мира» Сергея Бондарчука. Небывалый мировой успех. Миллионы зрителей. «Оскар». Конечно, были и у нас злопыхатели. Одна из них (позднее уехавшая в США) кричала: «За такие фильмы надо бить канделябрами!» Почему-то такой вид избиения часто заявляется против русских патриотов (помните, как некий пианист призывал применить его в 1993 году против защитников Белого дома). Но нас помимо мощи исторических сцен, блестящей игры актеров поразило то, что в годы, когда обещали показать «последнего попа», показали молитву и коленопреклонение перед Смоленской

иконой Божией Матери, перед Одигитрией самого Кутузова и его войска. Подлинным, вдохновенным православным богатырем показал себя в этом фильме Сергей Федорович Бондарчук.

Конечно, для многих православие не столь очевидно в становлении нации, считается мифическим преувеличением русского патриотической мысли. Кто-то воспринимает это с раздражением, пытаясь сослаться на факт погрома церквей и низвержения колоколов после революции, совершенных якобы и народом. Тут лукавство: «Коммисары в пыльных шлемах», эмиссары, приехавшие из-за границы, ставили перед собой цель не только низвержение самодержавия и свержение русской буржуазии, а в не меньшей, если не в большей степени – разгром православия, разрушение храмов и церквей.

В немалой степени это удалось достичь. Но живительная сила христианской веры все время проявлялась в народе. Не убоявшись наказания, во время довоенной переписи 70% населения указало, что они православные. Это не смог не учитывать Сталин и его окружение, и с первых дней войны (3 июля 1941 года) коминтерновские обращения сменились православным слогом: «Братья и сестры! Соотечественники мои...» А в самый красный октябрьский праздник (7 ноября), обращаясь к идущим в бой красноармейцам, с трибуны мавзолея, когда враг был в 50 километрах от Москвы, призвал главный, мистический, стратегический резерв: «Пусть вдохновляет вас образ великих предков... Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова...» Первыми в этом ряду Сталин назвал Святых Русской Православной церкви. Стало ясно, что главной глубинной спасительной духовной силой становилось Православие. Оно снова возрождалось.

Никита Хрущев, его агитпроп пытались переломить тенденцию, обещали показать «в XX веке последнего попа». Не вышло. В 80-е – 90-е произошел всплеск и возвращение церкви к массам, некое второе крещение Руси. Конечно, со всеми издержками стремительного роста. Ясно, что при таком массовом потоке идущих по дороге в Храм не все удавалось в церковной православной жизни в обществе. Может, не различимы ясно и четко часто для многих подвижники, не проявляется в обществе и справедливость, которой учит церковь. И если раньше в 90-е годы Церковь воспринималась, теми, кто разрушал великую

державу, чуть ли не как союзник, то нынче, разглядев в полной мере ее державную и нравственную сущность, они поняли, что это главная духовная скрепа России. И не даром зоологический наш враг Бжежинский заявил, что «после коммунизма, злейший враг – Православие» Им ли не знать это в веках?

Однако и внутри нашего общества немало и своих не только оппонентов, но и противников православия, кто от интеллигентского высокомерия и нежелания подчиняться каким-либо нравственным правилам, кто от духовной лености, кто от сектантства и нигилизма по нутру. СМИ, да и вся система прессы вбрасывает обличения и обвинения церкви и священства, православия. Вот даже в полнокровной и яркой «Советской России» «Советской России» все чаще проскальзывают материалы сродни публикациям Емельяна Ярославского, со сладострастием громившего Православие и вдохновлявшего воинствующих безбожников на погромы церквей, то есть очагов русского народа. Вот видите, происходит трогательное единство либералов, яростных борцов с преподаванием «Основ православной культуры» (то есть основной, главной и классической нашей культуры) и емельяноярославцев.

Правда, у коммунистов это еще и отзвук борьбы национальных, патриотических сил с неотроцкистами, ультралевыми внутри партии, которые, как в свое время было сказано о свергнутых и возвращенных во Францию Бурбонах: «Они ничего не поняли и ничему не научились». Но, Бог с ними, с этими фракционными схватками.

Православная вера, христианские ценности – вековая основа России. И тут я, конечно, категорически не согласен с утверждением профессора Д. Соловья и публициста А. Севастьянова о том, что Православие ослабло, перестало быть утверждающей, державно-организующей силой. Их скептическое отношение к нынешним священникам и верующим связано, по-видимому, с тем, что к сегодняшней Церкви они не близки, поинтеллигентски возвышают себя над ней и думают, что в будущем народ обойдется без нее. Может, конечно, но это уже скифы. Боевой народ, но дикий.

Немало боевитых патриотов предъявляют претензии Патриарху: он должен то, он должен другое. Владимир Крупин в ответ на это спрашивает: «А ты, друг, давно исповедовался, причащался?» – На это следовало недоуменное: «Причем здесь

это?» – «А притом, что спроси для начала с себя».

«Кто молится, идет на обедню – это и есть наша опора для созидания» – сказал один владыка. И нет сегодня никакой другой соединительной идеи. Можно сколько угодно придумывать общественных платформ, задач, которые выдвигает та или иная партия, но нет таких идей, которые способны объединить русский народ так, как делает это наша православная вера.

Хорошо, что коммунистическая партия нашла в себе силы отказаться в уставах от «научного» атеизма обязательного, в качестве обязаловки, и выступила за «свободу совести» для каждого члена партии. Я вспоминаю один из Всемирных Русских Народных Соборов, который был посвящен теме «Вера и Знание». И вот на этом Соборе, где выступал и Патриарх, и президент Академии наук, где выступали министры, митрополит Кирилл, ученые, говорили о том, что вера и знание – не антагонисты. Мы с этого поля уже ушли, где пытались сталкивать наук и веру. Я думаю, что на пути самопожертвования, служения высшим идеалам, к чему призывает Церковь, мы и утвердились как русские.

ВСЕ НАРОДЫ РОССИИ – СПЛОТИМСЯ ВОКРУГ РУССКОГО НАРОДА!

На недавнем Госсовете В.В. Путин с убедительной страстью сказал. Что в советский период нашего государства такого размежевания по национальному признаку, как нынче, не было. И это верно. Я, например, помню, когда до войны и во время войны жил в Марьяновском районе Омской области, в котором были колхозы «Энбекши казах», «Червонный пахарь», «Роте Фане», созданные казахами, украинцами, немцами, были в районе колхозы с латышами, мордвой, татарами, и ребята этих национальностей учились в нашей школе, в моем первом классе, и ни у кого не возникал вопрос об отчуждении по национальному признаку. Даже у ребят, вывезенных в 1944 году из Калмыкии, которые учились вместе с нами.

Правда, был один случай, когда наша первоклассная «октябрятская звездочка» – я, Генка Сысолятин и Ваня Плотников надавали тумачей за школой немцу Давиду Штопелю за то, что в придуманной им задачке немецкие самолеты сбили больше советских, чем наши фашистских. Давид, конечно, просто

ошибся, будучи еще не в ладах с арифметикой. Когда директор школы, выговаривая нам в учительской за эту мальчишескую патриотическую выходку, сказал: «А вы знаете, что дядя у Давида антифашист и арестован гитлеровцами?» – было стыдно, и мы извинились и подружились с Давидом.

В украинской же школе, после войны, райцентра Камышня в гоголевских местах на Полтавщине, мы, конечно, знали украинскую мову, но блестяще знали русскую литературу и язык. Может быть, эта соединенность, как писал Гоголь, восхищаясь украинским и русским началом в себе, и привела к тому, что из сельского класса вышло два академика, три доктора, пять полковников, шесть ученых и три медика – вот она, национальная и социальная соединенность.

Однако Владимир Владимирович неправ, когда говорит только о советском периоде братства. В многовековой истории России, которая спаяла народы, таких примеров немало. И было удивительно, что, когда Ельциным было предложено: «Берите суверенитета, сколько хотите», – то об этом на местах попытались быстренько забыть, а Центр, высокомерно вытравливая «имперское прошлое», искал образцы национального сплава только в западных цивилизациях.

К сожалению, у нас в стране не нашлось сил и средств, чтобы втянуть инациональных граждан в изучение и овладение русской культурой и языком (да на нашем телевидении это можно и не увидеть). Оказавшийся в Воронеже на смотре русских хоров представитель чеченского министерства культуры, со слезами на глазах просил: «Пришлите нам один-два коллектива в русских костюмах с песнями русскими, наши люди увидят: вот какая народная культура в России, а не только маски-шоу с обнажением». Игорь Шумейко в своей книге «Большой подлог...» показывает, как входили в Россию разные народы. Как соединялись в веках, например, русские и татары. Да, были периоды неспаянности, но с Куликова поля, когда татарские мурзы привели свои войска к русским воеводам против космополитического войска нагайского хана Мамаю, русские и татары неразделимы и составляли крепкую ось державы.

Кто дал свою кровь русским фамилиям? Шереметевым, Юсуповым, Басмановым, Годуновым, Кочубеям, Салтыковым, Ушаковым, Строгановым? А Козьма Минин имел в своих корнях татарскую кровь. И так со многими. А по количеству Героев

Советского Союза в период Отечественной войны татары идут вслед за славянами. Разве не с гордостью говорят башкиры и калмыки, что их конники первыми входили в 1814 году в Париж? И их все французы называли русскими. Мы едины.

Мой военный руководитель в КГУ, майор, на занятиях по тактике рассказывал, как надо идти в атаку: «Чтобы ошеломить неприятеля, пугать его и себя взбадривать, надо кричать!» – «А что вы кричали, когда шли в атаку? – спрашивали мы. – «За Родину, за Сталина!»?» Он отвечал: «Я, тогда лейтенант, Ванька – взводный, выскакивал из окопа, подымал пистолет и кричал своим бойцам: «Вперед, славяне!» А у меня во взводе бойцы всех национальностей. А сам я татарин».

Да возьмите наш Союз писателей. Пожалуй, нет больше общественной, культурной, хозяйственной, организации, которая соединяла бы, вернее, объединяла все области и республики, народы и народности России. В Якутии проходил мощный общероссийский пленум, скорее даже съезд, объединяющий писателей России. Такой же обостренный временем пленум проходил во время военных действий в Чечне. Тогда мы привезли с собой 200 томов Пушкина и одна чеченская учительница сказала: «Ну если Пушкин приехал в Чечню – мир будет!». Мир и наступил. Всероссийские встречи проходили во многих российских областях в Орле, Курске, Липецке, Белгороде, в годовщину вторжения грузинских войск в Южную Осетию в Цхинвале и Владикавказе.

Творческие отчеты в Союзе писателей провели писатели Башкирии, Дагестана, Хакасии, Карелии. Чтобы не дать свободно говорить о культурно-экономических запросах России и русских начинают пугать тех, кто ставит эти вопросы, возможностью распада нашего многонационального государства. А уроки истории говорят, что, когда власть пренебрегала русским народом, то у России всегда были самые тяжелые времена. Боярское своеволие, предательство престола и передача его латинянину, то бишь католику, принесла смуту 1612 года, захват Москвы поляками, и только когда русский народ с Мининым и Пожарским поднялся на борьбу с иноземцами, Россия была спасена. Так же было в 1812 году, когда многонациональное масонское окружение царя отнюдь не руководствовалось интересами России и только «дубина народной войны» повергла Наполеона. Так было и в Крымскую войну, когда царизм не

успел отменить крепостничество. Самый драматический пример – Первая Мировая война и «измена и предательство» кругом царя. Старая Россия рухнула. Новая шаталась несколько раз и выстояла за счет движения русских людей. Сталин понял, что в час смертельной опасности, в 1941 году, именно русские с их верой и стойкостью спасут Россию. Так и было, другие народы поддержали русских.

Нас пугают распадом, пытаются в большом количестве наций и народов затерять, замелочить русский народ, демонизировать его, запугать им. На самом деле, в многонациональности наша сила, наша многовековая спаянность, в которой у каждого народа свое место, объединяет нас вокруг русского народа.

Тут и вырисовывается общероссийская национальная идея – «народы России, – сплотимся вокруг русского народа!» Тогда Россия непобедима и необорима.

РУССКИЙ МИР. ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я много лет печатал статьи о восточно-славянской цивилизации, но тезис о восточно-славянской православной цивилизации, который высказал, пребывая на Украине, Святейший Патриарх Кирилл, является основополагающим в дальнейшей истории наших народов. Он снова нас соединяет по главному признаку.

Честно говоря, в начале перестройки наши «патриоты» отрицали право на самостоятельность украинского народа, на украинский язык (испорченный русский), хотя это – историческая реальность, и надо было искать не точки расхождения, а линии единения. Пока царило это наше русское высокомерие, украинские «самостийники» «настрогали» массу изданий о первородстве украинской нации, первородстве языка, Киевской Руси, как единственного истока украинского народа. По их взглядам, лишь позднее на задворках Киевской Руси, в угро-финских лесах и землях, обозначились русские. Я прочитал ряд украинских «научных» изданий, которые уже отнюдь не разделяют известный и исторический взгляд, что «Киевская Русь – колыбель трёх братских народов» и не хотят к этому возвращаться. «Возврата не будет» – заявляют они.

Положение о единой восточно-славянской православной

цивилизации, первоочагом которой и была Киевская Русь является великой духовной, исторической, культурной, языковой основой, важнейшим общественно-державным рычагом для наших славянских народов. Конечно, надо проводить научно-практические, теоретические, историко-археологические встречи, чтобы эта точка зрения возобладала. Мы на своём уровне уже пять лет ежегодно проводим в декабре месяце в Харькове украинско-российскую встречу под общим заголовком «Переяславская Рада и духовно-культурные связи Украины и России». Попечителем её выступает митрополит Харьковский Никодим, а организаторами – Харьковский областной совет, Политехнический университет, профессор А. Романовский, председатель отделения Союза писателей Росси в Харькове. (Таких отделений Союза писателей на Украине у нас 10.) На последней нашей встрече главной темой и была: «Восточно-славянская православная цивилизация. Исторические, духовные, этнические аспекты».

Мы возобновили в Харькове издание журнала «Славянин» и вокруг него начинаем проводить эту работу. Вместе с Администрацией Белгорода учредили литературно-общественную премию «Слобожанщина» о связях нашего приграничья.

В этом русле проведена литературно-историческая конференция, посвященная 825-летию «Слова о полку Игореве», которая прошла в Брянске, Трубчевске и Новгород-Северском на Украине. Приветствие участникам Патриарха Кирилла определило великую роль этого выдающегося произведения в нашей общей истории, литературе, в наших языках (к сожалению, ни академия, ни Минкультуры это событие не заметили, хотя 800-летие «Слова о полку Игореве» в свое время отмечали в Большом театре). В Новгород-Северском приветствие прислал Президент Украины Янукович. У нас в делегации были видные учёные из ИМЛИ, МГУ и других центров. В Новгороде-Северском, где прекрасно восстановлен монастырь, к нам присоединились известный академик, директор Института археологии Украины П. Толочко и народный поэт Украины Борис Олейник, выступившие с замечательными докладами о «Слове о полку Игореве» в нашей общеславянской судьбе. Город провёл праздник, посвященный 825-летию «Слова», участники высказались за ежегодный праздник «Славянского единства»,

который можно было бы проводить в Трубчевске (Россия), Новгород-Северском (Украина). Можно было бы действительно сделать этот праздник историко-литературным, корневым, а не только эстрадно-песенным, как «Славянский базар» в Витебске.

Не дать отлучить народ от классики. Падение русского языка и литературы – «бедствие хуже, чем война или голод»

Ну и еще одно из главного. Это отлучение русского человека от отечественной культуры и языка. Государство (а кто еще?) на культуру махнуло рукой. Наши люди, наше общество опускается все ниже и ниже в культурных запросах. От самой читающей страны в мире, от выдающегося кино, живописи, от гениев Шолохова, Свиридова, Бондарчука мы опустились в разряд невежественных и безразличных к своей культуре стран, к массовой шоу-культуре, часто ниже пояса. Большинство наших ВУЗов оканчивают люди, не знающие и не понимающие историю, литературу, искусство. Образование, с его ЕГЭ и программой ВУЗов готовит невежественных людей, которым не нужна культура и которые не способны мыслить широко, панорамно, всеохватно, ибо для этого не хватает знания. Надо снова вернуть духовную силу настоящему искусству, подлинной культуре, глубокой науке.

Ну и одно из самых главных богатств, которое выкачивают из нации, не вкладывая никаких инвестиций в его пополнение. Это русский язык. Конечно, он и сегодня остается великим и могучим, но скорее в виде могучих гор и возвышенностей, грохочущих водопадов и разливиных рек классики. А его сегодняшние чистые истоки пытаются замутировать, отвернуть от тех, кого они могут напоить живительной влагой.

На язык идет не меньшая, если не большая, атака извне. Силы тьмы понимают его первородность и созидательность. Ведь «Вначале было Слово» (!) и далее не менее высветляются его истоки: «И Слово было у Бога» (!). И предопределяющее его смысл и высоту «И Слово было Бог»! Поэтому, когда ныне покушаются на язык, коверкают, портят его, подменяют чужеродным туманом, покрывают его скверной, цинизмом и пошлостью, то это покушение на Бога, на Его высоту. Это действие демона и князя тьмы против смысла жизни человека.

Когда несколько лет назад мне вручали Орден Дружбы в Кремле, я поблагодарил за то, что была отмечена неустанная

борьба нашего Союза писателей в защиту русского языка и сказал в общем-то известные слова: «Если изменяется экономическая система, но у народа остается его язык, то и народ остается. Если изменяется политический строй и даже исчезает государство, но у народа остается его язык, то и народ остается. Если разрушается, деформируется, исчезает язык народа, то и народ исчезает, остается народонаселение».

Я далек от мысли, что именно это выступление в Кремле привело власть к объявлению следующего года Годом русского языка. Однако положение с русским языком не только не улучшилось, но ухудшилось. Фактически отказано в праве уметь излагать свои мысли по-русски в сочинениях. Его знание не стало главным для ученика, выпускника школы. А уж для заезжего гастарбайтера или нашего соотечественника с Кавказа такая задача даже и не ставится, а шуму о необходимости «мультинационального котла», соединяющего народы, в наших либеральных СМИ полно.

Добейтесь, господа хорошие, помогите им, чтобы они знали русский язык, и масса нерешаемых проблем общения и понимания уйдет на задний план. Нужно создавать бастионы по изучению и защите русского языка, иначе мы перейдем в разряд народонаселения.

Вот одно предостерегающее нас, народ наш, страну нашу высказывание:

«...Язык – воплощение народного духа; вот почему падение русского языка и литературы есть в то же время падение русского духа. Это воистину – самое тяжёлое бедствие, какое может поразить великую страну, Я употребляю слово бедствие вовсе не для метафоры, а вполне искренно и точно... Для всех нас падение русского сознания, русской литературы, может быть, и менее заметное, но нисколько не менее действенное страшное бедствие, чем война, больше чем голод...»

(О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д.С. Эстетика. Критика. Т.1. М. 1994.)

Многие года бьется за распространение и за защиту русского языка великий подвижник профессор Всеволод Троицкий. Проводит встречи, круглые столы, он боролся вместе с нами за возвращение буквы «ё».

Надо находить силы, средства для поддержки преподавателей русского, вырывать время и место у телевидения, в журналах,

газетах. Надо возвращать русскую литературу, ее классику и продолжающих традиции современников. За это борется и профессор Иван Гончаров из Санкт-Петербурга, продолжающий со своими коллегами разрабатывать программу обучения «Русская национальная школа».

Надо, чтобы в клубе, дворце культуры, на вечерах молодых появились чтецы, не пошлые сегодняшние юмористы забавники телешоу, а те, кто внятно, с точными человеческими интонациями, верными фонетическими ударениями, читает лучшие стихи и прозу русской литературы.

Зал ведь замирает, когда Василий Лановой, великий подвижник русской речи на сцене (он возглавляет кафедру художественного слова), читает Пушкина, Тютчева, Маяковского. Недавно взял у нас книгу стихов раннего Василия Белова и поразил им аудиторию. В Китае, два года назад, на встрече с делегацией наших писателей в Шанхайском университете студенты читали нам параллельно куски прозы на русском и китайском языках из книг Валентина Распутина о Сибири, о Байкале. Как искусны были они в чтении, какие точные акценты ставили в словах, как улавливали не только смысл, но и интонацию автора, но и его внутреннее отношение к написанному. Аудитория то замирала, то смеялась, то взрывалась аплодисментами. Звучала русская речь! Валентин Григорьевич только покачивал головой.

Недавно я был поражен, из Санкт-Петербурга, из одного из цехов Кировского завода, где сидели работники завода на стульях, передавали замечательный по духу и совсем неожиданный для нашего шоу-времени вечер Николая Рубцова. Как слушали люди стихи, песни, письма Николая, работавшего в свое время на Кировском. Можем же, когда сердце не остыло, когда душа вслушивается, когда память встрепенется, дойти русским словом до многих.

ПАМЯТЬ, ТРАДИЦИЯ – КОМПАС ПОКОЛЕНИЙ

Память, традиция – это основные духовные оси России, на этом она держится, и это составляет ее образ.

Те писатели, которые придерживаются нравственной, державной ориентации, а это наш Союз писателей России, и выстраивают свое творчество по этой линии, ибо этот ее духовно-

культурный ряд возведен в веках.

Поэтому Союз писателей России стал соучредителем Всемирного Русского Народного Собора вместе с Русской Православной Церковью, поэтому создан Клуб православных писателей, это и наш Центр духовно-нравственного, патриотического воспитания им. святого праведного адмирала Федора Ушакова, в связи с этим в таких двух выдающихся премиях Союза писателей, как премии имени Александра Невского и «Имперская культура», центральное место занимают книги о духовных подвижниках, о державниках, о подлинных героях, которых массовая информационная машина игнорирует, забывает, не культивирует.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть великую миссию нашей литературы, русской литературы, литературы всех народов России в Великой Победе, способствовавшей сплочению всех сил перед лицом злейшего врага, показавшей высочайшие образцы публицистики, прозы, поэзии, драматургии. Мы должны отдать должное нашим предшественникам, которые в годы войны в воинском стане воспевали подвиг и мужество воина и труд работников тыла, а в послевоенное время осознали и художественно воплощали в своих произведениях драму и героизм войны, склоняли голову перед жертвами и славили героев. «Высокое слово правды» – такой была повестка последнего пленума Союза писателей, которое помогло выстоять нашим воинам.

Наши высшие власти добились, чтобы творчество А.И. Солженицына обязательно изучалось в школе. Уверен, что надо добиться, чтобы литературу военной поры обязательно изучали в школе, если мы хотим, чтобы молодое поколение знало истину, знало героев, следовало им. Думаю, что за это надо бороться.

Литература об Отечественной – это великая литература, это золотые страницы нашей отечественной словесности. Ведь без этой свидетельницы времени нашей страны нашим людям навязывается статус безвольного, расслабленного человека, комплекс вины.

Удивительно, но чем дальше мы удаляемся от мая 1945 года, тем больше у нашей победы оппонентов и врагов.

Те, кто с благодарностью говорили тогда и ещё десятки лет назад о решающем вкладе Советского Союза, советского русского и других народов нашей страны в победу стали вначале

умалчивать, а потом и отрицать это. Они забыли, что 600 тысяч наших воинов погибли на территории Польши, сотни тысяч – на полях сражений на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии.

Стали ли известны вопиющие факты, отрицающие этот вклад? Да нет. Отменен ли Нюрнбергский приговор? Нет, его пока что не отрицают.

И этот зловещий, махровый антисоветизм привел к распаду страны победителя, к той исторической драме, о которой сказал Владимир Путин. Этот антиисторизм, антисоветизм привели к тому, что:

- эсесовцы шествуют по улицам Риги,
- убирается памятник советского солдата в Таллинне,
- Бандера становится героем Украины,
- Власов выдается за борца с коммунизмом, за пламенного предшественника Беловежской тройки.

Отсюда война не Отечественная, не Священная, а как это продекларировано в организации ОБСЕ, куда мы так трепетно рвемся. Была «война двух хищников», война Германии и России (обратите внимание, не СССР), это была схватка Гитлера и Сталина. Ну и отсюда нужно громить, как они говорят, «Победоманию» в нынешней России.

Но ведь полный исторический идиотизм говорить, что войну выиграли вопреки Верховному Главнокомандующему. Несмотря на всю идеологизацию, все-таки надо пытаться исторически объективно оценивать роль. Кесарю – кесарево. Богу – богово.

Может и тем, кто затевает свалки в нашем обществе, не следует раскалывать общество. Вот я не раз встречался, в том числе, и по вопросу Верховного. Все прославленные писатели, Герои Советского Союза Владимир Карпов, Михаил Борисов, известные всей стране Юрий Бондарев, Михаил Гюденко, Семён Борзунов, Семён Шуртаков, Михаил Лобанов могли бы высказать своё мнение. А на телевидении показывают только тех, кто поддерживает организованную провокационную кампанию. Ведь это и есть фальсификация.

Михаил Гюденко – автор великой книги «Минное поле» сказал ещё недавно: «Нет, мы – моряки, когда шли в атаку, не кричали «За Сталина!» Но скажи нам тогда, что Верховный – трус и предатель, мы бы посчитали, что это геббельсовская пропаганда и застрелили бы того, кто это говорил».

ЗАБЫТЫЙ ГЕНОЦИД

И ещё, мы почти не говорим о гражданских потерях – жертвах войны, о великих жертвах нашего народа, принесённых для Победы. Из-за ложной толерантности мы не говорим о своих жертвах, и это вроде бы притупляет нашу боль, хотя снимает вину тех, кто с мечом пришёл в нашу страну.

Вполне по-человечески мы сочувствуем

- погибшим при бомбардировке Дрездена,
- сожженным в Хиросиме после атомного взрыва,
- исчезнувшим из жизни в Холокосте.

И это правильно, ибо русский человек, как говорил Достоевский, – всечеловек, ему доступны страдания всего человечества. Но почему мы в стране стали забывать о жертвах войны, не вспоминаем соотечественников, уничтоженных этой войной? Не от комплекса ли, который нам прививают в отношениях с Европой и Западом. Немецко-фашистские захватчики разрушили или сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень (!), было уничтожено 6 миллионов зданий. Лишились крова около 25 миллионов человек. Были уничтожены и разрушены 31850 промышленных предприятий. Почти 17 миллионов наших граждан погибли от бомбардировок городов и сёл, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии. Это был самый массовый геноцид в истории, большинство погибших были русские люди.

Гитлер был злоедейский русофоб, он и его клика приговорили славян к уничтожению. Он патологически ненавидел Россию и русских. «Кто может оспаривать моё право уничтожать людей низшей расы, которые размножаются как насекомые... Надо взять у России всё, что нам нужно». Эти слова Гитлера взяты на вооружение всеми сегодняшними, антирусскими течениями, каким бы цивилизаторскими, общечеловеческими, геополитическими словами они не прикрывались.

Мы создали при Союзе писателей России и Всемирном Русском Народном Соборе Совет по возрождению российской деревни. Один из разделов его деятельности – память о погибших деревнях и в годы войны. Белорусская Хатынь – всем нам напоминание о жертвах, в России такого – нет, а между тем, в

одной Смоленской области уничтожены войной и оккупантами сотни сел, свыше 530 тысяч жителей уничтожены или исчезли из этих деревень. Это ведь (19!) Бухенвальдов. Мы помним Бухенвальд, но кто вспомнит русские Ивановки, Николаевки, Петровки, погибшие от рук врага.

Итак, «Вера. Культура. Патриотизм. Память» – наши духовные оси, держащие здание России.

УЧИТЫВАЕТ ЛИ ИММИГРАЦИЯ ИНТЕРЕСЫ КОРЕННОЙ НАЦИИ?

Ко всему прибавился фактор иммиграции, рост количества гастарбайтеров, по-настоящему не отрегулированный никакими правилами поведения приезжих, нежеланием их интегрироваться в российское общество, овладеть русской культурой, языком их стремление создать чуждые обществу, государству этнические диаспоры и т.д. Например, количество китайцев выросло более чем в 35 раз, а вьетнамцев в 15 раз.

И опять троянским конём, как и в случае с пугалом «прав человека», стал очередной либеральный диктаторский по существу тезис – толерантность, которую стали требовать только от русских людей. Итогом столь однозначного подхода стало нарастание недовольства коренного, в основном русского, населения.

Но, такое состояние характерным становится не только для нас, но и для Европы. Известно обострённое отношение Президента Франции и многих французов Саркози к иностранцам на территории страны (достаточно вспомнить погромы, совершённые арабской молодёжью, известный цыганский вопрос).

70% американцев заявили, что хотят сократить поток иммигрантов. А небезизвестный Хантингтон заявил, что «ежегодное вторжение массы мексиканцев в США это угроза нашему будущему, как страны, нашей культурной ценности».

Потрясающим стало и заявление канцлера Германии Ангелы Меркель, высказанное в октябре на встрече с молодёжью, которая сказала, что «наша надежда на создание мульти-культурного многонационального германского общества не оправдалась. Тому, кто не знает немецкого языка, мы не рады». Она увидела тщетность попыток на основе либеральных концепций и

принципов соединить общество и обнаружила, что проводит бесконтрольную, безудержную политику в отношении корневой нации. Немецкие газеты, учителя публично признали, что в немецких школах учеников травят «пришлые», травят жестоко, бескомпромиссно и последовательно за то, что те «неверные». И этих детей уже воспитали в семьях, живших в Германии. Скандал стал публичным. И немцам стало действительно страшно – так страшно, что все концепции «плавильных котлов», мультикультуризм сразу куда-то подевались («КП», 20 октября, Д. Степашин «Мусульманские штаты Европы»). Британский исследовательский центр «Полиси эксчейндж» провел исследование настроений мусульманской (иммигрантской) молодежи в Великобритании. Выяснилось, что молодые мусульмане до 24 лет настроены более радикально, чем старшие. Половина из них не живет по законам Англии, а по законам Шариата, каждый 8-й поддерживает «Аль-Кайду» и готов противостоять Западу. 85% мусульман не хотят жить по нормам британской демократии. Все это по новому ставит и вопрос об иммиграции.

САМОЧУВСТВИЕ НАЦИИ

От давления всех социальных, информационных антидуховных причин русский народ теряет уверенность, не так давно у него попытались отобрать Великую Победу. Он стал грудью на защиту своих героев. Но зато атака на его историю поистине масштабна. Низведение ее на уровень пороков, убийств, варварства и бескультурия в немалой степени удалась.

Соцопросы показывают тяжелое самочувствие нации. То что Россия – великая нация обозначили лишь 46% опрошенных, не верящих в это – 31%.

Лишь 12% назвали Россию Сверх державой. Францию – 13%, 21 % – Англию, 23% – КНР, 27% – ЕЭС, 25% – Германию, 37% – Японию, 61% – США.

Можно было бы отнести это к сверхкритическому отношению русских к себе, но сплошь и рядом повторяется: «Россия теряет пассионарность», «свою витальность».

Конечно, на самом деле это не так, великие резервы таятся в душах и сердцах русских надо только вывести на первый ряд в обществе – подвижников, дела делателей, милосердцев,

новаторов, работников нивы и станка, бескорыстных и вдохновенных ученых, праведных священников учителей, библиотекарей, тех, кто торгует плодами своего труда, честных юристов, тягловых военных. Надо найти способ одухотворить и наполнить созидательных духом нации ТВ и СМИ. Пора остановить это гламурное, желтопресное море пустых звезд, красивых экранных пустышек.

Пришел и продолжает находится в обществе многогранный кризис. На кого может опереться держава в его преодолении?

Если она исключает из этого русский народ или относится к нему с подозрением, то вряд ли возможно преодоление нашего отставания без его национально осознанной деятельности.

С русским народом все можно преодолеть, без его участия в любых акциях, национальных проектах, модернизации все это обречено не безжизненность, неудачу и даже провал.

ЧТО ДЕЛАЕМ?

Специально не озаглавил этот раздел вечным русским вопросом, обращенным куда-то вдаль: «Что делать?» Обозначаю его множественным: «Что делаем?» Ибо без такой постановки есть некая философская неопределенность, перемещение вектора дела к кому-то, а не к себе, не к своему кругу сотоварищей, не к коллективу, не к народу, а к призрачным вождям. Эту программу предстоит вырабатывать, все время насыщать, прочеркивать генеральные линии и полезные тропинки. Я внутри размышлений наметил некие тропинки, теперь думаем вместе, делаем вместе.

Ну и какими же путями выходить на укрепление духа, самосознания, созидательности русского народа? Вычленяются главные и не менее важные второстепенные задачи.

I. Мы уже сказали: главное – это укрепление Веры, православия в жизни русских людей.

Можно сколько угодно придумывать политических, общественных платформ, но ни одна из них не способна воссоединить народ, нацию, как это делала Христианская Вера, православие.

И по этому пути, пути самопожертвования и служения высшим идеалам, тем общечеловеческим (которое утвердилось как русское), нравственные ценности надо идти и искать уже в новое время опору для русского народа, для других народов страны.

В этом разделе ценно то межрелигиозное сотрудничество, которое установилось у нас в стране за многие годы и даже века. Особенно с исламом. Ведь недаром при Екатерине II был учрежден муфтият в Усое. И у нас никогда не было религиозных войн.

II. Наша русская культура, наша классика, производное Христианства наш язык — одна из фундаментальных основ существования, развития русской нации.

Это должна быть одна из главных задач — не дать уйти с этой основы, не дать разрушить нашу культуру, не дать изменить, исказить наш язык. И сделать нашу нацию вульгарной, дикой, немой.

III. Великая традиция — память народная. Помнить победы, помнить жертвы.

IV. Великая цель рождает великую энергию. Надо сделать понятным, доступным, а главное, высоким представление о том, во имя чего, как мы живём. Мало говорить об абстрактной модернизации, надо обозначить это, как конкретные программы для человека, общества, России. Надо не дать погасить дух созидания, поддерживать эти очаги созидания в семье, поселке, в городе, в коллективе.

Один пример: В.В. Путин проехал по трассе «Хабаровск — Чита». Газеты представили это событие, как некую интересную, даже забавную информацию. А ведь на самом деле строительство дороги и введение ее в строй — это великое событие: инженерное, экономическое, транспортное, государственное, геополитическое. Ведь, по сути дела, открывается державная дорога, автотрасса «Москва — Владивосток». Возможно, и ряд других осуществляемых проектов представить обществу как пункты важных, одухотворяющих дел. Мы предложили министерству транспорта проект «Дорога», в котором расскажем об инженерах, строителях, проектировщиках, транспортниках. Это же подвиг.

V. Ну и, конечно, нужно высокое ободряющее слово, обращенное к русскому народу, русской культуре, русскому языку.

VI. Еще и еще раз надо подчеркнуть, что русский человек, как говорил Достоевский, — «всечеловек», то есть ему близки и понятны все боли и радости мира, окружающих его людей и народов. Мы, Россия, — великое многонациональе. Мы, русские, — в единой семье народов России, да и мира, не собираемся

возвышаться над ними, ни падать ниц, унижаться ни перед какой цивилизацией, ни перед какой-либо страной.

Но гордость национальная, самоуважение, высшее знание и мудрость должны быть нашими национальными чертами.

И как писал Игорь Северянин, намаявшись за границей:

Что толку плакать и тужить,

Россию надо заслужить.

Давайте будем пытаться заслужить Россию.

ВСПОМНИМ СЛОВА: ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

У нас как-то отвыкли считать под градом обвинений России в цивилизационных, исторических, этических грехах, что Россия страна великая, каким бы ВВП не измеряли ее. Когда в годовщину вторжения Грузии в Южную Осетию туда высадился наш десант, десант писателей России, мы провели там во всех школах «Урок мира», мы выступили на пограничных заставах и везде ощутили любовь и благодарность.

Все осетины, от школьника, учительницы, продавца на базаре и Президента Кокойту, говорили о Великой России, о Святой Руси. Да как-то сразу это требовало и от нас самых высоких усилий в служении ей. Но это показывает и то, что за Россию молятся и переживают многие люди на земле, отнюдь не русские по национальности.

Лет пятнадцать назад в Государственной Думе ко мне подошел один депутат и сказал: «Дорогие русские братья, боритесь за Россию, ведь если она исчезнет, то исчезнем, как индейцы, и мы, ваши младшие братья, тувинцы и хакасы, нас поглотят или американцы, или китайцы. Мы молимся за вас». Да, за Россию молится немало добрых и честных людей.

МОЛИТВА О НАРОДЕ РУССКОМ

Не хочу заканчивать эти размышления и вопросы никакими большими и четкими выводами. Это сделают многие собрания, конференции, соборные встречи, митинги, марши. Надо и надо семь раз отмерять. И придет время, когда один раз будет отрезано в нашем представлении о Русском Деле.

Я хочу обратиться к великой мистической и загадочной молитве. Конечно, не случайно, что она появилась не у нас в

России. Россия в то время открыто не молилась. Ее чада сражались друг с другом. И только в далекой, отделенной стеной гражданской войны от России Югославии прозвучала эта великая молитва святителя Николая Сербского – молитва о русском народе:

«Всемудрый Боже... вземли и услыши молитву нашу за Твой русский православный народ!»

Понимая причины бед, обрушившихся на Россию, святитель Николай страстно молился:

«Ты допустил, чтобы самый верный Твой слуга подвергся тяжелым мучениям, как допустил мучения для первых апостолов Твоих, пророков и праведников. Весь обнажен и изранен, брошен слуга Твой на гноище... Мучения лютые, а человек слаб: Господи, помоги! Воздвигни слугу Твоего и уврачуй раны его...»

Святитель Николай знал, сколько страданий обрушивалось на русских людей, независимо от того, в каком стане они находились. Он объяснял себе и другим, что страдания не напрасны.

«Знаем, Господи, Боже наш, что Ты по всеумудрому промыслу Своему допускаешь страдания избранных Твоих, чтобы, как золото на огне и через огонь страданий очистились от земли и еще больше засияли».

Зная предела в страданиях простых людей, святитель умоляет:

«Но не допусти, Боже милости и любви, чтобы Сатана долго насмехался, лицемеры долго издевались над Твоим крестоносным народом русским...»

«Православные знают, – молится святитель Николай, – Что и Твое славное Воскресение, Христе, совершилось после поруганий, крестных мук и смерти...»

И далее в молитве исходя из этого возвышающаяся и великая надежда: «Поэтому мы в свете Твоего страдания воспринимаем мрак русского страдания и ожидаем воскресную его славу».

Святитель молится о главном: «Сегодня для великого русского народа нет человека в мире, который мог бы помочь ему без Тебя, Боже наш и Спаситель наш, – святитель Николай взывает: – Не отложи, Господи Благий, Твою помощь».

Думаю, что окончание молитвы укрепляет дух русских людей, прочерчивает наше служение.

«Ты Скоропоспешный на помощь. Не отложи и не откажи, но как милосердный самарянин, обратись к народу русскому,

подвергшемся нападению от разбойников, всему избитому, и подай ему руку, и исцели ему раны, и возврати ему здоровье, сияние славы, чтобы самый верный слуга Твой прославлял Тебя в будущем еще больше, чем славил Тебя в прошлом – Тебя, Спасителя своего, со Отцем и Духом Святым во веки веков. Аминь».

Мы видим, как в сиянии многочисленных храмов восходит Божие милосердие на русский народ, но рядом еще царят страдание и муки. И от усилий, молитв, созидания православных, всех соотечественников зависит возвращение здоровья и сияние славы русскому народу.

протоиерей Максим ТАЛАЛАЙ

**ГОСПОДУ ВО СЛАВУ,
ЦЕРКВИ И НАРОДУ ВО БЛАГО**

**к 90-летию со дня рождения
и 50-летию архиерейской хиротонии
митрополита Харьковского и Богодуховского
Никодима**

ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ.
ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ
1921 – 1938

Благословенний простір високих гір Карпатських
Дідів і прадідів моїх священна земля,
З-поміж народів православних братських
Господь й мене покликав до життя
(Митрополит Никодим
«Подих серця до Творця»)

Родина. Мама. Молитва... В этих словах – аккорды мелодии жизни высокопреосвященнейшего Никодима (Руснак), митрополита Харьковского и Богодуховского. Небесный Владыка судил родиться ему 18 апреля 1921 года в живописной Буковине. В селе, где он родился, издревле существовал такой обычай: после первой купели родители клали рядом с младенцем разные предметы нехитрого крестьянского обихода, рабочие инструменты. Считалось, что с тем, к чему младенец притронется ручонкой, будет связана его жизнь. Маленький Николай (мирское имя владыки Никодима) прикоснулся к Библии – самому дорогому, что было в убогой хатке Степана и Параскевы Руснак.

Детство не было безоблачным: приходилось тяжело работать на подёнщине, пасти овец, убирать урожай. Но ежедневный труд не омрачал состояния души, находили крестьяне время и для песни, танцев и веселья. В школе, где преподавание велось на румынском языке, любимыми предметами Николая были математика и история.

В те годы он дружил с сыном сельского священника, отца Иоанна Смеречанского. Общение с батюшкой повлияло на выбор жизненного пути. Зёрна духовности, посеянные в сердце Николая глубоко верующей мамой, после смерти мужа принявшей

монашеский постриг с именем Мария Магдалина, прорастали. И в августе 1938 года из этого сердца прозвучали слова: «Я иду в монастырь!». Николай с благословения мамы, в воскресный день, на рассвете, отправился в дорогу, которая вела в монастырь и в простирающуюся за ним, неведомую никому, кроме Бога, даль...

Ю.А.Голубкин (†2010)
Иерей Леонид Волошин
Любовь Дребот

ОТ ПОСЛУШНИКА ДО НАСТОЯТЕЛЯ
СВЯТО-ИОАННО-БОГОСЛОВСКОГО
КРЕЩАТИНСКОГО МОНАСТЫРЯ
1938 – 1955

В 1938 году 17-летний Николай Руснак стал послушником Иоанно-Богословского Крещатинского монастыря на Северной Буковине. Из этой обители в дальнейшем вышли три архипастыря: митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим, митрополит Черниговский и Нежинский Антоний (Вакарлик; †2003) и трагически погибший в 1974 году архиепископ Омский и Тюменский Мефодий (Мензак).

6 января 1945 года послушник Николай Руснак принял монашеский постриг с именем Никодим. У каждого новонаначального инока должен быть духовник, который ручается за него, а затем наставляет. По свидетельству митрополита Никодима, такого духовника у него не было. И он в ночь перед своим пострижением в монахи, оставшись один в храме, припал к образу святого Иоанна Богослова и воскликнул: «Святой апостол, евангелист Иоанн Богослов, будь мне духовником!». И ныне, спустя почти семьдесят лет, владыка отмечает: «Я верю, что под покровительством святого Иоанна Богослова я выдержал все жизненные испытания и был храним Богом».

Монастырь был очень бедным. Однажды на протяжении Рождественского поста, отличавшегося в Иоанно-Богословском монастыре особой строгостью, для братских трапез 25 насельников было выделено всего 2 литра подсолнечного масла. Иными словами, на каждого насельника выделялось 2 (!) грамма масла в день. Нести монашеский подвиг смогли лишь те, у кого была глубокая, непоколебимая вера.

29 апреля 1945 года монаха Никодима рукоположили во иеродиакона, а 23 февраля 1946 года – во иеромонаха. Благодать служения Церкви Христовой будущий архипастырь воспринял в Свято-Николаевском кафедральном соборе города Черновцы от святительских рук епископа Черновицкого и Буковинского (1945–1947) Феодосия (Каверницкого; †1980).

После включения 2 августа 1940 года Северной Буковины в состав Украинской ССР большая часть духовенства (около 70%) перешла под юрисдикцию Румынии, вследствие чего многие приходы остались без священнослужителей.

«Обязанностей у меня сразу же заметно прибавилось,— вспоминает митрополит Никодим,— с благословения владыки Феодосия, а после него епископа Черновицкого и Буковинского Андрея (Сухенко; †1973) (впоследствии — архиепископ Омский и Тюменский) я, кроме послушания в монастыре, должен был духовно окормлять жителей нескольких сёл в окрестностях нашей обители. Для их посещения транспорта не было, преодолевал я многие километры в любую погоду, в ненастье, летом и зимой пешим ходом, привязав отвалившиеся подошвы к верху ботинок верёвочкой».

После трудных военных лет Свято-Иоанно-Богословский Крещатинский монастырь нуждался в значительном благоустройстве. Трудami иеромонаха Никодима, ставшего в 1950 году настоятелем святой обители, строится жилой корпус на 24 келии.

К этому периоду относятся и первые пробы молодого священнослужителя в литературном творчестве.

ПОД СЕНЬЮ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ ОБИТЕЛИ
ПРЕПОДОБНОГО АВВЫ СЕРГИЯ.
ОБУЧЕНИЕ В МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ
СЕМИНАРИИ И АКАДЕМИИ
1955 — 1958

По благословению Священноначалия Черновицко-Буковинской епархии в 1955 году иеромонах Никодим (Руснак) направляется в город Загорск (ныне — город Сергиев Посад Московской области) для поступления в Московскую Духовную семинарию.

1955/1956 учебный год — особенный в истории духовного вертограда «у Троицы», отмечавшего в 1955 году своё 270-летие. Он стал первым учебным годом, когда наконец-то появилась аудитория № 1 — храм Божий. Пребывая на учёбе в семинарии, иеромонах Никодим некоторое время исполнял обязанности благочинного Свято-Покровского академического храма.

В 1956 году по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича; †1961) иеромонах Никодим определяют для служения в Свято-Преображенский (Скорбященский) храм на Большой Ордынке в городе Москве, где пребывает высокочтимая икона Божией Матери «Всех скорбящих Радосте».

Московскую Духовную академию владыка Никодим окончит в 1966 году со степенью кандидата богословия за работу по кафедре патрологии «Пастырская и проповедническая деятельность святителя Иоанна Златоуста на Константинопольской кафедре».

В Свято-Преображенском (Скорбященском) храме состоялось знакомство иеромонаха Никодима с протоиереем Михаилом (Зёрновым; †1987; впоследствии — архиепископ Берлинский и Среднеевропейский Киприан, Патриарший Экзарх Средней Европы (1964–1966)) и заместителем Начальника Русской Духовной Миссии в

Иерусалиме, игуменом Никодимом (Ротовым; †1978; впоследствии – митрополит Ленинградский и Новгородский, Патриарший Экзарх Западной Европы). Казалось, что ближайшие несколько лет не сулили каких-то неожиданных поворотов в жизни, но дальнейшие события лишь подтвердили слова Священного Писания: «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его» (Прит. 16, 9).

НЕСЕНИЕ СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ЧРЕДЫ
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
И ВО СВЯТОМ ГРАДЕ ИЕРУСАЛИМЕ
1958 – 1961

Решением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского; †1970) и Священного Синода иеромонах Никодим направляется в Иерусалим в качестве заместителя Начальника Русской Духовной Миссии. Это послушание он выполнял на протяжении трёх лет – с февраля 1958 по февраль 1961 годов.

«Святую Землю, – подчёркивает митрополит Никодим, – я считаю своей второй Духовной академией. Рядом со мной был мудрый наставник – Начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Никодим, который щедро делился со мной тем, чему нельзя научиться ни в каком учебном заведении – практическим опытом священнослужения не только на Родине, но и за её пределами. И кто знает, как бы сложилась моя духовная жизнь, если бы Десница Божия не свела меня с этим дивным иерархом Церкви Христовой, ревностным "служителем по домостроительству Божию" (Кол. 1, 25)».

15 ноября 1958 года по просьбе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского; †1970) иеромонах Никодим был возведён в сан архимандрита Блаженнейшим Патриархом Иерусалимским и всей Палестины Венедиктом (Пападопулос; †1980) и затем исполнял обязанности Начальника Русской Духовной Миссии.

Тёплые отношения установились у архимандрита Никодима с иеромонахом Диодором (Каривалис; †2001), который с 1957 по 1962 годы нёс послушание архивариуса и библиотекаря в Патриархии. В 1981 году он был избран Блаженнейшим Патриархом Святого Града Иерусалима и всей Палестины. Здесь же зародилась многолетняя духовная дружба владыки с новоизбранным в сентябре 1958 года Святейшим Патриархом Сербским Германом (Джоричем; †1991).

В 1960 году отцом Никодимом закладывается основа храма в саду святой равноапостольной Марии Магдалины – в Магдале, на берегу Тивериадских вод, бывших свидетелями проповеди и чудес Христа-Спасителя.

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ.
АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ
НА КОСТРОМСКОЙ КАФЕДРЕ
1961 – 1964

5 июля 1961 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I и Священный Синод Русской Православной Церкви приняли решение: «Архимандриту Никодиму (Руснак), по возвращении из Святой Земли, определено быть епископом Костромским и Галичским, с совершением его архиерейской хиротонии в Свято-Троице-Сергиевой Лавре».

Хиротония архимандрита Никодима во епископа «на дело служения, для созидания тела Христова» (Еф. 4,12) состоялась в Сергиевском Трапезном храме Троице-Сергиевой Лавры 10 августа 1961 года, в день празднования Смоленской и Костромской икон Божией Матери.

«В период моего служения на Костромской кафедре, — отмечает владыка Никодим, — я познакомился с многовековыми историческими традициями северных и центральных районов России, связанными с именами подлинно великих сынов боголюбивого славянского народа. В опере М. И. Глинки «Жизнь за царя» превосходно показана мужественность и преданность своей Родине народного героя, костромича Ивана Сусанина. Так любил Родину, так научил нас любить её великий подвижник, и, по моему мнению, он должен быть канонизирован».

Особое место в жизни владыки Никодима принадлежит одной встрече, дарованной Божественным Промышлением. В начале сентября 1961 года по благословению Священноначалия епископ Костромской Никодим вылетел в Прибалтику, где в Свято-Александро-Невском кафедральном соборе города Таллина принимал участие в архиерейской хиротонии епископа Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера; †2008), избранного в июне 1990 года Патриархом Московским и всея Руси, Первосвятителем, мудрым Кормчим корабля Русской Православной Церкви. Именно в 1961 году в Советском Союзе наблюдается резкое усиление антицерковной кампании: закрыто почти 1500 православных храмов, пять из восьми Духовных семинарий, запрещён колокольный звон, под угрозой лишения родительских прав не разрешалось воспитывать детей в религиозном духе.

Милостью Божией владыке удавалось препобеждать эти испытания — на Костромской земле за три года служения епископа Никодима не был закрыт ни один православный храм и вопреки требованиям властей, намеревавшихся передать чудотворную икону Феодоровской Божией Матери в музей, удалось отстоять великую Святыню Русской Церкви.

В ПОДВИГЕ АПОСТОЛЬСКОГО ДЕЛЕНИЯ.
СЛУЖЕНИЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО
ВЛАДЫКИ НИКОДИМА
НА ЮЖНОАМЕРИКАНСКОЙ КАФЕДРЕ
1964 – 1970

21 апреля 1964 года чиномначалием Русской Православной Церкви епископ Костромской и Галицкий Никодим определён епископом Аргентинским и Южноамериканским для духовного окормления православных верующих, переселенцев из Украины, России и Белоруссии, проживающих на далёком Латиноамериканском континенте.

Исполнением апостольского завета «Братолюбие между вами да пребывает» (Евр. 13, 1) стали искренние и добрые отношения владыки с иерархами Православных Церквей, представителями других Христианских конфессий в Южной Америке.

Нередкими были встречи владыки Никодима с видными государственными и общественными деятелями Аргентины и Чили. Если вначале аргентинские власти предоставили епископу Никодиму визу на пребывание в стране в течение трёх месяцев, то затем ему выдаётся так называемое «свидетельство о принадлежности» (*cedula de indifcate*), которое даёт право на проживание в Аргентине пожизненно.

Главной стороной служения оставалась молитва пред алтарём Господним, совершение таинств и отеческое духовное окормление православных верующих далёкой и живописной Южной Америки. За многие труды, к которым следует отнести и строительство в Аргентине трёх новых православных храмов (в том числе Благовещенского кафедрального собора в Буэнос-Айресе) и учреждение в Республике Чили первого русского православного прихода, в 1968 году преосвященный Никодим возведён в сан архиепископа, а в 1970 году назначен Патриаршим Экзархом Центральной и Южной Америки, включая Мексику, и пребывал на этом посту до 1977 года.

В 1970 году под редакцией владыки на испанском языке издаётся «Служебник» («Литургикон») – чин Божественных литургий Иоанна Златоустого, Василия Великого и Григория Двоеслова. Специалисты признали его лучшим в Латинской Америке переводом православных литургий на испанский язык.

НА ХАРЬКОВСКОЙ КАФЕДРЕ
1970 – 1983

С декабря 1970 года жизнь владыки Никодима связана с Харьковской землёй.

К 1970 году в Харьковской епархии действовало всего около 60 приходов, причём многие из них не имели необходимых помещений. Отсутствовали монашеские обители и Духовные школы. Епархиальное управление размещалось в маленькой комнатке

на колокольне Благовещенского кафедрального собора города Харькова.

Внешнецерковные труды архиепископа Никодима способствовали активизации жизни епархии, посещению Харькова высокими гостями и иностранными делегациями, сохранению храмов Божиих и исторических святынь от атеистического попраania и уничтожения. С клириками и верующими харьковчанами в мае 1973 года владыка радушно встречал Высокопреосвященнейшего Феодосия (Нагасит; †1999), Архиепископа Токийского, Митрополита всей Японии, впервые прибывшего в нашу страну в звании Предстоятеля Японской Автономной Православной Церкви.

В Свято-Благовещенском соборе совершал Божественную литургию митрополит Карфагенский Парфений (Койнидис; †1996), в 1987 году избранный Папой и Патриархом Александрийским и всей Африки, Предстоятелем Александрийской Православной Церкви.

22 октября 1981 года Харьковскую епархию посетил Блаженнейший Патриарх Антиохии и всего Востока Игнатий IV.

Представляя Святую Матерь-Церковь в заграничных поездках, владыка Никодим посетил с архипастырской миссией многие страны, Святой Град Иерусалим и Святую Гору Афон.

Много сил пришлось приложить владыке-архиепископу Никодиму, чтобы, по Промыслу Божию, при поддержке приснопамятного владыки-митрополита Никодима (Ротова), добиться в сложное богоборческое время, в 1978 году, канонизации святителя Мелетия (Леонтовича), архиепископа Харьковского и Ахтырского.

НА ЛЬВОВСКОЙ КАФЕДРЕ 1983 – 1989

После тринадцати лет пребывания на Харьковской земле архипастырское служение владыки продолжилось на Львовской кафедре – духовном центре древней Галичины. В апреле 1985 года указом святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова; †1990) архиепископ Львовский и Тернопольский Никодим, правящий архиерей самой многочисленной по количеству приходов епархии Русской Церкви, возведён в сан митрополита.

С призывом «сохранять единство духа в союзе мира» (Еф.4,3), быть верными святой праотеческой вере владыка посещал каждый приход, укреплял духовных чад архипастырскими проповедями, посланиями, новыми службами и акафистами, черпая духовные силы у святынь православной Галичины: Почаевской и Теребовлянской икон Божией Матери, мощей преподобного Иова Почаевского и мученика Парфения. Радужный приём посетивших Львовскую епархию в 1986 году Патриарха Сербского Германа и в 1987 году Вселенского Патриарха Димитрия, труды по реставрации всех,

без исключения, приходов, в том числе восстановление храма во имя святых равноапостольных Мефодия и Кирилла в Архиерейской резиденции, стали смиренным приношением к Великому Юбилею, который праздновался в 1988 году – 1000-летию Крещения Руси.

Служение митрополита Никодима на Львовско-Тернопольской (с 1989 года – Львовско-Дрогобычской) кафедре было проникнуто чувством ответственности перед Богом и людьми за сохранение духовного единства и святой праотеческой веры, подтверждающей непреложность слов Господа: «Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют её» (Мф. 16, 18).

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БОГОСПАСАЕМУЮ СЛОБОЖАНСКУЮ ЗЕМЛЮ С 1989 ГОДА

Митрополит Львовский и Дрогобычский Никодим 13 сентября 1989 года Священным Синодом Русской Православной Церкви вновь назначен на Харьковскую кафедру. Исторически оценивая период конца 1980-х годов, его, без преувеличения, можно охарактеризовать как время, исполненное особых знамений, время благотворного возрождения, которое уже сейчас многие богословы и историки называют Вторым Крещением Руси. Перемены в жизни Церкви и общества на исходе XX столетия привели к восстановлению монастырей, открытию новых приходов, Духовных школ и периодических изданий.

В 1990 году, в праздник Входа Господня в Иерусалим, митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим освятил главный храм Свято-Покровского монастыря, возвращённого, по просьбе верующих, Харьковской епархии. В 1993 году на территории Покровского монастыря открылось Духовное училище, через три года преобразованное в семинарию.

Проходивший в Покровском монастыре в мае 1992 года Харьковский Архиерейский Собор открыл новую страницу в истории Украинской Православной Церкви, получившей в 1990 году от святой Кириархальной Матери-Церкви право широкой автономии.

В сложной ситуации в церковной жизни Украины, связанной с раскольнической деятельностью бывшего митрополита Киевского, Священный Синод Матери-Церкви вынес решение: митрополиту Харьковскому и Богодуховскому Никодиму, старейшему по хиротонии архипастырю в Украине, созвать и возглавить Собор Епископов Украинской Православной Церкви. Отвергнув пагубный раскол, участники Собора приняли судьбоносное решение – быть в единении со Вселенским Каноническим Православием, нерушимо соблюдать верность историческому пути, указанному святым апостолом Андреем Первозванным, святым равноапостольным князем Владимиром и тысячелетним подвигом стояния в православной вере народа Святой Руси.

«Едиными усты и единым сердцем» Харьковский Архиерейский Собор избрал

Предстоятелем Украинской Православной Церкви Блаженнейшего Владимира, ставшего 121-м митрополитом Киевским в истории Святого Православия.

Немалые труды были приложены высокопреосвященнейшим Никодимом для реабилитации и канонизации в 1993 году священномучеников Слободского края. В том же году Синодом Украинской Православной Церкви митрополит Никодим удостоен права ношения двух панагий. Священноначалием отмечена богословско-гимнографическая деятельность владыки, возглавлявшего Богослужебную комиссию при Священном Синоде Русской Православной Церкви и Комиссию по канонизации святых при Священном Синоде Украинской Православной Церкви.

За многогранную научно-богословскую и литературную деятельность, редакторские труды по изданию газеты «Харьковские епархиальные ведомости», возрождение закрытого в 1917 году богословско-философского альманаха «Вера и разум» (самый первый философский журнал в Российской империи, основанный в 1884 году архиепископом Харьковским и Ахтырским Амвросием (Ключарёвым; †1901)) владыка Никодим избран доктором богословия *honoris causa* Киевской Духовной академии и Варшавской Христианской Богословской академии, почётным доктором Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина и других высших учебных заведений, почётным членом Союза писателей Украины и Союза писателей России, членом Союза журналистов Украины.

Старейший архиерей Матери-Церкви, один из старейших иерархов Вселенского Православия, митрополит Харьковский и Богодуховский отмечает: «Не хочу сказать, что во время своего архипастырского служения я сотворил какие-то чудеса. Боже сохрани! Я делал то, что мог делать, и не сделал того, чего сделать не мог. Вспоминаю в прожитые мною годы для того, чтобы понять: так ли, как надлежит, распорядился я ниспосланным мне Господом даром жизни. И когда предо мной предстают труды прожитых мною лет, я по-детски радуюсь, подобно голландскому художнику Рембрандту, который, взглянув на свою картину двадцатилетней давности, произнёс: «Я не зря прожил жизнь». И мне также хочется сказать: «Слава Богу, я не зря прожил жизнь». И впредь буду отдавать все свои силы для того, чтобы в мире ни на йоту не посрамилась Вселенская Православная Церковь, которую я безгранично люблю, ради которой я живу, за которую, если будет нужно, я готов умереть, до последнего своего вздоха не устаю повторять: «Слава Богу за всё!».

Митрополит Никодим

С ВЕРОЙ В СЕРДЦЕ ИДЕМ МЫ К БЕССМЕРТЬЮ

ПРЕДАНИЕ О СЕМИГОРЬЕ

Каждый прожитый день — как подарок от Бога,
И должны мы Ему благодарными быть.
И сколь долго протянется жизни дорога, —
То записано Им в книге нашей судьбы.

А вот как мы пройдем путь, начертанный свыше? —
Бог доверил тебе делать выбор любой:
То ли будет тобой Глас Небесный услышан,
То ль князь ада тебя увлечет за собой...

Если первый твой шаг — сердца чистого выбор, —
Ожидает тебя необъятный простор
Для великих деяний. И где бы ты ни был, —
Приведет тебя он в край сияющих гор.

Существует преданье о страннике дивном;
Жизнь свою посвятил он исканью Пути.
Предстоит испытать — зной, и холод, и ливни,
Прежде чем к Поднебесному Храму придти.

Ожидает паломника край тот далекий.
Там Семь Гор величаво, как стражи, стоят;
И глядят в Небеса семь озер синеоких;
И семь Ангелов в трубы златые трубят.

На пути к Семигорью есть бурные реки,
Их на утлом суденышке надо проплыть.
(Вспомним, как на «Арго» плыли древние греки,
Чтоб руно золотое в Колхиде добыть...)

А на том берегу ждут коварные топи;
Их пройдет тот, кто жаждет грехи искупить;
Нужно разум очистить от ложных утопий
И до дна свою горькую чашу испить.

А затем сквозь дремучие дебри пробраться,
Одолев сей, последний, рубеж, наконец,
И с тяжелой сумою сомнений расстаться,
Чтоб увидеть вдали — гор волшебных венец.

И теперь предстоит сделать шаг предпоследний,
Чтоб страдания путь был проделан не зря.
И паломника там ожидает наследье,
Над которым восходит Надежды заря!

И оттуда весь мир виден — как на ладони,
И исходят оттуда Добро и Покой.
А доставят туда златоглавые кони —
На вершину горы — той, где Храм Золотой!

Колокольная fuga звучит в Поднебесье,
И восторженно-трепетно сердце стучит.
Здесь Любовь и Добро вечно властвуют вместе,
А все злобное, темное — сникло, молчит!

...Как был счастлив безмерно паломник усталый,
Все преграды пройдя, чтоб цель жизни узреть!
Чтобы это святое мгновенье настало, —
Можно снова все муки и боль претерпеть.

Там — приют для прошедших путь долгих
исканий,
Чтоб с прозревшей душой в Храм с молитвой
войти,
Чтобы после душевной борьбы и метаний, —
Обретя Веру, Богу хвалу вознести!

Сколько доброго смысла есть в этом преданье, —
Ведь народ сохраняет лишь мудрости свет.
... Всплыли вновь и в моей душе воспоминанья,
Все святыя мгновения прожитых лет...

Но прервемся на миг. Мы пока что в дороге;
Укрывает от бури нас хлипкий навес.
Испытаний нас ждет впереди еще много —
Между миром земным и Приютом Небес.

Так давайте все вместе вперед продвигаться —
К Храму Истинной Веры в Божественный Свет.
Начал Он с Вифлеемских Небес изливаться,
Наши души спасая, защищая от бед!

Прожил долгую жизнь я, изведал немало,
И судьба подарила мне множество встреч;
И Десница Господняя мне помогала
Веру в сердце от козней врага уберечь.

И, как странник тот дивный, достигший предела,
У подножия Храма я сделал привал —
Поразмыслить о том, все ли в жизни я сделал,
Ведь служению Богу я все свои силы отдал.

Архипастырский жребий свой нес я смиренно,
Слово Божие людям с любовью даря.
Знаю: каждое утро дая нас неизменно
Над Землей занимается Божья Заря!

Каждый миг своей жизни, что Бог мне отмерил,
Я молюсь за людские сердца и прошу,
Чтоб народ мой был счастлив и искренне верил;
За свой жребий — я Богу хвалу возношу!

К РАССВЕТУ ТЯНЕТСЯ ДУША

Еще несмелая капель
Не в силах разбудить апрель,
Ведь на дворе пока февраль озорничает.

Но, с замираньем дыша,
К рассвету тянется душа
И очищения святого ожидает.

И чудится — пока сквозь сон —
Пасхальный колокольный звон
Вновь Свет Божественной Любви
предвсвещает.

Уж близок предрассветный час,
Надежду пробуждая в нас —
И мир в весенние права свои вступает!

ЗВОН ПАСХАЛЬНЫЙ ПЛЫВЕТ НАД «ЗЕМЛЕЮ»

Утро года — весна
расправляет окрепшие крылья
И вершит свой победный полет
над притихшей Землей.
В ожидании чуда луга и сады
на мгновенье застыли,
Чтобы буйным цветеньем
украсить рай этот земной.

Пахарь землю вспахал,
 хлебороб семена подготовил.
Чтоб поля колосились,
 а рядом сады расцвели,
Чтобы осенью вновь закрома
 хлеб насущный наполнил,
Чтобы люди уверенность
 в завтрашнем дне обрели.

Вся Природа весной
 обновляется и хорошеет,
И от пения птиц, словно колокол,
 воздух звенит.
И людские сердца
 согреваются вновь и добреют,
И душа от восторга
 стрелой в Поднебесье летит.

Ведь Господь ниспослал
дар Духовной весны в назиданье,
Как в Великий пост мы наши души
очистить должны —
От сомнения, лжи,
от обид и дурных пожеланий.
Для стяжания Духа Святого
деяния эти важны!

Ведь все наши обиды,
мучения, боль и невзгоды —
Меркнут перед страданиями
Божьего Сына Иисуса Христа!
Уж две тысячи лет
Им спасенные в муках народы
Преклоняют молитвенно
души свои у Святого Креста!

Как была велика Божья Милость
к заблудшимся людям! —
Он послал на страдания
Сына Святого в наш мир.
Так неужто мы эту Любовь
предадим и забудем,
Неужели затмит нам Свет Веры
фальшивого злата кумир?!

Нет! Страдания Спасителя нашего
нас от греха отвращают. —
Не крушить побуждает нас Он,
а Добро созидать!
Так, молясь и надеясь, мы к Небу
свой взор обращаем,
Ведь оттуда на нас изливается
Божья Любовь и Его Благодать!

Набирает весна с каждым днем
богатырскую силу, —

Чтоб даров ее щедрых
хватило с лихвою на всех,
Чтоб у малых птенцов поскорее
окрепли их нежные крылья,
Чтоб звенел, ни на миг не смолкая, вокруг
детский радостный смех.

Чтобы люди могли наслаждаться
весенним цветеньем,
Наш Спаситель, Сын Божий,
все адские муки сполна испытал.
Он людские грехи искупал
с бесконечным терпением,
Открывая для душ просветленных
Небесный Портал!

И в канун Воскресения Светлого
мы понимаем,
Как прекрасна Земля,
на которой нам жить суждено.

С Верой в Милость Господню —
мы веру в себя обретаем,
Знаем: вновь сатанинское зло
будет побеждено!

И Природа ожившая
вместе с народом ликует.
Звон Пасхальный с Земли
долетает до самых Небес.
На Земле — люди, на Небесах — Херувимы
поют: Аллилуйя!
Торжествует весь мир Поднебесный:
ХРИСТОС наш любимый ВОСКРЕС!

С ВЕРОЙ В СЕРДЦЕ ИДЕМ МЫ К БЕССМЕРТЬЮ

Каждый день на Земле происходят и бури,
и грозы,
Хрупкий мир сотрясается в грохоте битв
и взаимных обид.
Переполнили чашу терпенья невинные слезы,
И со скорбью Господь на дела недостойные эти
глядит.

Разве это хотел Он увидеть в тех райских
просторах,
Где когда-то бродили по саду цветущему с Евой
Адам;
Там Природа и люди внимали друг другу
с восторгом!
Так же радостно жить суждено было впредь —
и теперешним нам.

Но, нарушив Господний Завет, поддались
искушенью —
И, тем самым позволив проникнуть в невинную
жизнь силам зла,
Род людской на Земле обрекли они в то же
мгновенье —
На мучительный путь, что Господь за немыслимый
грех ниспослал.

И с той самой поры по дорогам земным ходят
рядом —
Зло коварное, призрачной властью во тьме
ослепляя глаза,
И Добро, побуждая людей видеть мир трезвым
взглядом,
Чтобы с Верой в душе искушеньям лукавым
смогли отказать.

Много тех, кто пред всякой бедой, не борясь,
отступает.
Средь людей слабодушных всегда зло свои
пожинает плоды.

Тот, кому жажду власти и славы лукавый
внушает, —
Упивается этим, из крови и слез оставляя следы.

Есть спасительный якорь в бушующем море
безверья, —
Это Вера Святая в Господню Любовь, что нам
силы дает, —
И Любовь эту Божию мерой земной не измерить,
Нас она укрепляет в страданиях и в светлое Завтра
ведет.

Вознесем же молитвы свои с упованием к Богу,
Чтоб помог Он нам Веру Святую в остывшее
сердце вернуть!
Если каждый из нас совершит что-нибудь
понемногу, —
Вот тогда вместе сможем мы горы препятствий
свернуть!

И тогда снова мир воцарится на нашей планете,
Будут люди и звери друг с другом в согласии
праведно жить.
Озарит Милость Божья, Любовь Его — путь наш
в Бессмертье.
Нужно только одно: Веру эту священную в сердце
хранить!

СВЯТАЯ РАДОСТЬ РОЖДЕСТВА

Аккорды музыки Небесной
Заполнили мир Земной.
Летают радостные песни
Снежинками над головой.

Ликут Ангелы и люди
В порыве радостном, святом:

Священный Праздник вновь придѣт
Лучомъ Небеснымъ въ каждый домъ!

Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Звучатъ людскіе голоса.
Подъ куполомъ Небесъ бездонныхъ
Царитъ безгрѣшная краса!

Христосъ родился! Богъ явилъ намъ
И Свою Милость, и Любовь!
И Ночь Святая озарила
Насъ Вифлеемскимъ Светомъ вновь!

И надъ просторами земными
Летитъ повсюду птица-вѣсть:
Любовью спасены отныне;
Святой Младенецъ — съ нами, здѣсь!

И вновь сердца людей открыты —
Надеждѣ, Вѣрѣ и Любви!
Отцомъ Всевышнимъ не забыты —
Мы, дѣти грѣшныя Твои!

Ты далъ Надежду на Спасенье, —
Послалъ Святого Сына къ намъ.
Ты даровалъ душѣ прозрѣнье,
Открывъ Врата въ Небесный Храмъ!

Любовь Господня къ намъ — безмерна!
Въ сияніи Его Венца —
Окрепнутъ наши души — въ Вѣрѣ
И станутъ добрыми сердца!

Христосъ родился! Все ликуютъ —
И на Землѣ, и въ Небесахъ!
И даже стрелки въ Ночь Святую
Какъ будто медлятъ на часахъ, —

Чтобъ Праздникъ Праздниковъ продлился!
Пришла надеждъ людскихъ пора!

**Возрадуйтесь: Христос родился!
Мир полон Света и Добра!**

Давайте к Небу взор поднимем
И насладимся Торжеством,
Друг друга радостно обнимем:
Пришло Христово Рождество!

ПОМНИТЬ И ХРАНИТЬ

Разве можно забыть то, что помнит народ
 благодарный!
Разве можно молчать, когда слышится
 Истины зов!
Чтобы совести стон заглушить, быют фальшиво
 в литавры —
Те, кто рвется наверх, не жалея неискренних слов.

Где любовь у того, кто обязан быть добрым
и честным,
Чтоб народ свой от бед и нелепой вражды
оградить?
Для забывших про совесть и честь — здесь
напомнить уместно,
Как великий и мудрый князь Киевский смог
победить —
И врагов иноземных, и рознь среди своих,
иноверье,
Чтоб сплотить воедино народ свой и землю навек!
Восхождения путь освещается истинной Верой, —
Лишь Любовью, и Верой, и Правдою жив человек!

И особенно радостно мне. Архипастырю, видеть.
Как сейчас обращаются к Господу души людей, —
Словно тянутся к Солнцу цветы лепестками
своими.
У души, озаренной Добром, — чист и светел удел.

Мне отрадно, что выпал мне жребий, почетный
и трудный, —
Сделать все, чтоб причислить достойного к лику
святых:
Им стал Киевский князь Ярослав, по прозванию
Мудрый.
И звезда воссияла в Небесном Храме средь душ
благих!

Пусть примером священной борьбы за единство
и Веру,
Пролетев сквозь века, его имя пребудет для тех,
Кто решил посвятить свою жизнь благородному
делу.
И пусть с помощью Божией их ожидает успех!

Слово Божие Мудрости учит, Любви и Терпенью;
И опорой в жизни становится Вера для нас.
Да пребудет над нашим народом Всевышнего
благоволение!

Только доброе сердце услышит
Божественный Глас!
Настоящее прочно стоит на ступенях Былого,
Мы должны все святое из Прошлого — в сердце
хранить,
И — как дар драгоценный — отдать поколениям
новым,
Чтобы им пламя наших сердец продолжало
светить!

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Мы знаем, что время, в котором живем,
Нам Прошлое дарит в наследство.
День новый наступит — мы дальше пойдем
Под сполохи давнего действия.

Нас — нажитый опыт ушедших веков
От ложных шагов защищает.

И память былых поколений нас вновь
К истокам судьбы возвращает...

Мы – дети священной славянской земли,
Что полита потом и кровью –
За Волю, за Веру! Нам память велит
Готовился к подвигам новым,

И не отступать перед ложью и злом,
Не слушать лукавые речи;
Идти неустанно и помнить о том,
Что путь наш – к слиянию с Вечным!

И звездами светят на этом пути
Нам души подвижников славных!
Они нам помогут достойно пройти
Весь путь, чтобы встретиться с Главным:

С зарей незакатной и с вечной Весной,
С сияющим Ликом Вселенной!
И мы этот сказочный мир неземной
Воспримем душою нетленной!

Живем здесь, сейчас – и пути нет назад;
Свой след на Земле оставляем.
Но Ангелов Божьих слышны голоса,
В нас новые силы вселяя.

Нас ждет бесконечный и вечный простор,
Где места нет злобе и мраку, –
Лишь Свет и Добро, и Любовь, и восторг –
Как Милости Божией знаки!

Мы верим, что это нас в Будущем ждет,
Коль в Вере мы сердцем не дрогнем.
И любящий нас Всемогущий Господь
Нас встретит в Небесном Чертоге!

Так будем – друг друга всем сердцем любить!
Мы – люди, мы – Божии дети!

Так будем — по Вере, по Совести жить,
И будем достойны Бессмертья!

ВСЕЛЕНСКАЯ РАДОСТЬ НА ЗЕМЛЮ ПРИШЛА!

Пасхальное

Век за веком летит над прекрасной Землею,
Унося ее в вечно сияющий звездный простор...
Сколько раз погружалась Природа зимою
В удивительный сон — от начала начал до сих пор.

И сменяются в этом полете планеты
Дни и ночи, и судьбы людей, и границы эпох.
Наконец — дождались мы апрельских рассветов
И цветущей Весны преступаем желанный порог!

Пробуждается мир, оживает Природа,
Омываются души людей ясным Светом Небес.
Вновь дарует Господь всем живущим народам
Дар бесценный — Святую Пасхальную Весть!

И как будто весь мир раздвигается шире,
Чтобы смог он сполна величайшую радость
вместить,
Чтобы каждый из нас в расцветающем мире
Стал по-новому — чище, смелее и радостней жить!

И серебряный звук колокольного звона
Заполняет пространство, взлетая в Небесную даль;
Архипастыря речь со святого амвона
Вызывает у паствы восторг — и уносит печаль.

Как же любит Господь нас, детей земнородных,
Что Он Сына Святого в бушующий
мир ниспослал;

И Христос Слово Божье принес всем народам,
И во имя Спасенья Сын Божий за нас пострадал.
Наш Спаситель, пройдя через адские муки,
Принял смерть на Кресте, наши с вами
грехи искупил!

И, Воскреснув, Христос протянул Свои Руки —
Нам, прозревшим, и нас на достойную жизнь
осветил!

Мы обязаны быть благодарными Богу —
За Любовь Его к детям земным,
слабосильным таким;
Мы Его огорчаем — так часто и много,
Но ведь каждый из нас беспрдельно
Всевышним любим!

А Пасхальные дни непременно помогут
Обрести нам и силу сердец, и душевный полет!
И Господь Милосердный укажет дорогу,
Что к Заре незакатной когда-то и нас приведет!

Как чиста и священна Природа весною,
Как прекрасен и радостью светел Апрель!
И Земля для Добра возрождается снова!
Гимном Славе Господней звучит соловьиная трель!

...И как радостно мне сознавать, что в апреле
На земле Буковины родился я солнечным днем —
В бедной хатке, омыт в родниковой купели
И под любящим взором родных — осиян был
Крестом!

Ведь тридневно Спаситель во Гробе томился.
За мои и людские грехи претерпев столько мук!
Для служения роду людскому родился —
Я, по Промыслу Божьему, и я верен и предан Ему!

С Божиим Словом весь мир довелось повиждать мне
В этом калейдоскопе событий,
 стремительных дней —
Понял я, во Христе мои сестры и братья,
Как бывают порой переменчивы судьбы людей.
Наша жизнь на Земле — по космическим меркам —
Так похожа на молнии проблеск в седых облаках.
Но для нас, здесь живущих, есть много оттенков —
Как прожить нам, достойно держась
 на крутых берегах.

У кого-то вся жизнь робким пламенем тлеет,
У кого-то костром путеводным нетленно горит;
А бывает, что — искоркой запылает —
И вдруг Светочем ярким весь мир на века озарит!

Как хотелось, чтоб жизнь наша эта земная
Не погасла, как искорка гаснет на сильном ветру,
А чтоб пламенем чистым, людей согревая,
Послужила — отеческой Вере, Любви и Добру!

Восемь десятилетий я полностью прожил,
Восемь лет, беспокойных и ярких,
прибавились к ним.
Знаю я: каждый миг — ни на что не похожий,
Все бывает: и темные ночи, и ясные дни.

И Пасхальный апрель путь земной освещает,
Воскрешая в сердцах наших Веру, Добро
и Любовь!

И живительный ветер Надежд обещает,
Что Господь Милосердный Спасенье
дарует нам вновь!

И ликует Природа, в цветении, в пенье;
Большей радости в сердце людском этот мир
не видал.

Славят Небо, Земля — светлый миг
Воскресения —
Вечный праздник спасенной души,
что Господь даровал!

И возносится радость людская до самых Небес!
Ликуйте все! Христос Воскрес!
Христос воистину Воскрес!
Христос Воскрес! Христос воистину Воскрес!
Христос Воскрес! Христос воистину Воскрес!

Александр РОМАНОВСКИЙ

Я БЛАГОДАРЕН БОГУ ЗА СУДЬБУ!

Я БЛАГОДАРЕН БОГУ ЗА СУДЬБУ!

Я благодарен Богу за судьбу,
Ну а судьбе – за встречу с Богом,
За допуск мой в духовную борьбу,
За трепет сердца за святым порогом!
Я знаю – слов связующая нить
Для человека так трагична.
Задача наша – породнить
Народы мира логикой первичной.
Молитвой постоянно молю:
«О, Господи, прости мою несмелость!»
Я все слова из Библии ловлю,
Мне так нужна, о Господи, умелость!
Умелость в сотворении добра,
В терпении, надежде, вере,
Чтобы в холодном блеске серебра
Вдруг не открыть соблазну двери!
Чтоб радость отрывать от злобы дня,
Чтоб уходить от слов коварства,
Чтобы хватало мне огня,
И не засасывало барство!
Чтоб мне друзей уметь хранить
От непростительных ошибок,
И в жизни больше обронить
Открытых искренних улыбок!

В ДЕНЬ ПАСХИ

Колокольный звон пасхальный
Оглашает связь времен,
Этой ночью эпохальной
Путь нам к Богу озарен.
Нашим счастьем нынче станет
Божьей силы благодать.
И опять нас в даль поманит
Побеждающая рать!
Сердце цепко ловит звуки –
Медно-литый перезвон.
Нам удача мчится в руки,
Отвергая мрачный сон.
Вознесись для нас Спаситель!
Возроди нам счастья миг!
Жизни краткой ты – Родитель,
Вечной жизни ты – Родник!

МОЛИТВА

Сейчас мой дух наедине
С Величием Мира непреклонным,
И плоть моя, вся по вине,
Свои грехи сдает поклоном.
Свеча горит, стремление ввысь,
Не медля, отправляя к Богу.
Сомненья превращая в мысль,
О трудной к святости дороге.
И в растворенной тишине
Хоральной песнею печальной
Рождает звуки в вышине
И умерщвляет изначально.
И наполняет сразу нас
Знаменьем Истины победной –
И наступает светлый час
Обогащенья жизни бедной.

БОЖЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
(надпись на кресте)

Среди песчаных дюн во Фландрии сурово
Маячит деревянный крест с распятием Христа,
И почерневшее от времени Божественное слово,
Раскрылись откровением Господние уста:
«Я – Свет, а вы не видите Меня,
Я – Путь, а не идете вы за Мной,
Я – Истина, но ложь повергла вас, собою заманя,
Я – Жизнь, а вы закрылись от Меня стеной,
Я – ваш Учитель, но моя наука не про вас,
Я – Господь, но нет повиновенья мне,
Я – Бог ваш, но проповедь моя вам не указ,
Я – Лучший друг, но чуждый вашей всей родне!
Но если к вам несчастье вдруг придет,
Хочу предупредить, чтоб знали наперед:
Что для прощенья вашу не приму вину
И от себя всех вас немедля прогоню!»

Снова в ночи пытаюсь собрать
Мысли святых и пророческих старцев,
Слов неземных монастырскую рать
В шелест страниц от негнущихся пальцев.

Снова к иконам для снятия мук
Лбом и губами слегка прикасаюсь,
Грешной душой в перекрещеньи рук
В тихой молитве я искренне каюсь.

Как мне приятен молельный приют:
Здесь растворяются грубые тени,
Ангелы вместе со мною поют
Песни, что собраны в суетной лени.

Строфы, что только приписаны мне,
Правдою строк постепенно ложатся,

Вечером зимним навстречу весне
В бег Мироздания стараюсь вмешаться!

О, Господи, люблю тебя в безумии веков . . .

О, Господи, люблю Тебя в безумии веков,
Что нам грозятся бряцаньем оков.
Жалею я, что был с Тобою не всегда,
А кратковременность моя заключена в года.
Я так страдаю, что молитвы непрерывность
Не может одолеть погибельную странность,
И заменить бессмертием конец,
И жаждет встретить нас безжалостный гонец.
Хочу, чтоб озарения и счастья перезвон
Сливались во единый, гулкий стон.
О, Господи, прошу в молении любви:
Ты Ангела в прощеньи позови!

Звуки душ наших тонких слышны,
В них духовности нашей звонница.
Ветер бури и дрожь тишины
С нами вместе к Господу клонятся!

В перезвоне плывущих фраз
Колоколен слышно старание,
Нашей жизни цветной раскрас
Объявляет свое расписание!

И в заутренней службе святой,
Грешны будучи и неправедны,
Мы молитвой смиренной, простой
Поклоняемся Господу клятвенно.

Геннадий АЛЕКСАНДРОВ

МОТАНЯ

I

Длинная черная автомашина бесшумно вынырнула из-за поросшего репейником бугра и, вздохнув, мягко осела в траве. Вскоре она выпустила из себя высокого, крепкого человека. Предзакатное солнце полоснуло его по глазам. Приткнув над глазами тупую ладонь, он с интересом разглядывал два ряда убогих домишек, покосившихся, крытых полусгнившим шифером или толем, обитых тесом, давно не выдавшим краски, или попросту глинобитных. Жилища словно дремали, разморенные солнцем, мягким предвечерьем, запахом мальвы, бузины и увядшей сирени, коричневый прах которой еще не рассыпался в зелени. Над травой дрожал от мошки воздух и подпрыгивали резвые кузнечики.

Позади машины что-то звякнуло. Резко повернувшись, приезжий увидел пожилую женщину с пустыми ведрами, в упор взирающую на него маленькими подслеповатыми глазками.

— Уважаемая, где живет Костик Горох? — спросил он, пытаясь родить улыбку.

— Вон его дом, блестит, как у кота, возле кладбища, два окошка за березкой, — указала женщина. — А кто тебе Горох?

— Корифан, — ухмыльнулся приезжий.

— А я его жене, Настёне, двоюродная племянница, — пытаясь что-то разглядеть сквозь черные стекла машины, произнесла женщина. — Варюхой зовут.

— А у меня дядя — авторитет, — услышала она и растерялась.

Незнакомец не стал садиться в машину, а пошёл к жилищу Гороха напрямик, через кочковатый луг и узкий ручей, густо поросший ивой. Вскоре он приблизился к обитому фольгой пузатому домику. Оттащив на себя щербатую калитку, оказался в засыпанном куриным помётом палисаднике.

— Хозяин! — крикнул он.

Никто не откликнулся. Но где-то что-то проскрипело, стукнуло,

и на пороге одной из дворовых построек, похожей на собачью конуру, показался старик. Он был тощим, согбенным от прожитых лет. Несмотря на июль, на ногах валенки. В желто-зеленых, словно картофельные плети, руках он держал сито с куриными яйцами. Старик, всмотревшись в гостя сухими, как камень глазами, двинулся к нему, дыша с сипом и клекотом.

— Кто это? — спросил он.

— Зови меня Андреем, отец, — ответил вошедший. — Тебя кличут Костик Горох?

Старик усмехнулся, обнажив два желтых зуба.

— У нас кличут собак, — сказал он. — Мильтон, что ли? Да нет, без погон... Я для казенных людей не Горох, а Константин Сергеевич Касьянов. Что надо?

— Самогонка есть? — спросил гость.

Старик смерил его взглядом: не по жаре черный костюм, молочная рубашка, галстук...

— Откуда она! — усмехнулся. — А настойкой пахучей, с душицей, могу угостить, когда по хорошему делу. Накапать стопочку, хм... Андрей?

— Не спеши, отец, а то успеем. Давай побазарим, — предложил гость.

Они сели в саду под яблоней, за небрежно сбитым из неоструганных досок столом.

— Когда-то рядом с вашим Пятницким находилась деревенька Мокрошь... — начал парень.

— Она и сейчас есть, две хаты наперекосяк, — сказал Горох.

— Так вот. Там жила Василиса Ивановна Мышкина...

— Васька? Ну, помню... Любила карагодить, приходила к нам в праздники на посиделки... Я тогда был первый гармонист на всём Погосте!

— Это как? На кладбище? — изумился Андрей.

— Погостом наш край называют... Стояла сперва только церква — одна на пять деревень. Вон там, по другую сторону Пятницкого... В неё со всех сторон сходились люди, а селиться стали здесь позже, — расположился к прошлому старик, но парень, взглянув на часы, перебил:

— Всё ясно. Погост так погост. Хорошо, что ты, Сергеич, вспомнил Василису. Сегодня этой почтенной женщине исполняется восемьдесят лет. Значит, круглый юбилей. Она и вся её родня просят тебя прибыть в Дмитровец на торжество. Не одного, а с гармонью. Прямо сейчас.

Старик с недоумением уставился на гостя: то ли тот шутит, то ли кто-то из них спятил.

— Это как приговор, — сказал Андрей.

Горох положил на стол руки с потрескавшимися ладонями и каменными, забывшими ножничный лязг ногтями.

— Видишь грабли? — молвил он. — Что Васька, дурная, надумала? Столько годов прошло...

Потом привстал, согнутый, как серп, и потеревбил пальцами отвисшую мотню полувековых галифе.

— Нет ни силы, ни одёжки, так что мне не до гармошки...

Андрей вымученно перестроился на мягкий тон.

— Выручи, отец, ради бога... Послали меня сюда люди, ой, какие. «Без Костика Гороха, — сказали, — не приезжай». Василиса Ивановна — мать моего шефа. Понимаешь? Молодость вспомнила, старая курва, кроме тебя не хочет слышать никого... Гармонь сохранилась?

— Да есть... — неохотно ответил старик. — Лежит, звягливая. Пробовал летось... Какой с меня нынче игрун? «Свинья с рова, свинья в ров — поиграл и будь здоров». Клешни дрожат, звук рвётся, ветер в мехах свиристит... «Мотаню» в полнадрыва не сварганю.

— А ты достань гармонь, отец, попробуй, — упрашивал гость. Заметно было, что любезничать он не привык, от вежливых усилий даже вспотел.

Старик сделал к дому пару шагов и остановился.

— Ни к чему, — махнул рукой. — Всё равно не поеду. Василисе блажь — она молодость вспомнила. Мне ж одно изумление... Какой я нынче гармонист? И бабка валяется во времянке: два месяца кашель изводит... Нет, не поеду...

— Чем болеет? — спросил Андрей, обдумывая, как уломать старика, чем задобрить.

— Кто теперь знает наши хвори! Время, значит, пришло... — произнес Горох, вновь усаживаясь за стол. — Пора старинушке под холстинушку. Врачей здесь нету, возить бабку в Дмитровец не на чем. На лекарства двух пенсий не хватит. Оклемается — вытянет к осени, а нет... Всё равно дорога в Могилёв, благо, что близенько, за огородами, — хоть раньше, хоть позже...

— Я главное забыл сказать, отец, — как можно задушевней произнёс приезжий. — За твою игру шеф столько заплатит, что хватит и на доктора, и на лекарства.

— Да я никогда, кроме водки с закуской, не брал ничего, — не поверил старик. — Это сколько ж придётся играть: пару дней?

Гость рассмеялся:

— Что ты, Сергеич! Два часа! Так: я на машине подъеду, а ты выноси инструмент.

И, не оставив старику возможности возразить, ушел.

Когда Андрей возвратился с пакетом, исписанным не по-русски, Горох по-прежнему сидел под яблоней, перед ним на столе покоилась гармонь. Её кнопки были жёлтыми от времени, как ногти старика; зелёный перламутр планок едва поблёскивал; наклеенная для лиризма германская переводная картинка облупилась, так что от личика немочки остались лишь лоб с подбородком.

— Ну, что я смогу? Как сыграю? — расстроено вздыхая, проворчал старик и, в сердцах махнув рукой, взял инструмент. — Вот, даже простую «Мотаню» сейчас искалечу...

Он положил на кнопки пальцы, и гостю сначала показалось, что в них не осталось движения, что они вот так и будут брать какие-то обрывки, трезвучия и прочую разминочную сыпуху, которую только и способны воспроизвести на свет ушедшие в отставку музыканты. Но вдруг гармонь подскочила на остром колене, из её сипящего в унисон с дыханием старика организма вырвалась незатейливая завитушка — тырля—тырля—тырля—рля, прицепила к себе хоть и глухонькие, но уютные, по-домашнему ворчливые баски — и лица Костика Гороха и Андрея оживились той радостью, тем независимым от сознания русского человека восторгом, когда в груди его вдруг что-то загорится, будоража кровь, и он не слышит ничего, кроме гармонии, и ощущает небо и людей, и все предметы яркими и звонкими.

Неуклюжие с виду пальцы старика обрели уверенность и, казалось, чуть касались кнопок, иногда оттаживались на простенькую вариацию, спотыкались, но тут же выправляли канву.

— Ну, батя, молодчина! — воскликнул гость. — Мастерство не стареет. А что говорил? Хитрец! Собирайся, поехали мир удивлять. Народ в городах от русской музыки отвык, там, в кабаках, одну дробилку топчут.

Андрей вытряхнул из пакета на стол вышитую «петухами» рубаху, кушак, штаны и хромовые сапоги — обычный наряд домкультиуровских артистов.

— Надевай скорей, потом себе оставишь, насовсем, — сказал он Гороху.

Старик потрогал пальцами мягкие голенища сапог, помял атлас рубахи.

— Нет, мил человек, — вздохнул он. — Казни, а старуху не брошу. Это же надо с ночевкой и до утра. А ей — то подай, другое прими. Помрёт без меня, как буду жить? Такого греха не отмолишь...

— Да разве нету никого, чтоб приглядеть? — раздражился Андрей.
— Что же ты меня мучишь, дед! Хоть в охапку тебя забирай. Я из своего кармана заплачу сиделке.

Он вынул бумажник, подбросил на ладони.

— Давай, папаша, решай. Привезут тебя на Погост и денег на красивую жизнь дадут...

— На что она теперь, красивая, — пробормотал Горох. Но гость почувствовал: старик сломался. Ещё бы: сапоги, рубаха, деньги — да где он столько получит за вечер!

— Возьми стольник на сиделку — и вперёд. Тебе ещё переодеться надо, а времени в обрез. Я жду в машине, — сказал Андрей и ушел.

Горох постоял, поразмыслил, держа в руках свеженькую купюру со вздыбленными конями, затем направился к времянке.

— Настёна, — окликнул он жену. — Мне нужно в город съездить... К ночи вернусь.

На кровати шевельнулось лоскутное одеяло, из-под него выглянуло тёмное, в морщинах лицо со страдальческими глазами.

— Бреши... Небось, к Кирюхе, вместе пить... — чуть слышно проворчала старуха и тут же зашлась в страшном кашле, так, что зашевелилась подвешенная к потолку низка сушёных яблок. Когда успокоилась, спросила:

— Поросёнка накормил? Курям зёрен всыпал?

— Всё сделал... — ответил Горох. — Лекарства привезу тебе из Дмитровца... Тут транспорт подъявился: туда и обратно.

Он, помявшись, протянул старухе сторублёвку.

— Банку самогонки взяли. Хорошая, говорят, у тебя водка, дед. Вишь, из города даже приехали...

— А играл какого кобеля? Весело, что бабка помирает? — проворчала Настёна, пряча деньги под подушку.

— Дак аптекарь-то свадьбу играет, гармошку берёт напрокат, за лекарства, — врал Горох. — А за тобой Варюха поглядит, вон, возле хаты трётся... Я ж не до утра, Настёна!

Старуха шевельнула рукой — мол, ступай, что с тобой спорить, сказала:

— Батон купи или белого хлеба, — и снова захлебнулась в кашле.

Горох управился быстро: налил Варюхе чекушку — чтоб доглядывала бабку, нарядился. Сапоги подошли как раз, а штаны

великоваты оказались, пришлось подвязывать шпагатом выше пупка, благо, что рубаха навывпуск. Правда, рубаху он надевал уже в машине, чтобы не видели соседи — иначе дурачком сочтут разряженным. И гармонь принёс в мешке.

Когда-то Гороху посчастливилось проехаться в «Волге» — его, передовика животноводства, возили на областной слёт работники райисполкома. Нынешняя длинная машина оказалась еще лучше «Волги»: просторная, хоть ложись, и мягкая. Сначала старика насторожили чёрные стёкла, но, усевшись, он вдруг обнаружил, что изнутри всё видно, только как-то пасмурно.

— Как называется техника? — спросил он.

Андрей ответил невнятно, что-то похожее на «крейсер». Машина скользила, как санки по снегу: ни работы мотора, ни шума колёс не слышал Горох. Поля, деревья, дома, речушки мелькали за стеклом, как будто их сносило ураганом. Когда старик спросил Андрея, почему все машины на трассе стоят, не движутся, тот довольно рассмеялся.

— Скорость, батя, знаешь нашу? Сто шестьдесят.

Горох удивился и испугался. Расскажи кому — не поверят, но лучше водителя не отвлекать.

II

К Дмитровцу они подлетели за четверть часа. Остановились у двухэтажного белого дома, окруженного табором машин. Около входных дверей замерли, вскинув в приветствии руки, гипсовые мальчик и девочка.

— Это Дом пионеров, — узнал старик. — Мы здесь раньше от колхоза выступали на смотрах.

— А сегодня — дом миллионеров, — усмехнулся Андрей. — И не смотры здесь, а смотрины.

Он провёл Гороха внутрь здания и куда-то исчез. В вестибюле, украшенном массивными зеркалами в золочёных рамах, стояли двое рослых тяжеловесных парней в строгих костюмах и галстуках. «Вот это жлобы! — подивился Горох. — Небось, три центнера на двоих». Подойдя к зеркалу, старик увидел между отражениями верзил свою согбенную фигурку в русском народном костюме и расстроился. Разве это он? Куда же подевалась его удаль молодецкая? Ему вдруг показалось, что жлобы следят за ним со всех сторон. Поэтому, увидев Андрея, обрадовался. Его знакомый шел чуть поодаль человека в белом костюме. Старик понял: это и есть главный «шеф».

— Константин Сергеевич, родной! — раскинув руки, поспешил «шеф» к старику. — Как я рад, что ты жив!

Его лицо обострялось бородкой, тонкие усики, височки чуть покрылись сединой, но чёрные, чуть выпяченные глазки смотрели молодо и весело. Он обнял Гороха, воскликнул:

— Да ты, как я вижу, не вспомнил меня! Я сын Василисы Мышкиной, Никита.

Прошрое всплеснулось в памяти старика, и он произнес:

— Неужто последушек? Крыс?

И только задним умом Горох понял, что ухнул, как в бочку. Жлобы с отражениями усмехнулись, во взгляде Никиты посеялось зло.

— Не про меня говоришь, родной, с кем-то спутал, — стараясь не обнажить досаду, сказал он.

Кивком подозвал одного из верзил, приказал ему покормить гармониста, и тот вежливо, под локоть, провёл старика в небольшую комнатку рядом с гардеробом, и даже сам занёс гармонь.

За столом вечерали водители — это стало понятно Гороху из услышанных фраз про сцепление, тормозные колодки и прочее. Человеку, далёкому от автодела, такие разговоры кажутся пустыми и скучными, но стоит ему приобщиться к рулю, как темы не будет любимее.

Костик Горох был в колхозе пастухом. О лошадях и коровах много знал, но о машинах — ничего. Один из шофёров, пододвинув к нему пустую тарелку, сказал: «Нагружай, отец, не стесняйся».

Заметив, что водителям нет до него дела, старик освоился и взялся за стакан.

Такой водки он ещё не пробовал: она называлась «Минин и Пожарский». Пить одному было неудобно. Горох приподнял бутылку, щелкнул по ней ногтем, привлекая внимание шоферов.

— Пей, артист, тебе можно, а мы за рулём, — бросил один из них.

— У нас Иван Голеньков возил молоко на сепараторный пункт, а там меняли сливки на вино. Так он приезжал, бывало, домой и вываливался из кабинки, — сказал Горох.

Услышав его сиплое, с клёкотом, дыхание, шофера с интересом посмотрели на старика. Он, в петушастой атласной рубахе, с высохшим лицом, покрытым щетиной, показался им странным.

— Что за жанр у тебя, папаша? — спросил круглолицый водитель, одетый, как начальник, в костюм и галстук. — Танцуешь, поёшь, свистишь?

— Играю, — кивнул на гармонь Горох.

— И всё? — усмехнулся шофёр. — На этом ящике? Он, наверно, ровесник тебе?

— Довоенная вещь, — подтвердил старик. Выпил полстакана «Минина», по привычке занюхал было рукавом, но тот, атласный, не помог — пришлось унять огонь варёной колбасой.

— Анекдот вспомнил, — сказал круглолицый. Идёт концерт наших в Америке. Пугачева, Кобзон выступают — зрители ноль эмоций. И вот узкоплёночный азиат на какой-то балалайке играет и сам себе поёт: «Учкудук — моя страна, одна палка, два струна...» Зал ревет, аплодирует. Русские журналисты удивляются, спрашивают зрителей: «Почему так? У нас Кобзон и Алка — ферзи, а хлопают чурке». «Таких, как ваши Алка с Иоськой, у нас у самих хватает, — отвечают американцы. — А вот чтобы обезьяна на доске играла и пела, видим впервые».

Шофера засмеялись, поглядывая на старика. Его уязвило сравнение с обезьяной, но пока он промолчал.

— Дед, а дед, а сколько тебе лет? — не унимался круглолицый.

— По волосам дед, а под штанами — нет, — ответил Горох. — Восемьдесят первый.

— Ни фиги себе! Небось, на кладбище прогулы ставят, а ты всё про то, что в штанах, — усмехнулся любитель анекдотов. Тут другой водитель подначил:

— Куда ему с бабами! У него меньше гармошечной кнопки, и то носки на сапогах разглядывает.

Глаза у Гороха вспыхнули.

— А не угадал... Когда ссу, двумя руками держу, чтоб бороду не забрызгать, — произнёс он.

— Тьфу, мать твою! — захохотали шофера и плеснули Гороху «Пожарского» — для куража.

— Здесь как раз по тебе именинница, — сказал круглолицый. — Может, сойдётся, полюбитеесь. Разбогатеешь, дед! А Никита будет тебя «папой» называть.

Старик вдруг прищурился, втянул в себя воздух и строго спросил:

— Как фамилия? Имя? Отчества не надо, вижу, что сопляк. Как доложить начальнику?

Шофер поразился перемене, произошедшей со стариком, испугался:

— Ты что, отец, серьёзно? Я же пошутил...

— Лакей ты, холуй, а не шутник, — усмехнулся Горох. — Глазами начальника жрёшь, а заглазно — продаёшь.

Он привстал из-за стола, окончательно осмелев, взялся за гармонь.

— Сейчас я, обезьяна, сыграю вам про сопки Маньчжурии...

Шофера лишь покачивали головами: ну, крутой старик! Но сыграть для них не пришлось. В дверях появился верзила, сказал:

— Вас ждут, папаша. Чтобы в зал вошли с музыкой! Играйте во всю мочь.

Гороха слегка качнуло перед дверью, открывавшей ему дорогу в неведомый мир. Матюкнувшись для воодушевления, он распрямил плечи и шагнул за отодвинутую жлобом бархатную портьеру.

III

Пальцы Гороха сами побежали по кнопкам — так было всегда, когда он, даже в стельку пьяный, играл без перебоев. И сейчас старик не слышал ничего, кроме гармонии. Он был ослеплён золотом люстр, подавлен месивом людей, сидевших за длинным, как река, столом, и сотнями липких глаз, взиравших на него. Позабыв, что он в русском народном костюме, а не в домашнем галифе, Горох вдруг подумал: как же от него, наверно, пахнет деревенским духом в этом пахнущем вином и мясом зале, и его ноги стали деревенеть. Со стороны казалось, что это вовсе не человек вошёл, а старая заводная кукла, которая браво двигалась, покуда разжималась пружина, а сейчас её осталось всего на полшага.

Но вдруг от дальнего края стола донеслось такое близкое, живое, хоть и дрожащее, как в патефоне:

Приди, милый, аль не слышишь

Мой сипавый голосок?

Расстоянье небольшое —

Только поле да лесок.

И Горох встрепенулся, ожил. Как десятки лет назад, изнутри, из-под сердца вывернулся ответ:

У мотани Васеньки

Три рубахи красненьки:

В одной робит, в другой спит,

В третьей на крыльце стоит.

Зал взревел от восторга. Воспрявший старый гармонист рванул «русскую» с когда-то показанными ему отцом переборами, от которых могли заплясать не только живые существа, но и бокалы, столы и пол с потолком. Но гости, продолжая мерно, как часы, отбивать хлопками ритм, не поднялись из-за стола, не ринулись бить каблуками

дробь или вприсядку, а лишь подначивали друг дружку. И только полная старуха вышла навстречу гармонисту. И не узнал бы он Василису, встретив где-нибудь на улице, но сейчас понял, что в этом зале одна она ему близкая, а по тому, как она ему подморгнула, как прошлась, всплеснув руками, и вовсе её признал. А Василиса приблизилась к нему и положила руку на гармонь.

— Живой, Костик, живой... Ну, здравствуй, — сказала она, чуть всхлипнув. — Уж я отведу с тобой душу, как встарь. Спасибо, уважил. Давай-ка присядем, споём.

Она подвела Гороха к своему месту за столом, и Никита уступил гармонисту высокое, как трон, мягкое кресло.

«Когда б имел златые горы... — задрезжал Василисин голос, и зал обрушил слаженно: — И реки, полные вина...»

Потом ещё спели про ухаря-купца, про белоснежную вишню... Многих слов Горох уже не помнил, но выручала память именинницы. Однако через полчаса и Василиса устала, откинулась в кресле, счастливая.

Один за другим следовали бесконечные поздравления, тосты. Вдруг оказавшийся в роли прислуги Гороха сын Василисы, которому доставалось похвал и лести больше, чем самой юбилярше, нисколько не побрезговал поухаживать за гармонистом и делал это с показным удовольствием, нарочно, под улыбки публики, перекинув через руку салфетку. Он налил Гороху одну за другой две рюмки сладкого, пахнущего лимоном напитка, и у старика в голове зашумело. «Нешто повалюсь под стол!», — заволновался он и в третий раз попросил Никиту не наливать.

— А что ж ты не закусываешь, Константин Сергеевич! — воскликнул «шеф». — Неужели пересытился? Или не уважаешь наш стол? Вряд ли ты в жизни такое едал.

Он накладывал в золочёную тарелку понемногу от всех кушаний, пододвигал всевозможные приправы. Но Горох стеснялся своей беззубости и высохших от работы рук с чернотой под ногтями, да и кушанья были непривычными: начиненная чем-то рыба, какие-то ракушки, зелёные солёные сливы.

Почувствовав неловкость из-за того, что его привезли сюда по заказу и угощают до отвала, Горох снова потянулся к гармонии. Но на него уже смотрели равнодушно, как на изученный, наскучивший объект. Душа этой компании ждала иного. И когда в противоположном конце зала грянули электрогитары, застучали барабаны, да так громко, что звякнули висюльки на люстрах, весь

народ из-за стола сорвался, побежал трястись и гикать.

— Ну, что, Василисушка, разбогатела? — спросил Горох именинницу.
— Ты, чай, царицей на старости стала? Дородная, гладкая и без морщин. Не то, что моя Настёна...

Она засмеялась, блеснув золотыми зубами,

— Сын мой богатый, Никитушка. Возит меня на курорты, служанку нанял.

— А кто он таков? Великий начальник? Глава или зам?

— Да ну! Те с Никитушкой пляшут. На поклон к нему ездят.

— Так он — областной? — удивился Горох.

— Торгует сынок, — пояснила старуха. — У него в Дмитровце три магазина со снедью, а там, где строительный трест находился, Никита заводик открыл. У хохлов берёт рыбу, коптит её, солит, готовит рулеты, паштеты... На него тридцать семь человек работают!

Василиса что-то ещё говорила о достижениях Никитушки, но Гороху было плохо слышно из-за ревущей музыки. Он, вспомнив своё, всматривался в танцующих.

— Скажи, Василиса, врача среди них нету? — спросил он.

— Зачем тебе? — удивилась она. — Стало плохо?

— Мне надо домой его вызвать. Старуха моя чуть скрипит. Задавил её кашель подлючий. А в Погосте чего? Ни лекарств и ни лекарей.

Василиса наклонилась к его уху, прошептала:

— Не глядел ты на меня тогда на вечеринках... Тужи теперь. Рази твоя Настёна такая, как я? Она одного родила, а я трех. «Офицер зато!» — хвалилась. И где он теперь? Ну, ладно, это я по-бабьи вспомнила, прости. Настёна всё же неплохая. Ты, Костик, сыну моему, Никитушке, скажи. Он тебе враз всех докторов доставит. Только сам попроси, меня он ругает, что влажу...

Но Горох уже знал: не станет он просить её сына. И не потому, что нечаянно Крысом по-уличному назвал. И даже не из-за того, что Никитка в белоснежном костюме, а он — в подаренной рубахе. Просто в чёрненьких глазках «шефа» старик ещё там, в вестибюле, увидел бездонную пропасть, которую не перейти.

— Где твои другие дети? — спросил он именинницу.

— Юра на Севере, Юлька в Москве. Её муж был партийным в ЦК, а сейчас возглавляет большущий завод. Он Никитушку и подтолкнул, денег дал для начала. Чужие, что ли, помогут? Задавят!

«А может, попросить районного главу?» — всё думал о своём Горох.

— Покажи мне Колесникова, — попросил он Василису.

— Видишь, баба в красном платье? А рядом с ней рыжий толстяк?

Это и есть голова.

— Что-то знакомый, — всмотрелся Горох.

— Он по деревням когда-то ездил, комсомольские собрания проводил, — сказала Василиса. — Только что морда покруглела да живот оттопырился, а так — не изменился. Ты к нему насчёт доктора хочешь? Не надо. Здесь не время, не место, а завтра тебя и не вспомнит. Никитушке скажи.

«Кто я им? — с тоской подумал Горох. — И Василиса никому бы не нужна, когда б не рыба... И не Крыса величают, а его деньги... Сколько же мне заплатят? А может, вспомнят про сотню и сапоги с рубахой — и на этом шабаш? Нет, надо поиграть ещё, чтобы подольше...»

Когда все гости, подустав от танцев, расселись по своим местам, он вытянул из-под стола гармонь и подумал, какая же она невзрачная, облупленная, старая среди этого общего блеска. «Ничего, ничего, ещё пару вещей я сделаю», — успокоил себя Горох и заиграл «Коробейники». Но музыка песней не стала: лишь один женский голос потянул было: «Е-есть и ситец, и парча-а...» — но, сиротливый, оборвался. Наступил тот самый неприятный для любого исполнителя момент, когда он становится невостребованным публикой. Как бы ни блистал, ни изощрялся, выплёскивая из себя всё лучшее, впитанное за годы учения и выступлений, но если публика равнодушна даже в твои высшие моменты, значит, что-то происходит не с тобой, а с ней.

Костик Горох возненавидел лениво жующих женщин, развалившихся от сытости, отрывающих мужчин, в глазах которых скапливалась дрёма. «Ну что вам ещё надо? Какого рожна? — возмущался он, пытаясь расшевелить гостей. — Вы же русские, а своих песен не поёте!»

— Сыграй, Костик, «На реченьку», — снова выручила Василиса. Она выплыла на середину зала, накинув на плечи «Аршавскую» шаль, и засеменила под опьяняющую мелодию. Её полные руки словно несли ведра с водой, ноги бесшумно касались пола.

Выйду на реченьку, на бережок,

Здесь с тобою встретимся, милый дружок.

Мы с тобой, как лебеди, рядом поплывём,

Про любовь горячую песню споём.

Один из гостей, всё же задетый за живое родным деревенским мотивом, попытался составить пару, но смотрелся рядом с Василисой каким-то обрубком.

Оживший Костик Горох принялся наяривать «Мотаню»,

«Барыню» и даже попытался сыграть вальс «Дунайские волны», но сбился. Его пальцы перестали попадать на кнопки. Василиса заметила это и поняла: сегодня старик не способен на большее. Она обняла гармониста и даже пустила слезу, что, быть может, в последний раз видит его. Но какой же молодой она вновь почувствовала себя!

Когда Горох уходил из зала, гости не обратили на него внимания. Лишь Никита пожал руку старику, сказал «спасибо» и протянул ему со стола красивую бутылку вина.

В вестибюле один из верзил вновь взял его под локоток и отвёл в уже знакомую комнатку, где никого теперь не было. Жлоб вынул из кармана трубку, произнес в нее:

— Андрей, клиент готов, — и пояснил Гороху. — Сейчас вас отвезут.

«А как же деньги!» — чуть не выкрикнул старик, но гордость не позволила сорваться... Да и при чем здесь была детина? Гороху стало нестерпимо больно. Зачем же он ехал сюда: чтобы водки попить да сыграть этим жвачным бабёнкам? Да разве бы они с Кирюхой хуже посидели за «домотканой», с молоденькой картошкой и огурчиком!

Расстроенный, он вышел в вестибюль, не в силах оставаться в опостылевшей комнате, и вновь увидел в зеркале себя — худого, скрюченного, в скоморошьей рубахе и низких сапогах... Разве такие сапоги носил он после войны! Из тонкой кожи, содранной им в рейхсканцелярии с дивана, прошитые свиной щетинкой, подбитые гвоздиками из бересклета....

Увидев усмешку жлоба, Горох ушел в туалет. Там сияли белизной писсуары и раковины, серебрились краны, тихо журчала вода. Неспешно справляя стариковскую нужду, гармонист надеялся, что Крыс и Василиса вспомнят про него, что они, занятые гостями, просто забыли о нем и сейчас спохватятся. Он вышел в вестибюль, но никого из Мышкиных там не было. Зато увидел Андрея и обрадовался: вот кто напомнит хозяевам о расплате.

— Все в порядке, Константин Сергеевич? — спросил тот.

— Да вот... не рассчитались со мной, — произнес, чего-то стыдясь, Горох. — Не получилось, как ты обещал...

— А какой расчёт ты ждёшь? — удивился Андрей. — Попил, поел, поиграл в свое удовольствие, молодость вспомнил, с большими людьми пообщался...

Но, увидев набравшиеся слезами обиды глаза старика, пожалел его:

— Шучу я, Сергеич. Что, правда, Никита не дал ничего? Пойду-ка напомню...

Он направился было к банкетному залу, но по пути передумал, вернулся к Гороху.

— Вот что, отец, расчёт за мной, как обещал. Всё равно я Никите должен. Вот тебе двадцать долларов — это хорошие деньги. Рубли у меня кончились, прости. Если хочешь поменять, тебя завезут в круглосуточный гастроном, там есть обменный пункт. Лечи свою старуху, гармонист.

Андрей куда-то спешно скрылся, а старик стоял с зажатой в руке иностранной бумажкой, на которой был не привычный Ленин и даже не кони, а серо-зелёный мужик в сюртуке.

— Поехали, дед — подошел один из верзил.

— Сколько это будет на рубли? — спросил Горох.

— Хочешь деревянных? Сменяем, — ответил детина. — Посмотришь наш Дмитровец ночью.

Они сели в другую машину, не такую длинную, но тоже быструю: на поворотах старика трепало, как сноп. В гастрономе покупатели с любопытством разглядывали Гороха, его наряд.

— Эй, дедок, из хора Пятницкого, что ли?

— Да это сам Пятницкий...

Почувствовав и здесь насмешливое внимание к себе, Костик Горох еще больше согнулся. Сопровождавший его детина взял у него зелёную бумажку, протянул в окошко обменного пункта, и оттуда вылезла рука с «пятидесятками». Старик оживился.

— Слушай, мил человек, аптеки сейчас работают? — спросил он.

— Конечно. И здесь есть киоск, в магазине. Пойдем, поглядим, чего тебе надо.

Девушка в белоснежном халате сказала Гороху, что может продать без рецепта только не очень эффективные лекарства. Но кашель бывает по разным причинам. «Впрочем, — сказала она, — есть одно универсальное новейшее средство, которое помогает всем». И она назвала цену.

— Как раз все твои денежки за горсть таблеток, дед, — усмехнулся детина. — Небось, еще с побочными явлениями... Купил бы ты себе и своей бабке хорошую закуску к бутылке вина! Гляди, чего здесь только нет: сыры, колбасы, мармелад... А лучше всего — торты. Какие красавцы! Сколько вам в этой жизни осталось? Хоть напоследок попируйте...

Горох несколько раз перевел взгляд с невзрачного пузырька с таблетками на витрину с красивыми, словно с картинки, тортами и, наконец, отчаянно взмахнул рукой:

— Будь по-твоему, милоч! Всё равно с одного пузырька толку мало, а другие брать не за что.

Гороху торт упаковали в золотистую бумагу сверх коробки, перевязали красной лентой. На остальные деньги парень купил старику варёной колбасы и творожных сырков, чтобы можно было пожевать одними дёснами. И даже две «десятки» сдачи дал.

— Молодец, — похлопывал его по плечу верзила. — Ты настоящий мужик, крутой! Обрадуешь свою бабку, не то что кашлять перестанет — помолодеет лет на пять.

И в дороге он продолжал нахваливать Гороха, повторяя одно и то же по нескольку раз, так что старик, издёрганный сегодняшними приключениями, быстро задремал. Он очнулся, когда услышал:

— Тпру, Зорька, плетень! — и почувствовал, что машина остановилась.

Горох, поставив наземь мешок с гармонью и гостинцами, ещё некоторое время стоял у калитки. Голова кружилась от переживаний, выпивки и усталости, и сразу в дом ему идти не захотелось.

Вечер, переходящий в ночь, был мягок и душист. В сарае дремотно постанывали куры. Насытившаяся солнцем и теплом мурава с калачиками густо, по-хлебному, пахла. Над заросшим акацией и сиренью кладбищем плыл неумолчный хорал цикад и птиц. На горизонте еще дотлевала тончайшей полосой денная синева, и оттого весь мир казался укрытым под шатром, и мохнатые звезды, словно золотые паучки, шевелились на кровле.

Вынув из мешка гостинцы, Горох направился тихо к времянке: вот войдет на цыпочках, поставит торт на стол и развернет... Дверь заскрипела, как гвоздь по стеклу, и старик чертыхнулся: сейчас заворчит его бабка, закашляется. Но одеяло не пошевелилось.

— Настёна, глянь, чего я принёс, — сказал растерянно старик.

Никто ему не ответил, и Константин Сергеевич застыл на пороге, не зная, куда ему девать гостинец. Он почувствовал, как ослабели его ноги, как подкатил под горло ком.

— Пришел, гуляка? — услышал он.

И заплакал.

Наталья ТЕРЕХОВА

В БЕСКОНЕЧНОЙ СПЕШКЕ БЫТИЯ

МАСЛЕНИЦА

Богородичной иконой –
Посветлевшей, обновлённой,
К нам заглядывает небо
В отворённое окно.
Под капельные трезвоны
Да курлыкание вороны
Строчку в быль, а может, в небыль
Пишет палочкой оно.

Паутинкой древней фрески
Исчертили перелески
Тени тонких пальцев длинных –
Влажных веточек – свечей.
Тонут-стонут в гулком треске
Ноздреватые обрезки:
Скоро с рощей тополиной
Разговор начнёт ручей.

Поперечно и продольно,
И согласно, и раздольно
Начинается движение
В сердцевине дымных льдин.
Это тайное брожение –
Календарное вторжение,
Духом блинным разрешение
Ледниковых проводин.

Первый день Великого поста.
Небо и земля сравнялись белой,
Неоплаканною, огрубелой
Тканью исповедного листа.

Штурмовал февраль колокола,
Заметал в сугробы дым забвенья.
Ночь покровом траурным легла
Предзнаменованием Воскресенья.

Всё в природе замерло до срока.
Плачь, бездомная душа моя.
Горе нам. Мы потеряли Бога
В бесконечной спешке бытия.

Жги меня, Господи,
Да не до смерти.
Усади, голую,
Да на паперти.
Все придут глазеть
В брачные простыни,
Крошки хлеба счесть
С будничной скатерти

Против течения,
В лоб — наследственность.
Ждёт приручения
Непосредственность.
Будь мне одеждою,
Ночь синеокая.
Тайной надеждою —
Пасха далёкая.

Моя потрёпанная книга
Так многословна — так пуста.
Не я, не я, но Сам, Владыко,
Всё, до последнего листа

Сожги – пусть будет очень больно.
К рассвету трижды отрекусь;
Судьбой бесславной недовольна,
Сестрой Иова назовусь.
Мне б онеметь. И молча плакать.
Да как дерзаю, так и жить...
Но кран на кухне будет капать,
Мешая саван белый шить.

Всё пустое. Всё пустое.
Что-то ясное, простое
Прячут от меня.
Время на ходу глотаю,
Необъятное хватаю
В сутолоке дня.
Шум весенний, грязь ботинок,
Бесконечный шёпот льдинок
Топчут тишину.
Сколько ж музыки и красок,
Мартовских горячих плясок –
На меня одну!
Одиноко. Одиноко.
Где-то далеко – далёко,
В Сербии – стране
Мирром на бумаге тая,
Плачет Дева Пресвятая,
Плачет обо мне.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ГРОЗА

Какая кроткая победа!
Какая царственная власть
Поверх асфальтового бреда
Неторопливо пролилась!

Клубами вешнего циклона,
Туманом таинственных сфер
Накрыла угольные склоны
И пьяный развесёлый сквер.

Играй на трубах запылённых,
Смывай бумажные цветы,
И флаги красных и зелёных
Залей потоками воды!

Остывший вечер благодарно
Затеplit свечи сотен штор —
Коптящих огоньков угарных
Из телегазовых камор.

И небо, полное господства
Неизреченной тишины,
Уронит капли первородства
В поля измученной страны.

АЛДАНСКАЯ ВЕСНА

Сугробов серые барханы
Осели, выдыхая пар.
И склоны обнажили раны,
Приемля солнца щедрый дар.
К закату ниже и плотнее
Слоёный мартовский пирог
С углём и хламом, что пестреет
В размытых впадинах дорог.
Лохмотья нищенки, сестрица,
Напрасно прячешь от меня —
Печная сажа растворится
Капелью солнечного дня.
Оттаявшую примешь лиру
И запоёшь, когда трезвон
Пасхальный потечёт по миру,
О камни разбивая сон
Столетних льдов, покой взрывая
И дремоту ленивых вежд.
Мир станет отголоском рая
И исполнением надежд.

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Не было.
Не видела воочию
Лунный дым,
Стекавший к поворотам
Тайным в Гефсимании,
К воротам,
Ради Пасхи отворенных
Даже ночью.

Не по мне проклятье.
Не со мною
Верные уснувшие. Дрожащий
Поцелуй, развёрнутый в Распятие.
Звёздным роем —
Тьма над головою.

Но желает воздух обратиться
Свитком, запечатанным до срока.
ДА и НЕТ — всего лишь.
Да случится
Выжженная белая дорога
В Гору, где готовится мне ложе,
Где под вечер выдохнуть придётся:
«Вскую Ты оставил меня, Боже?!»

Время выбрать — остаётся.
Остаётся.

Римма КАТАЕВА

НЕПОСТИЖИМОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

ХАРЬКОВ, 22 ИЮНЯ...

Наш старый дом по улице Свердлова –
Высокий дом, изогнутый дугой...
Он только что, как все, услышал слово,
Произнесенное
по радио
Москвой.

А мне годов - еще беспечно мало,
По лестницам пружину без конца.
Но почему так плачет, плачет мама,
Захлебываясь
именем отца?..

Я знаю: папа где-то на границе
И повидаться нам никак нельзя...
А в скверике у всех такие лица!
Такие
непонятные глаза...

Уже на окнах - странные полосы,
Как крестики в ребяческой игре,
И мальчик, что всегда ходил в матроске,
Прощается с друзьями
во дворе.

В квартире лампы светят вполнакала,
Уходит мама в ночь, как ночь - черна...
... А я тогда всерьез не понимала,
Что это
начинается
война.

июнь 1979

* * *

Ну, когда ж ты придёшь, весна?
Календарные спутались даты.
И с усмешкою снегопада
На гитаре дрожит струна.

За тебя волнуюсь, весна,
Как за дом свой и за парламент,
И в твоей оказалась драме
Я - без воздуха и без сна.

Почернело жжёт белизна.
Подмерзают посадки каштанов.
Город мой застывает в капканах.
Ну, когда ж ты придёшь весна?!

19 марта 2010

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Осенний ветер, упреди
Мои нелепые заносы -
Маячат где-то впереди
И задают свои вопросы.

Весь мир сегодняшний знобит...
Сумеем мы сыскать опору, -
И станет понадёжней быт,
И обернется светлым город.

Осенний ветер отряхни
С дороги колкие сомненья,
Чтоб от вселенской злой возни
Остались лишь одни поленья...

октябрь 2009

Белый свет давно не бел.
Вдруг с утра - белым-бело!
Озорно махнув крылом,
Снег нагрянул,
 как пострел.

И - с ухмылкой бунтаря —
Рвется в трезвые умы —
Посреди большой зимы,
В середине
 января.

15 января 2011

* * *

Ф.С. Бекетову

В праздник весенний - веточку роз
Мне преподнес ты, скользя с гололеду.
Смело прошла через всю непогоду
Малых цветов необычная гроздь.

Звуки восторга срываются с уст
И - под пером - застывают щемяще...
...В розовом - женщиною настоящей -
Я и по нынешний день остаюсь.

8 марта 2010

Смотрю тебя. Тебя читаю.
Твой дерзкий почерк почитаю.
Любуюсь я твоим азартом,
Когда с трибуны - элегантно -
Несешь насмешливое слово,
Рискованный - ты так раскован!
В миру - отчаянный рубака.
То - расшивной горишь рубахой

То - платом шейным - королевски, -
А ля - романтик Вознесенский.
Но что ведет тебя - не знаю.
Во мне - твоя трепещет тайна.
Пробиться норовлю все чаще
Сквозь
неразгаданную чащу!..

февраль 2011

Ну, почему их называют - "крокусы"?!
Застенчивые ранние цветы...
Поднявшись из горшечной темноты,
На нас глядят, с неповторимой кроткостью,
И в помыслах отчаянно чисты.

Мой дом затоплен краскою лиловою.
Вдали от всей трескучей суеты
Меня качают волны теплоты...
Так почему ж?! Но - улыбаюсь снова я:
Все тот же праздник и все тот же ты!..

8 марта 2011

У ПОРТРЕТА

Я была с тобою день.
Я была с тобою ночь.
Но осталась не у дел -
Не сумели мне помочь
Ни восторженность, ни пыл,
Обращенные к тебе.
Вместо строк - одна лишь пыль
В незагаданной
судьбе...

август 2010

ВНУЧКЕ

Саша, девочка моя,
Слепок красоты и мысли, -
Радуюсь: на свет явился
Рыцарь твой

и твой маяк.

Познакомил вас - бивак,
На холмах босого лета.
Рядом - щебетали дети
И плескались

дерева.

Белокур, глаза - лазурь,
Ростом - на голову выше, -
Он закрыл собою нишу,
Охранив тебя

от бурь.

Ждет зимы лохматый шарф,
Вязанный твоею мамой,
От него - струится пламень
И - зеленый -

льется шарм.

Ваш обветренный прибор
Дышит творческою одой...
... Может быть, так и приходит
Первая, как снег,
любовь?..

23 января 2011

* * *

У нас с тобою всё не состоялось.
Осталась только смутная усталость.
И в памяти - весёлая машина
Да силуэт куста шальной малины.

Летали мы сквозь город и деревню.
Трепали нас натянутые нервы,
И спотыкались на прямой дороге,
И у любви застряли на пороге.

Расстались мы без всяких сантиментов.
Живём по-разному на разных континентах.
И время нам доказывает с грустью
Духовную

несовместимость

пульса.

апрель 2010

МАРИНИН САД

А где-то там, в далеком городишке,
Ты - что ни день! - растишь свой росный сад,
Без устали, без всякой передышки,
Вдыхая

благородный аромат.

О, мой дизайнер, так влюбленный в краски,
Что вводишь их в садовый пируэт,
И сосны - белые, и чёрные, и красные -
Иголками

разбрызгивают цвет.

Весной - подснежники, а летом - мальвы.
Петунии фиолетовый сквозняк,
И верба, и смородина, и пальмы, -
Все смотрят

с фотографий на меня.

Ну, а малина - что у нас клубника!
Невольным звоном - ягодный сонет.
В руках твоих - малиновая книга,
На голове -

малиновый берет

... Воочию - такого не увижу.

Но чтоб ко мне пришел душистый лад,
Нет, не в Париже, а все ближе, ближе, -
Со мной бы рядом -

этот тихий сад!..

август 2011

Сентябрины,
мои сентябрины! -
Распускаются
лишь в октябре:
Вопреки наступающей стыни -
стройным стеблем и профилем синим -
На окне,
 под окном,
 во дворе...

12 октября 2010

* * *

За окном, на крышах гаражей,
Ярко порассыпался багрянец.
С каждым часом становясь нежней,
Он вершит свой сокровенный танец.

Вдруг девчонка крышею прошла
И, листву запихивая в ранец,
Вмиг разорвала багряный глянец,
Проявляя маленькую власть...

... Неужели так же невпопад -
Меж тобой и мною что-то грянет,
Руша нами слепленный багрянец -
Наш осенний,
 наш червлённый сад?..
 сентябрь 2009

Остро я чувствую зависимость
От близких, от друзей, от власти,
От чьей-то, брошенной мне милости,
От чьей-то
 выдуманной страсти.

Я - каюсь: рядом с благодарностью
В душе горчит тот грех печали,
Что ввек на принесет мне радости,
И - звездной
 не позовет далью.

Зависимость моя настырная
Живую рифму угнетает,
И - обессиленная - стыну я
В отчаянной
 разгадке тайн...

Но чую чутко, как неистово,
Как трудно, больно и отважно
Сражается за независимость -
Моя
 любимая
 держава!..

февраль 2011

Не грех - унять, забыть
тревогу!
Не грех - коптеть
над каждой строчкою,
Когда непостижимость
творчества
Несуетно приводит
к Богу!

февраль 2011

Александр КЕРДАН

КУКИШ

Взводу лейтенанта Алексеева была поставлена задача: организовать засаду на пути возможного отхода бандгруппы, которую основные силы батальона блокировали в кишлаке. Алексеев прибыл из Союза месяц назад и «в горы» шёл впервые.

Впереди топал рядовой Фокин, «дед», который уже отсчитывал свои «сто дней до приказа». Фокина комбат называл не иначе, как «Мальчик из Уржума» – а откуда это прозвище Алексееву было неизвестно.

На одном из поворотов едва заметной тропки узкого ущелья Фокин резко остановился. Алексеев ткнулся в его спину.

– Фокин, ядрит твою, чего тормозишь!... – вполголоса ругнулся Алексеев.

– Мина, товарищ лейтенант! – по-волжски окая, радостно доложил Фокин.

– Где? – Алексеев невольно подался назад.

Замкомвзвода сержант Погорелый очутился рядом, как положено разведчику, неслышно. Вообще-то, сержант должен был идти замыкающим, да, комбат перед выходом в рейд определил ему место за «зелёным» взводным, чтобы в случае чего, подсказал и с «дедами» помог найти общий язык.

Погорелый бережно отстранил Алексеева, обменялся с Фокиным многозначительным взглядом.

«Не считают меня командиром... – перехватил этот взгляд и покраснел от обиды Алексеев, но, тем не менее, про мину сказал со знанием дела:

– Противопехотная!

– Ага, деревяшка, – привычно обозвал мину в деревянном корпусе Погорелый.

Крышка мины углом торчала из-под щебня всего в паре шагов ровно посреди узкой тропы.

– Грамотно поставлена. Хорошо ещё, что давно лежит, и дождем сверху грунт смыло, а то бы ножкой топнул и...ку-ку...– Фокин с ухмылкой покосился на свой ботинок сорок шестого размера.

– Наши ставили. У «духов» таких развалюх нет. У них – итальянки, – снова проявил осведомлённость Алексеев.

– Итальянки – у наёмников. А местные фугас и противотанковую любят, чтоб сразу бээмпэшку или танк завалить. За них афоней больше отстёгивают, – внёс поправку Погорелый, опять заставив Алексеева покраснеть.

– Что, делать-то бум, товарищ лейтенант? – глядя на взводного с высоты своего двухметрового роста, спросил Фокин.

Первое и самое простое, что пришло Алексею в голову – перешагнуть через мину, само собой, соблюдая меры предосторожности. Об этом и сказал подчинённым.

– Перешагнуть-то можно, – сдержанно усмехнулся Погорелый, – только не факт, что там, куда за миной ногу поставите, второй такой нет. Или того хуже – сама деревяшка с сюрпризом: скажем, с фугасом спарена. Нет, товарищ лейтенант, тут, или сапёра вызывать надо или самим мину сдёрнуть на подрыв. Как скажете?..

Алексеев помнил из занятий по инженерной подготовке, что противопехотная деревянная имеет самое примитивное устройство: в деревянную коробку втиснута двухсотграммовая толовая шашка, а справа от неё – в металлическом стакане взрыватель с капсюлем-детонатором. Но разминировать такую мину вручную практически невозможно. Единственное надёжное средство, и тут сержант прав – это из укрытия «кошкой» сдёрнуть мину с места «на подрыв». Но подорвать её в нынешней ситуации – значило выдать себя и сорвать задачу.

– Так что, товарищ лейтенант, рванём? – переспросил Погорелый. Алексеев почувствовал себя хозяином положения.

– Взрывать не будем и сапёра ждать некогда. Задачи нам, товарищи бойцы, никто не отменял. Буду разминировать. Оба – в укрытие!

– Товарищ лейтена... – попытался остановить его Погорелый.

– Тебе что, сержант, два раза приказ повторять? – поставил точку Алексеев.

Он снял каску, подсумки, положил автомат, убедился, что взвод укрылся за поворотом, и опустил перед миной на колени.

«Гиблое дело я затеял...», – унимая внутреннюю дрожь, он размял пальцы. Осторожно стал разгребать щебень вокруг короба, каждый раз обмирая, когда случайно прикасался к его шероховатым стенкам. Когда мина открылась со всех сторон, с радостью обнаружил, что

никаких проводов или проволочек от неё в стороны не тянется: значит, сюрприза никакого нет. Хвостовик бойка с выдернутой чекой – мина на боевом взводе.

– Сначала вставим чеку, после начнём выкручивать капсюль... – повторяя давний урок, озвучил сам для себя алгоритм предстоящих действий. – Но где мы чеку-то возьмём? – Он пошарил в кармане «афганки», нащупал коробок со спичками. Вынул одну, с сомнением оглядел её: выдержит или нет? Ничего другого под рукой всё равно не было, и он решил рискнуть: подрагивающими от напряжения пальцами вставил спичку в отверстие для чеки. Спичка встала, как влитая.

«Ух-ты! Получилось!»

Рукавом «афганки» утёр пот со лба и осторожно выкрутил капсюль-детонатор. Поднялся на неустойчивых ногах, повернулся к солдатам с торжествующим видом, держа капсюль-детонатор в правой руке.

Погорелый первым вышел из укрытия.

– Ну, вы даёте, товарищ лейтенант! Как настоящий хирург работаете... С почином, командир... – уважительно сказал он.

– Скажи лучше, как скульптор... – довольно отозвался Алексеев и краем глаза увидел, как спичка, служившая чекой, не выдерживает напряжения пружины и медленно, словно в кино, начинает надламываться...

Он инстинктивно схватил хвостовик бойка другой рукой, силясь его удержать, но не сумел. Раздался негромкий хлопок. Алексеев зажмурился, а, когда открыл глаза, ещё не чувствуя боли, увидел вместо пальцев кровавое месиво...

В один из звонких дней в конце октября командир роты курсантов Бакинского общевойскового командного училища имени Верховного Совета Азербайджанской ССР майор Сенько построил личный состав. Улыбчивый и коренастый, за свою неизменно красную физиономию он заслужил прозвище «Сеньор Помидор». Красноту щек майора подчёркивал окольш огромный фуражки с непомерно высокой тульей – «аэродром не принимает». Этот головной убор, сшитый по спецзаказу, не имел аналогов во всём училище и вызывал постоянные нарекания старшего начальства, являясь при этом предметом законной гордости её хозяина. Сенько курсанты любили за веселый нрав,

побаивались за строгость и уважали за справедливость.

- Ну, что бездельники, – бодрым, орлиным взором окинул он строй.
- Радуйтесь: сегодня ПХД. Скучать никому не придётся. Задач у нас
- выше крыши, но есть одна – особой важности. С неё и начнём...

Сенько выдержал паузу:

- Ну, товарищи курсанты, настал ваш звёздный час... Кто у нас художники?

Алексеев и Бубнов переглянулись: идти в автопарк, на полигон или в столовую не хотелось, а работа художников представлялась делом не пыльным и сулила некоторые послабления со стороны начальства. И хотя художественных способностей друзья-приятели не имели, не сговариваясь, сделали шаг вперёд.

Сенько оглядел их с головы до пят:

- Художники? Лепить умеете?
- Всё умеем, товарищ майор, – в голос заверили они.
- Ладно, дуйте к старшине. Он вам задачу поставит!

Старшина Ревенко к наличию творческих способностей у данных курсантов отнесся более недоверчиво:

- Вы точно художники али брешете?

Алексеев ответил за двоих:

- Никак нет, товарищ старшина, не брешем!
- Ну, добре, пейшлы, – он повел их через плац к КПП.

Училище и военный городок с колоритным названием «Красный Восток» располагались в старом районе города, недалеко от Бакинского проспекта и улицы Ингла. От пятиэтажных хрущёвок – ДОСов «кузницу пехотных кадров страны» отделял высокий бетонный забор. Метров в трёхстах от КПП в нём была ниша, где на постаменте стоял памятник Кирову. На трёхметровом гипсовом вожде было пальто чуть выше колен, кепка и сапоги. Левую руку Киров прижимал к груди, словно желая унять стук пламенного революционного сердца, а правой показывал в сторону центра, как раз туда, куда обычно курсанты бегали в самоволку.

К памятнику и привел их старшина.

- Побачьте, який нэпорядок! – указал он на статую.

Вид памятника и впрямь был удручающим: по торсу вождя шли трещины, гипс на плечах выщерблен, на правой руке изваяния не хватало нескольких пальцев.

Старшина определил:

– О цэ, товарищы курсанти, будьтэ ласкови, отреставрируют товарища Кырова. Усэ трэщины заделать, отколоты части восстановить, размулевать. И шоб усэ було в найлучшем видэ!

Получив мешок гипса, шпатели, кисти и краску, Алексеев и Бубнов не спеша приступили к работе. Трещины на груди и спине Кирова заделали без особых осложнений. Когда встал вопрос о реставрации отдельных частей – уха, пальцев, процесс застопорился...

Ухо с трудом, но восстановить всё же смогли, а вот вылепить вытянутые пальцы на правой руке никак не получалось.

И тут Бубнов предложил:

– А давай, Костя, кулак сделаем! Его-то куда проще слепить...

Алексеев усмехнулся:

– Что кулак, лучше уж сразу кукиш!

Бубнов поскрёб измазанной пятернёй затылок:

– Точно, Серёга! Вот, всё училище оборжётся!

Фига получилась эффектной. Памятник выкрасили белой краской. Оглядели со всех сторон и остались довольны: Киров стоял, как новенький...

Вернулись в казарму, доложили старшине о выполнении приказа.

– Добрэ получылось?

– Нормально!

– Проверять трэба?

Они переглянулись:

– Дело ваше, товарищ старшина...

Ревенко проверять не стал.

Алексеев и Бубнов после обеда рассказали однокурсникам о своей проделке. Хором посмеялись над ней. Особо любопытные сходили к памятнику на экскурсию и остались довольны увиденным. Но, как говорится: новый день – новая пища...

В воскресенье, как передовиков ПХД, старшина отпустил «скульпторов» в увольнение. А в понедельник с утра пораньше их вызвал в канцелярию «Сеньор Помидор».

– Ну что, художники-передвижники, довыдывались? – Сенько, ещё более красный, чем обычно, впился в них немигающим взглядом, и, не дожидаясь ответа, приказал: – В колонну по одному, за мной шагом а-арш!

У памятника он дал волю гневу, затопал ногами:

– Это что такое? Вы что себе позволяете, идиоты, мерзавцы? А

если бы утром не я это рукоблудие заметил, а кто-то другой! Это же идеологическая диверсия, антисоветская пропаганда! Да ещё в канун праздника Великого Октября! – он внезапно остановился и отчеканил. – Так вот, в присутствии товарища Сергея Мироновича Кирова объявляю обоим по пять нарядов вне очереди! Даю час, нет, полчаса, чтобы это безобразие ликвидировать и придать руке исторический вид! О выполнении доложить мне лично!

Покачивая фуражкой- «аэродромом», Сенько стремительно удалился.

Алексеев и Бубнов с минуту тупо смотрели друг на друга: «Идеологическая диверсия, антисоветская пропаганда... Точно, отчислят! Как пить дать, отчислят!» – только сейчас до них дошёл «политический» смысл их проделки.

Они тут же забрались на постамент и при помощи обломка кирпича «ампутировали» десницу вождя, грозящую отчислением. Метнулись к казарме за инструментом, принесли всё необходимое, и работа закипела. От страха даже скульпторские способности прорезались: вытянутые пальцы на злополучной руке получились, как нельзя лучше...

Сенько, и впрямь, оказался мужиком нормальным. Поскольку никто из старших начальников кукиш не увидел, «политическое дело» Алексееву и Бубнову пришито не было. Ни комсомольского собрания с исключением из ВЛКСМ за осквернение революционной святыни, ни распекания перед строем... Они просто отходили свои пять нарядов вне очереди, и происшествие как будто забылось. Только однокурсники до самого выпуска вспоминали про кукиш, и нет-нет, пробегая мимо памятника в самоволку, исподтишка показывали Кирову фигуру из трех пальцев.

...Выпуск шумно отмечали в кафе «Навруз» на окраине Баку. Были шашлык, люля-кебаб, зелень и сорок литров «обкомовского» коньяка добытого, как говаривал Райкин, «черыз таваравэд, черыз задыные кырыльцо» на Кировобадском коньячном заводе отцом одного из выпускников. Пели песни, танцевали, произносили тосты за «альма-матер», за пехоту, за будущих командармов...

Внезапно кто-то закричал:

– Наших бьют!

С шумом вывалились во двор. В полутемном переулке рядом с кафе мелькали белые рубахи лейтенантов, и темные рубахи «чужих».

Визжали девицы. Раздавался мат.

Когда нападавшие, не выдержав атаки, с проклятьями ретировались, лейтенанты вернулись в кафе. Оглядели друг друга: у одного оторван погон, у другого – рубаха в крови, у третьего – фингал...

Бубнов разглядывал правую руку: пальцы были неестественно вывернуты.

– Я его за воротник схватил, а он, гад, рванулся... пальцы выбил что-ли... – кривился он.

Невеста одного из лейтенантов – шустрая блондинка с широко раскрытыми синими глазами, выпускница медучилища, осмотрела руку Бубнова и заявила:

– Вывих. Мигом вправим! – она уверенно взяла посиневшие пальцы в свою пухлую ладонь, сжала их и так дёрнула, что Бубнов потерял сознание.

– Ой, я, наверное, что-то не то сделала, – разрыдалась она.

...В Кабульском госпитале, куда Алексеева доставили после рейда, он получил письмо от Бубнова, написанное коряво и неразборчиво.

«Серый, – сообщал Костя, – Я всё еще не в строю. Пальцы после драки у меня срослись плохо, средний и указательный теперь вообще не гнутся... Даже фигу никому не покажешь! Доктор сказал, если не разработаю, комиссуют ко всем чертям...»

«А вот меня из армии точно спишут», – Алексеев посмотрел на свои забинтованные руки. Письмо Бубнова напомнило историю с памятником. До Алексеева внезапно дошло: «Всё – не случайно!» И та драка возле кафе, где Бубнов выбил пальцы, и его случай с запалом от ПМД. Всё – одно к одному. И даже то, что мину нашёл солдат по прозвищу: «Мальчик из Уржума»... Алексеев только теперь вспомнил, что ещё в начальных классах школы, читал книгу с таким названием. Главным героем в ней был вятский мальчик Серёжа Костриков. «Но ведь это же имя будущего революционера Сергея Мироновича Кирова! Вот так совпаденце... Вот тебе и фигу, товарищ Киров! Выходит, не мы тебе, Мироныч, а ты нам кукиш показал! Только нам-то с Бубновым теперь никто новые пальцы не прилепит...»

Об этом он и рассказал командиру батальона майору Игнатенко, приехавшему по каким-то делам в штаб армии и зашедшему в госпиталь навестить подчинённого.

Оглядев забинтованные руки Алексеева, Игнатенко сказал хмуро и, как показалось лейтенанту, зло:

– Сам во всём виноват. Какого рожна к mine полез? Инструкции не знаешь?

– Не хотел шума поднимать, товарищ майор. Да и в училище по инженерной подготовке у меня пятёрка была...

– Пятёрка... Тоже мне сапёр отыскался! – ругнулся Игнатенко. – Остался дурак без пальцев! И на хрена?

Алексеев опустил глаза. Комбат, конечно, прав, его жертва оказалась напрасной: тогда в горах бандгруппа на них так и не вышла – ушла из кишлака другими тропами...

– Я ведь почти обезвредил мину, – всё-таки попытался оправдаться он. – Если бы только не месть товарища Кирова...

– Причём здесь товарищ Киров? Ты мне эту мистику брось, лейтенант! Слушай сюда, что я тебе скажу: надо канцелярскую скрепку в кармане носить, а не спички! Скрепка не подведёт. С ней ты любой mine кукиш покажешь! Понял?

Наталя МАТЮХ

«Сьогодні мама снилася мені...»

СЛОВО ПРО РІДНУ МОВУ

Над чолом в моєї мови
ще горить вінець терновий —
хай вже трошечки оббитий,
павутиннячком обвитий,
все одно чоло до крові
розтина він рідній мові.
Вже ж вона, непередлива,
нетямняюче вродлива,
стільки літ його носила!..
Хоч терпіть було несила —
тужно в Кафі нудьгуючи,
панській шляхті слугуючи,
в темних царських казематах,
божевільницьких палатах,
осипаючись зірками
над німими Соловками...
Хто звільняв чоло те з муки —
колючки загнав у руки.
Хто ж на часі знався ліпше —
той вінець надяг ще глибше,
аж на скроні, де сивіше:
«Так ось, мово, красивіше!»
Я б могла втаїти все це —
надто коле терня в серце.
Але є у мене втіха,
гляну — й біль минає стиха.
То на стільчику малому
серед квіту, сонця й грому
полинову, калинову
донька вчить українську мову.

Притулитись до тебе наївно, дитинно, невинно —
вже від стрічі медово, та ще від розлуки полинно,
мов не вірячи в правду, невпевнено і обережно,
та за мить — відчайдушно й нервово-щасливо-невдержно,
вдячно, лагідно, терпко, терново-вінково й коронно,
завойовницьки міцно й беззахисно та безборонно,
неймовірно кокетливо й тихо-ревниво-ридально,
непорочно і грішно, молитвенно і сповідально,
загадково і палко, розчулено і захмеліло
(врешті легко зітхнувши й відкинувши все, що боліло),
так мрійливо-бентежно, єдино-довірливо й ніжно,
непідробно справдешньо і навіть на йоту не книжно,
розхвильовано-зморено й сонно-лодійно-причально...
Але, — Господи! — лиш не збайдужіло б та не прощально!..

Притулитись до тебе...

Пам'яті Миколи Шаповала

— Цей Ваш старий рушник в передпокої,
це вишите вітрило на стіні... —
Ну хто його так рано заспокоїв,
так рано зупинив на бистрині?..

Колись воно пливло — ба ні, летіло! —
навстріч усім, хто знав, любив, беріг
оцей тепер такий осиротілий,
такий без Вас незатишний поріг.

А потім — це воно — за Вами з гостем
краєчком зазірало в кабінет,
де книги й ліки пахли мудро й гостро,
де сповідавсь і сповідав Поет.

І, часом потрапляючи в провалля
новоприбулих ненадійних рим, —
підказувало, вчило, виправляло
укупі із господарем своїм.

Та нині Ваш рушник — лиш тінь вітрила.
Вас від весни, від березня нема...
В той день страшний захрипнувши від крику,
тепер на ньому заполоч — німа.

І, мабуть, вже усяк йому байдуже:
катрени чи октави — все одно...
Лиш інколи гойдне чолом недужим
до краю сплотніле полотно
понад святий поріг, де щемно й віщо
густий дзвінок ночами не стиха...

То звично йдуть чиїсь ще грішні вірші
на прощу
до німого рушника.

Мамо-матусенько, сива іконо,
як же без тебе стемніло навколо!..
Все, що цвіло, мерехтіло, палало,
сірість нудну веселково долало, —
раптом в жалобу сплигло кольорами,
ніби й собі залишилось без мами...

Мамо-матусенько, сива іконо,
місяць зійшов, як млинове коло,
стеле доріжку, на марево схожу...
Може, по ній я знайти тебе зможу,
небом відібрану так незаконно?..
Мамо-матусенько, сива іконо!..

Холодно в храмі твоїм неземному,
швидше вертайся до теплого дому!

Денно і нічно тужу за тобою
серцем, що сповнене муки та болю
невідворотно, невиліковно!..

Мамо-матусенько, сива іконо...

Сьогодні мама снилася мені...
Немов кудись пливла собі в човні
по нашому ставку в підніжжі саду,
з якого поливали ми розсаду,
який давав нам рибу і купав
качок, дітей та зорі між купав.

Вона пливла й легенько посміхалась, —
а навкруги стихав тим часом галас
комах намоклих, зляканої птиці,
розпластаної навznak повитиці,
скаліченого листя й всіх підряд,
кому набив синців вечірній град...

А потім мама тихо заспівала... —
й одразу відступила хмар навала,
і замість ночі день сяйнув із неба
до кожного, кого зцілити треба...
Та щойно зблиск той відпустив мене —
безслідно зникло плесо водяне.

В моїй палаті сонце теж цвіло.
І лікар, що долоню на чоло
мені поклав, не міг сказати й слова,
бо я була... ну майже вже здорова,
хоча ще вчора плавилась в огні!..

Все просто: мама снилася мені.

Не переймайся, квітко польова,
що в спеку дощ тебе не полива,
що ти ніяк не можеш відпочить,
бо поруч коник трав'яний сюрчить,
вгорі щебече жайвір, і джмелі
гудуть навкруг, як літачки малі,
а ще лоскочуть личко, мов на кпин
беруть весь час, метелики та пил...

Не плач рососою тихою вночі,
коли, холодні місячні мечі
мов мітки розставляючи, бреде
мале, веснянкувате та руде
хлоп'я-безсоння — зморене, як ти,
й таке ж невітшне, бо до ранку йти
йому під гомін золотих жуків
і шурхотіння срібних їжаків...

Але найбільше, квітко польова,
нехай не в'яне в тебе голова
через образи, болісні й гіркі,
на всі стихії, всіх істот, які
не помічають вперто чар твоїх —
твій запах, врода не хвилюють їх!..
Тому ти, певно, й заздрила не раз
молодшим сестрам, зірваним для ваз...

Яка ж ти дивна, квітко польова!
Радій, що довго так іще жива,
що, попри всі твої тяжкі хрести,
в насінні знову зможеш прорости!..
Хоча... лише кількахвилинний шквал
обожнювання, захвату, похвал,
що піднесе до зір, до забуття, —
можливо, вартий усього життя...

В Купальську ніч такий шалений холод!.. —
Мов бойовий лапландський Слон Зими
простер над світом велетенський хобот,
а сам сховався, щоб не зловили ми.

Напевне, він стоїть в старезнім лісі
серед галяви, наче білий бог.
Вже крони всіх дерев круг нього лісі,
бо Слон голодний і не просить в борг,
а, знай собі, вечеряє неспішно;
йому привільно, любо й трохи смішно,
що навіть в час комп'ютерної ери
по лісі бродять не якісь химери —
а можновладці, судді, депутати
прийшли купальську папороть шукати.
Та скільки ж тут їх — ситих і огрядних,
сумнівно добродішних і порядних —
в Купала просять всемогутніх щасть
(бо хто, крім нього, їм тепер їх дасть?!)..

І мружить Слон своє правічне око,
маскуючись уміло під наїв:
навмисне, а, можливо, й ненароком
той диво-цвіт він просто взяв і з'їв,
щоб... відригнути смачно на людців,
котрі до нього мчать з усіх кінців...

Така страшна примарилась картина,
що я тремчу, немов мала дитина,
в своїм порожнім нахололім домі —
самотня, як і Слон вдалечині...
І тільки мама з фото у альбомі
сказати може, казка це чи ні.

Із вузликом білим в маленькій красивій руці,
де ласощів — ніби багатств у яйці-у райці:
і яблука, й груші, і мед при пухких пирогах... —
іде моя мама по вічних захмарних лугах.

Ступа обережно, минає підступні рови,
котрі причаїлись між свіжих покосів трави.
На мамину думку, лишилась остання з орбіт,
де батько, скінчивши косити, чекає обід.

І враз, ніби нитка, її обірвалась хода:
побачила Ту, що з косою, — кістлява, худа,
вона вже рушала кудись, та (нечувана річ!)
спинилась і... мамі беззубо всміхнулась навстріч.

А потім дві жінки присіли на зілля тремке.
І Та, що з косою, матусі сказала таке:
«Я знаю, що всім на землі осоружна й бридка —
прокльонів тяжких не вмістила б найглибша ріка!..
Так, мій інструмент — це не пензель Далі чи Мане,
та ним позбавляю страждань, якщо кличуть мене.
А решта — робота... Її б на тюрму, на суму
змінила!.. Та звичка сильніша за мене саму.
Тож скільки не каюсь — вертаю «на круги своя»...
І тільки єдине ще глузд зберегти дозволя:
коли після того, як душу згубила живу,
хоч трохи коса моя просто покосить траву...»

І мама розклала гостинці на руту та мак.
І Та, що з косою, все їла та слухала всмак,
як мама жаліла її, співчувала до сліз...
А час не спішив — ніби хміль огорожею, ліз...

І досі, здається, триває та дивна пора:
у цілому світі ніхто і ніде не вмира,
бо мама, зібравши усе красномовство своє,
Отій, що з косою, на землю зійти не дає...

Ще двір дрімав — якраз була субота,
де всяк собі хазяїн і указ.
І голуб чистив потемнілі боти
об мокру гілку, як об перелаз.

А від таксі дівця йшла голінна,
а ще... либонь, уперше на віку
старий з медаллю «За взяття Берліна»
ціпком облізлим рився в смітнику.

Такий ізроду бравий та хоробрий,
а бач, зламався в прірви на краю:
була дочка — та з'їв її Чорнобиль,
була жона — та десь уже в раю.

Чомусь, до того ж не вгодив сусіду
(такий гладкий — його б у плуг впрягти!), —
усе глузує: «Ще старцюєш, діду?
Чи сам помреш, чи, може, допомгти?..»

Ось він іде з бульдогом — два бульдоги:
той в слині весь, а цей гризе мигдаль
та, знай, хутчіше наляга на ноги,
коли минає дідову медаль.

Й, діставши хустку (не в універмазі
куповану — з Парижа, далебі!),
втирає пащі, скривлені в зневазі:
спочатку псу, а потім вже — й собі.

* * *

Сховатися б лицем в твої долоні,
як фото в половинки медальйонні,
як нахолола квітка в теплу воду,
як тиша саду в солов'їну оду,

як тінь рибини у глибінь ріки,
як сміх бджоли в медові стільники...

Сховатися б лицем в твої долоні,
як пам'ять у щоденник, як, до ролі
звикаючи, в карету Попелюшка,
як пасемце, закладене за вушко,
в розпущене волосся, як звіря,
що власний дім по запаху звіря...

Сховатися б лицем в твої долоні,
як в мармурове ліплення колони
музичний звук, як в яблуко зернятко,
як у гніздо мале ластовенятко,
як в сповідь — гріх, що правив за мету,
як самоцвіт в оздобу золоту...

Сховатися б лицем в твої долоні,
як білий парус — в небеса, солоні
від бризок моря, як в конверт прозорий
любовна сповідь, як нитки — в узорі,
як в сіно голка, де б єдиний ти
усе-таки зумів її знайти!..

Сховатися б лицем в твої долоні...

Ирина ПОЛЯКОВА

МОСТЫ МЕЖДУ ЛЮДСКИМИ ДУШАМИ

Александр Сергеевич Проскурнин в свои мальчишеские годы мечтал летать. Так сильно хотел этого, что пристраивал к рукам самодельные крылья и прыгал с высоты... Два крыла творчества – архитектура и поэзия – всю жизнь поднимали его над земными невзгодами, вверх, вверх... Он мог бы быть очень известным человеком – уж во всяком случае в своём городе, в Харькове. Но исключительная скромность, присущая истинным интеллигентам, оставляли Александра Сергеевича как бы в тени, хотя в творческих кругах архитекторов и литераторов многие его знают и любят.

Он родился и рос в Санкт-Петербурге, в семье литераторов. Отец – поэт, мать окончила знаменитые Бестужевские высшие женские курсы, тоже писала, публиковалась. В начале 20-х годов семья, спасаясь от голода, переехала в Харьков. Но и здесь болезни и нужда не отпускали: очень рано, в 1924 году, умер отец, в 1936 – мать. Двадцатилетний Александр тогда уже учился в Художественном институте.

Он прошёл всю Великую Отечественную войну, от начала до конца – офицером инженерных войск. Архитектор, он и на войне выполнял своё главное дело – строил. Восстанавливал, часто под обстрелами и бомбёжкой, взорванные и разрушенные мосты, чтобы по ним могли дальше идти наши войска, а потом – налаживаться мирная жизнь людей. И через Волгу, и через Вислу в Польше, и в Вене – через Дунай и Дунайский канал. Приходилось быть и переводчиком в трудных военных случаях: Александр Сергеевич свободно владел английским и немецким языками.

В Харьков Проскурнин вернулся в 1946 году. Был главным архитектором Дзержинского района, руководителем проекта реконструкции города. Новые районы – Павлово Поле, Красношкола на набережной, проспект Гагарина – возводились при его ведущем участии. Достопримечательность города – каскад зеркальной струи – его детище. 12 пионерских лагерей вокруг города тоже проектировал Проскурнин. В 1969 году, после трагического ташкентского землетрясения, он вместе с другими строителями и архитекторами нашего города восстанавливал Ташкент. Немало лет преподавал на кафедре архитектуры Института инженеров коммунального хозяйства, в Институте механизации сельского хозяйства. Многие его ученики занимают ведущие посты.

Всю жизнь Александр Сергеевич Проскурнин писал стихи. В журнале представлена подборка его стихов самых разных лет – от довоенных юношеских строк до поэтических откровений последних лет. Это талантливые, пронизанные любовью к людям и болью за них, необыкновенно искренние стихи. В поэзии, как и в жизни, Проскурнин вновь наводит мосты – между душами людскими. Настолько пронзительны эти стихи, что временами перехватывает дыхание. Их невозможно читать равнодушно – это наша жизнь.

Есть люди, несущие в себе высокую нравственную энергию интеллигентности и духа. Таким был и Александр Сергеевич Проскурнин.

Александр Проскурнин

СТАРЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Вале

Стучат часы. Сегодня ночью снова,
Прогнав усталость и дремоту прочь,
Я подарю тебе живое слово,
Возьми его — оно родилось в ночь.

Храни его... Пускай лежит в покое.
Быть может, в жизни час такой придёт:
Ты к сердцу вдруг притронешься рукою,
Вздохнёшь слегка — и слово оживёт.

И вспомнишь всё — и доброе, и злое,
И холод зим, и зной морского дня...
Возьми же слово, как дитя родное,
Оно твоё. Вот всё, что у меня.

1962

ПОД БЕЛЫМ СНЕГОМ

(из цикла «Стихи о маме»)

От иллюзий, вдребезги разбитых,
От упрёков совести устав,
Я пришёл к могиле позабытой —
Нет на ней ни камня, ни креста.

Кто сказал, что за вечным бегом
Лет, покрытых пылью голубой,
Будешь ты лежать под белым снегом,
Я — стоять угрюмо над тобой?

Знаю я — рассказывать не надо,
Что ещё не сдался я судьбе,
Что за этой каменной оградой
Я всё время помнил о тебе.

Что меня мятежила всегда ты,
Призывая к бою вновь...
Только мёртвым, дорогим когда-то,
Не нужны ни жертвы, ни любовь..

1937

ЗВЁЗДОЧКА

Девушка сошла на полустанке.
Звёздочка горела на ушанке,
За плечами сумка фронтовая,
А сама — такая молодая.
В эту ночь в дороге ей не спалось,
Вспоминалось, много вспоминалось.
Виделся ей берег тополиный,
Чудились ей песни Украины.

Наступление шло неудержимо.
И казалось: пули — мимо, мимо
Пролетают, песни распевая.
Но одна ужалила — шальная:
На виске чуть видимая ранка,
Покатилась по снегу ушанка...

Но приказ суровый выполняя,
За собой упавших оставляя,
Все вперед стремились. Задержался
Лишь один. Недолго он прощался,
Взял он только звёздочку с собою
И унес её навстречу бою.

И когда умолкнут батареи,
И травкою порастут траншеи,
Вспоминая имена и даты,

Звёздочку, горевшую когда-то,
Кто-нибудь, седеющий, достанет
Из кармана гимнастерки старой.
И расскажет дочке или сыну,
Как любили люди Украину...

1941

ИЮЛЬ 44-го

Идут по Новоржевскому шоссе
Войска, войска, в своём упорном марше.
Там впереди места родные все,
Но это край великой боли нашей.

Лежит вповалку заповедный лес.
Повсюду разоренье и страданье,
Как будто бы явился сам Дантес,
Чтоб завершить кровавое деянье...

Но над могилой, в трепете знамён
Звучат стихи бессмертного поэта,
К нему идут полки со всех сторон
Под небом огнедышащего лета.

А дальше — путь у них лежит один:
На Кенигсберг, Варшаву. На Берлин.

1944-1984

В КОСТЁЛЕ

Костёл по воскресному тесен,
Высокие свечи горят.
Под хор католических песен
Задумался русский солдат.

Чужда ему эта осанна,
Но манит её красота,
И чудится в песне органа
Не та ему песня, не та.

Проходят паны и паненки,
Спешат протолпиться вперёд,
Смиренно встают на коленки,
А ксёндз заунывно поёт.

Солдату из дальнего края,
Что шапку сжимает в руке,
Всё чудится песня родная
На русском родном языке...
Баранув. Польша. 1944.

НАКАНУНЕ

Т.В. Иванченко

Мы шли на запад. Города сдавались,
Шальной закат на белых флагах гас.
И страшные ворота открывались,
И узники приветствовали нас.

Потом они за каждым поворотом
Встречались нам с пожитками в руках,
И радостно своё кричали что-то
На многих, непонятных языках.

А вечером у нас французы были —
Страхнув свою усталость, словно пыль,
Они нас забавляли и смешили,
Какой-то представляя водевиль.

Но вдруг плечо к плечу, рядами стали
И грянули, как только лишь смогли,
Знакомый гимн. Мы слов не понимали,
Мы видели, как слёзы их текли...

Зловещая Бастилия исчезла
В весеннем громе сброшенных оков...
И встал весь зал. И каждый стал суров.
И каждый сердцем понял: МАРСЕЛЬЕЗА!
Гляйвиц (Гливице). 1945.

ЛАСТОЧКА

Памяти М.В.

Выстрел рогатки меток,
Не будем судить — жесток.
Падает в сетку веток
Маленький, жалкий комок.

И скачет вперед мальчишка,
Как будто стремясь в полёт,
Не скажешь — жестокий слишком,
А просто лишь — без забот.

Он вырастет. И когда-то,
В каком-то бою большом,
Будет уже солдатом,
Стреляющим хорошо.

Когда не вояка отпетый,
А даже родная мать, —
Как будут писать газеты, —
Прикажет ему убивать...

* * *

Утром, идя меж домами,
Где травы сгустился шёлк,
Я ласточку под кустами,
Подбитую кем-то, нашёл.

Уже совсем не живая,
Так только бывает во сне,
В ладони моей остывая,
В глаза она глянула мне.

Я видел агоний немало —
Родных, друзей и солдат,
Но что-то во мне оборвал он,
Подбитой ласточки взгляд.

В нём было такое прощанье
С обманутой жизнью, с весной,
С торжественной утренней ранью
И, мне показалось, — со мной...

* * *

Мальчишки мои, мальчишки,
Оружие в руки беря,
Не станьте жестокими слишком,
Не убивайте зря.

Всё, что жило вчера ещё,
Чего не вернуть назад,
Ласточкой умирающей
Смотрит в ваши глаза...

1966

* * *

Старые деревья убирают
С улиц, переулков, площадей.
Мне сдается, будто убивают
Добрых и порядочных людей...

Вот подходит — с топором, вразвалку,
Паренёк, стоявший в стороне.
Я спросил его: — Тебе не жалко?
Он ответил равнодушно: — Не!

И не стон деревьев-ветеранов
В отголосках пасмурного дня,
Это «Не!» как эхо непрерывно
Всё в ушах звенело у меня...

1985

МОЛИТВА ИВЕ

Как во сне вижу иву огромную,
А под ней, в этот хлещущий дождь,
Обнимая собаку бездомную,
Плачет старый, измученный бомж.

И просить вроде более некого.
Ветер — тучу скорей пронеси.
Деться некуда, спрятаться некуда.
Ива, ты их укрой и спаси...

1998

ЛОЖКА

В день, когда в ряды постелей белых
Я вошёл походкою нестойкой,
Старика из дома престарелых
Положили на соседней койке.

После где-то резали, сшивали,
Привезли — и он зашёлся храпом,
И тогда к кровати привязали,
Чтоб не сбросил капельницу на пол.

Ночью, просыпаясь понемножку,
Стал стонать натружено и жалко,
Всё искал он почему-то ложку,
Всё искал он тапочки и палку...

Отвязали — может, лучше стало.
На груди своей он ложку спрятал,
Тапочки надел под одеялом,
Палку тоже затащил куда-то.

Утром, с деловитостью завидной,
Прятал хлеб он, все съедая крошки...
В доме престарелых, очевидно,
Исчезали тапочки, и ложки...

Нянечки дебелие, озлившись,
Старика преследовали ором,
Ну, а после, своего добившись,
Вывезли куда-то прочь. На «скорой».

Опустела койка у окошка,
А на тумбочке осталась мета:

Господи! Она осталась — ЛОЖКА!
Как же он переживёт всё это?

1993

СЕТРИЧКА

Юлии Друниной

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Ю. Друнина

Я слышу разрывы, рычание танков,
Жужжащих осколков рои,
Я вижу — сестричка из боя подранков
Выносит туда, где свои.

Война — это страшно. Война — это просто:
Вот — наши. А дальше — враги...
А здесь, на трибуне, с высоких подмостков,
Не видится в зале ни зги.

И, может быть, только одно остаётся —
Спасать их, собравшихся тут,
Но страшно, что совесть у них не проснётся,
Но страшно — совсем не поймут...

Бледнеет над крышами звёзд переключка,
Над раненой Родиной — свет.
Ты слышишь, тебя она кличет: «Сестричка !..»
А Юлии Друниной — нет...

1991

СЛАВЯНОГОРЬЕ

Внезапен горы тектонический взлёт
Над плавным теченьем Донца.
И крепость пещерная вдруг предстаёт
Пред вами, как чудо Творца.

Беззвучные в крике, извивами мук,
Деревья встречают зарю,
Как тысяча чёрных, страдающих рук,
Протянутых к монастырю.

Но там лишь остатки святой чистоты,
Не тронутой больше никем.
Молчат колокольни, и сняты кресты,
И люди другие совсем.

Не молятся более в кельях они,
Но каждый так трепетно ждёт,
Что кто-то продлит его скорбные дни,
Что кто-то их всё же спасёт...
Санаторий в Славяногорье. 1978

В БЕЛОМ ВЕНЧИКЕ

*В белом венчике из роз
Впереди Иисус Христос.
А. Блок. Двенадцать*

Я народу всегда поклонялся упрямо,
На жестокость порой закрывая глаза.
Так меня наставляла бестужевка-мама,
Что погибла, ни слова в упрёк не сказав.

Может быть, несмотря на расстрел за расстрелом
Самых лучших из нас, чей настал лишь черёд,
Ей, как многим, казалось, что в венчике белом
Сам Христос за собою к добру нас ведёт.

Но они не сбылись, эти чаянья мамы,
День за днём, сметены ураганами зла,
Содрогая сердца, наземь падали храмы
И стонали разбитые колокола...

А теперь, забывая о том понемногу,
Я хотел бы, чтоб это увидела ты —

Как мы дикой толпой возвращаемся к Богу,
И на нашей дороге и кровь и цветы...

1993

ОДА ГОРОДУ

А.Ю. Лейбфрейду

Когда я далёко, в разлуке невольной,
В краю незнакомом, чужом,
Мне снится мой город с его колокольной
И сказочный замок — Госпром.
А если я дома чуть-чуть затоскую,
О чём-то забытом вздохну,
Я выйду на улицу нашу Сумскую
И сердцем на ней отдохну.
Не знаю, не ведаю, что в ней такое,
Но мысли и чувства мои
Всегда усмирят и всегда успокоит
Журчанье Зеркальной струи.
А после я в центре замешкаюсь где-то,
Который мне дорог и мил,
В нём добрый старик, архитектор Бекетов,
Нам столько домов подарил.
Здесь высится город, мой город любимый,
Над ширью далёких полей
И голос истории неповторимый
В душе отдаётся моей.

1999

НЕЖДАННО-НЕГАДАНО

Как себя мне вести:
Засмеяться?
Заплакать?
Только в горле застыл неожиданный ком —
Я увидел: седеет моя собака,
А я всё её помню игривым щенком.

Это значит, когда-то наступит развязка,
Надвигается что-то из будущей тьмы...
И одно только тешит – красивая сказка,
Что когда-то, потом, повстречаемся мы.

А пока что я с нею гулять собираюсь
И не знаю, счастливым я стал отчего б.
Но, нахмурившись вдруг, широко улыбаюсь
И целую собаку в седеющий лоб.

Володимир БРЮГГЕН

ПРИ ЧЕСНОМУ ХЛІБІ

До безміру лине юний поет, приголомшений безмежжям світу і власних сил. Прагне безміру досвідчений художник, якому відкрилася бездонна глибина мислі й почуття. Увінчаного роками майстра торкається безмір потойбічного, він осягав трагічну короткість буття, повсякчасну близькість невідомості за життєвим пругом. Власне, всі оті вікові видозміни й прикмети від початку і позитивно присутні в творчості будь-якого істинного природженого митця.

Отакий «присмак істинності» мені здавна вчувався у публікаціях поважного львівського поета, прозаїка, драматурга Миколи Петренка. Читав його не так багато, але відзначав щоразу із задоволенням якусь особливу вагомість і колоритність його поетичного слова. Не бачивши автора ніколи, мав уже досить сформований «образ» цієї людини. І коли поет попросив мене надіслати йому мою книжку «Блокноти», то, звичайно, для нього примірник (з останніх!) знайшовся. Минуло з півроку чи трохи більше, і я дістаю зі Львова бандероль з ошатною, красиво виданою книжечкою, на титульній сторінці якої значилось: «Микола Петренко. Довкруг пня. «Блокноти» Володимира Брюггена: версії, варіанти, інший аспект, суперечка, заперечення».

Я був ошелешений – іншого слова не знайти. Виявляється, поет (а тоді вже йому була за 80) три місяці не розлучався з моєю книжкою, вичитуючи її та творчо «трансформуючи» у власній художній уяві. З віршованих мініатюр він створив справжнісіньку рецензію, чи статтю про книгу колеги, вплітаючи її теми, настрої, мотиви до власної поетичної тканини. Це був унікальний перегук двох індивідуальних людських світів. Глибина й масштаб мислення М.Петренка вражали. Лише один приклад узагальнення ним деяких наскрізних «блокнотних мотивів» на вірш «Київ»:

Це місто мудрих диваків:
Над містом аура віків,
Німб думи, книги і псалма,
І в небі – ангельська сурма.

Прочитавши й перечитавши «Довкруж пня», належно поцінувавши містке й насичене слово автора, а також розуміючи, наскільки веселе означення книжкової серії – «Львівські Пегаси» – не охоплює всієї серйозності тону М. Петренка, я відчув спонтанний вибух цікавості до всього, що робив і робить оцей письменник. А книги від нього надходили – все нові й нові, і ця продуктивність вражала, інтригувала, вабила... Кортіло поміркувати над її природою, такою далекою від усякого кон'юктурного багатописання.

Я знаю кілька слів, які живуть окремо –
Не назвами речей, не знаками понять.
Не їхню музику нашіптують дерева,
Не їхнім помислом багаття палахтять.
Вони живуть в мені – незвісні, як пташата,
Без мене теж звучать – та веселіш в мені:
Я звільна пещу їх, я підбираю шати,
Ладнаю звуки в них – щоб в міру голосні...
(«Плекання слова»)

І я – читач – я теж хочу почути ці слова, дізнатися про них, вдуматися в них, бо передчуваю: ті слова й для мене, й про мене...

Ірраціональний, спонтанний елемент вільно живе в поезії Миколи Петренка, з нього проростає глибокий і сокровений смисл, який просвітлює і єднає людей. Оте природне існування в поезії продиктувало й горду, незвичну назву для грубезного тому вибраного: «При чесному хлібі». Так, це перша ознака істинного, справжнього, непідробного. Безкорисливість поезії стає найбільшою користю для читача. Її щирість проймає до глибини, а словесна «оркестровка», фонетична організація фрази не зрідка викликають захват. Лірична тонкість єднається в Петренка з масштабним історичним мисленням, доля однієї людини – з долею країни.

Це ліричний щоденник конкретного людського життя, а водночас – і цілої епохи, з усіма її кривдами й несправедливостями, від яких потерпали безневинні. Фундаментальна й багатогранна, емоційна й зацікавлена стаття Миколи Ільницького вдало доповнює цей поважний том. Критик переконливо пов'язує аналіз творів, провідних тематичних ліній книги з особливостями людської індивідуальності, самої вдачі письменника, для якої художнє слово – не оболонка, а суть.

Якщо поезія – ствол літературного дерева, вирощеного Миколою Петренком, то його проза, драматургія, публіцистика, сатира – це розкидисте галуззя того могутнього дерева. Микола Євгенович любить короткі й виразні прозові етюди, які точно фіксують подію, епізод, людську постать... З таких мініатюр укладено щойно видану книжку – «Сни про окраєць хліба», спогади семикласника про страшне лихоліття голодомору на Полтавщині. Такі речі не можна читати спокійно, і з новою силою розумієш, яку важливу роль відіграє література в збереженні історичної пам'яті народу.

Інша окресленість і тональність у збірки «Посаджене мною дерево», яка теж побачила світ у Львові минулого року. «Вірші лісу» – такий вона має підзаголовок. Яка ж невичерпна, багатюща, змістовна ота «лісова симфонія»! Скільки тут любові й поваги до рідної природи, скільки творчої вигадливості, як послідовно й ненав'язливо, вчить поет жити в злагоді із природним світом, прикрашати й збагачувати його своїм трудом, а не руйнувати бездумно й злочинно.

Чи варто наголошувати, яке неоціненне значення мають такі книги для кожного, а надто – для молоді. Всього ж у творчому доробку Миколи Петренка – близько сотні книжок...

Нещодавно письменник відзначив свій 85-літній ювілей. На прохання редакції журналу «Славянин» Микола Євгенович надіслав до Харкова нові вірші, із написаних буквально в останні місяці. Ми бачимо, що муза поетова не дрімає, і зичимо шановному ювілярові здоров'я, нових радощів й нових успіхів у натхненній літературній творчості.

Микола Петренко

ДО БЕЗМІРУ

ВТЕЧА

В небі хмара - чорна, аж кривава,
Промінь сяйва душу обпече...
Щастя знає, що за ним облава,
Що воно й на цей раз утече.

Щастя знає: вирветься на простір
З рук отих мрійливих диваків —
Залишивши вигадку про постріл,
Про шалені видзвони підків.

Утекло, тепер воно безпечне,
Утекло за буряний розмай —
Наче лист, в якому кілька речень:
"Все спливе... Не згадуй... Не шукай!"

Ну а ми в розвихреній жадобі
Знов у гін - немов на щемний клич:
У якій тепер воно подобі,
Щастя те із тисяччю облич?..

Хмара просить вогняного крапу:
Буде, буде месницька гроза!
Нече вовк, що відгризає лапу,
Щастя знов у хащі відповза.

Ось ти вже й край стежки, листопаде,
Ось ще трохи - і кінець путі... Утекло...
Чому ж, чому ти раде —
У дурній гордині, в самоті?..

12. 2. 2011 р.

ДО БЕЗМІРУ

Летить життя, летать вперед,
З душі здирає цидру, -
І сам великий Архімед
Вигадує клепсидру.

Летить - куди? В незвісну даль,
Дрижать під вітром ванти, -
І вже Ньютон, а чи Паскаль
Вигадують куранти.

І все ж - летить до дальніх зір,
До смерті, до загину, -
І хтось ладна секундомір,
Чи вічності машину.

Летить - де безмір, де імла –
Із юної блакиті, -
І в затінку його крила
Я порахую миті.

10. 2. 2011 р.

СПАЛАХ

Як нас тоді похлинали світи,
Левові пащі!..
Друже мій, поряд це ти чи не ти,
Друже найкращий?..

Як нас пекла невситима жага
Гону і лету:
Вітер мов з пекла над нами шуга,
Клич з Назарету.

Що то під серцем - вселенський пожар,
Мрева грядущі?
Гей же, ковтай той пророчий відвар,
Кавову гущу.

Спалена хата, розбитий поріг,
Мати як мати...
Шлях по кістках побратимів проліг,
Друже мій, брате.

Гей, наковтались фальшованих фраз,
Збурені датки.
Що нас вело - чи жадання, чи сказ,
Правди ошматки?

Гей же, це все поглинула пітьма,
Приспані далі.
Друже мій вірний - ми є чи нема?
Крихти печалі...

ВІДДЯКА

Наче сонцем освітлена грань
Заквітує веселкою раптом... —
Я й не мислив життя без страждань,
Без наруги, без розпачів ранніх,

Без нежданих невдач, без жури,
Без облуди за щиру довіру,
Без падінь із крутої гори, -
Тільки ж в міру, мій Господе, в міру

Так, щоб міг я піднятись, щоб міг
Відродитись з крутої нестями,
Міг упасти на рідний поріг —
Лікувати отруйливі шрами.

Ну а потім - як ранок і ніч,
Ну а потім - щоб серце із рожна,
Ну а потім - щоб усміх із віч
І дитяча молитва побожна.

2. 7. 2009 р.

НА ЗВОРОТІ СЯЙВА

Спалахи згадок - ваблива мана,
Раптом спливають абсурдом затятим:
Згадуй не згадуй - але ж сатана
Був - хай би згинув десь!.. - богові братом.

Чорна змія поміж них проповзла,
Чорні шакали примчали на падаль.
Як це: добро відділити від зла?
Тяжко із братом, що в урвище падав.

Ні, він не згине - він стане царем
Зваб і гріхів і чортівської знади.
Будемо й ми там - ось тільки помрем
В хижу добу світової заглади.

Холодно, брате: захмариласть вись,
Лють біля серця виплекує звіра.
Де наш рятунок, мій брате?
Молись! Бийся чолом до пракаменя віри.
26.1. 2010 р.

ПОБРАТИМСТВО: УКРАЇНА

У годину тяжку, у голодні бувальці,
Під невдачі і втрати, невіграний герць, -
Ми клялися на кров: ми надрізали пальці,
Ми надрізали вперту надію сердець.

Ми тепер побратими - хоча й до загину:
Ми клялись перед смертю - а це вже біда.
Наша впертість жахна - наче віра в калину,
В мертву воду - а є ще й живлюща вода.

Поедналися право і лють звіролова,
І пісенна наснага, і вітру розліт:
На святім попелищі під приском - підкова!
Побудуємо ж хату для вдів і сиріт!

Хай піднімуться знов, кучеряві і русі,
Що не знатимуть звіку ні пут, ні ярем:
Бо вже мати ладнає кутю на обрусі,
Бо вже батько сидить за столом з Кобзарем.

КРІЗЬ ДРОТЯНЕ СИТО

*Василеві Бондареві, з яким разом після
фашистської каторги проходили «фільтрацію»
у Львові, в бараках недавнього
концтабору Яновський -
а звідти були скеровані для покути
на донецькі шахти.*

Нас недомучено, нас недобито,
Нас із-за дроту - на сонце.
Проте Нас ще процідять крізь сталінське сито,
Також із дроту: колюче, густе.

Нас профільтрують - не нас, наші юність,
Нас же - ізнов за колючі дроти,
Нас ще дуди, де життя відвернулось —
Вити на сонце і честь берегти.

Із потойбічності, із круговерті
Чується сповнений подиву глас:
Танго прикутих до лютої смерті
Вже відлунало? Та ні, не для нас.

Нам ще цей світ перехреститься клином,
Наче з небес докорятиме нам:
Чом не повісився? Чом не загинув?
Чом догоджав ненависним катом?

Лютого часу невольничі діти,
Це не для нас Богом даний Едем.
Ні, не кажу: нам би краще згоріти!..
Важко - а вірю: ми ще оживем!..

25. 12. 2010 р.

Анатолий МИРОШНИЧЕНКО

БЛАГО СМирЕНЬЯ

ОЗАРЕНИЕ

... Я многие «измы» при культе-застое
Усвоил и думал, что небо пустое:

И то, что в алмазах и крапинках сора,
И то, что сокрыто от праздного взора...

Усвоил и жил, как простая осина...
Ни слава Отца, ни страдания Сына,

Ни сила любви вездесущего Духа –
Ничто не влекло притуплённого слуха,

Дремавшего сердца, души онемелой,
Пока не открыл я рукою несмелой,

На склоне покрытых сединой лет,
Священных страниц и не ахнул невольно,

Пока не прочёл я, добытый подпольно,
Гонимый иудами Новый Завет...

Как мёд гречишный, ночь густа.
В домах погашены огни.
А до пришествия Христа
Остались считанные дни!..

Мне день золотой за спасибо подарен:
И солнце, и сопки, и сосны, и снег,
И стройный олень на таёжном базаре,
И звонкая лайка, и сдержанный смех...

А завтра домой – в городскую берлогу,
В людской одуряющий водоворот,
К рутинной работе, к постылому долгу –
К той жизни, которая наоборот!

Да, завтра!

И всё-таки, Господи правый,
Ты учишь нас притчами Правде святой!
Спасибо за купол небес величавый,
За благо смиренья, за день золотой!..

Животным брат и друг растениям,
Глазами ихними гляжу
Вокруг и всюду нахожу
Раздор и мерзость запустения...

Хотя мы все единосущные,
Как солнце, воздух и вода,
Повсюду люди равнодушные,
Загаженные города

Да сонмы стариков, лишённых
И пропитанья и семьи...
От детских душ опустошённых
До опустевших недр Земли –

Взывает всё к Тебе, Спаситель:
«С мечом карающим явись
В Свою вчерашнюю обитель –
На волоске повисла Жизнь!..»

Я без кожи и брони —
Липнет всякая зараза...
Господи, оборони
От болезни, злобы, сглаза!

Заслони меня и ту,
Что алмазов подороже,
Что от бури на плоту
Защитить себя не может...

Я давно ушёл бы в скит
От лихих людей подальше,
От опричников и фальши,
Только Он мне не велит...

Ночь. И полночь. А мне не спится.
В небе звёзд мерцающее млеко...
Мучусь: не могу с Природой слиться,
Стать подобьем Богочеловека...

...На востоке утро золотится...
Как закат, встречаю новый день я...
Пролетает надо мною птица
Одиночества и отчужденья...

ПОСЛЕДНЯЯ МОЛИТВА ИИСУСА ХРИСТА

(по мотивам Нового Завета)

На Пасхе иудейской совершив
Все таинства Святого Причащенья,
Иисус Христос с тремя учениками
Пошёл печально в Гефсиманский сад,
На гору Елеонскую,
 поближе
К Тому, Кто предрешил Его судьбу...

«Душа моя скорбит смертельно,
Побудьте здесь, пободрствуйте со мною», —
Сказал Христос своим ученикам
Петру, Иакову и Иоанну.

И отошёл от них и стал поодаль
Кручиниться и горячо молиться,
Взывая к Богу: «Отче мой! Отец небесный!
О, если б миновала чаша скорби
Хотя бы Сына Твоего

и завтра
Её не поднесли к Моим устам!
Но если Я испить её обязан,
Какой бы горькой ни была она,
Пусть будет так, как Ты желаешь, Отче.
Я покоряюсь участи Моей
Грядущей, неминуемой, ужасной...»

И так отчаянно молился Он,
Что красный пот стекал с Его чела,
Пятная кровью замершие камни
И проникая в сон учеников...

Он трижды повторил мольбу-молитву,
И трижды подходил к ученикам,
И говорил им с укоризной трижды:
«Час не могли пободрствовать со Мною!
А между тем приблизился Мой час,
И буду предан и распят Я буду...
Молитесь же и бодрствуйте, дабы
Не впасть во искушение ненароком»...

И устыдив их в третий раз, добавил:
«Довольно! Встаньте!
Рядом с нами тот,
Кто душу продал и предаст Меня...»

...И я молюсь Тебе, Отец Небесный,
И обагрят пот моё чело,
И час мой близится неотвратимо,

И спят в саду мои ученики
Беспечно, безучастно, беспробудно...

КАИАФА

Первосвященник Каиафа,
Собравший весь Синедрион,
Когда в твой дом суда и страха
Под стражею был введен Он,

Не ты ли, следуя Талмуду,
В Христа первый пальцем ткнул?
Не ты ли, лицедей, Иуду
На путь предательства толкнул?

Он проклят всеми и повсюду
На все столетия и дни...
Но прежде ты предал Иуду
И спрятался в его тени!

А по тебе скучала плаха
Позора на две тыщи лет,
Первосвященник Каиафа, —
Виновник величайших бед!..

Смерть сидит на суку, как седая сова...
В ожиданье распятия и воскрешенья
Я роняю багряные камни-слова
В восьмигранный бездонный колодец забвенья...

Всё о жизни, что к подвигам сердце звала,
Всё о жизни, что счастьем душу манила,
Всё о жизни, а жизнь — золотая зола
На холмах и равнинах от Лены до Нила...

От печальных сравнений седеют виски,
Наливаются строфы свинцовой синью,
И блуждают звездой по морю тоски,
В Откровении названной Горькой Полынью...

МОЛИТВА

Господь всесильный!
Сделай так,
Чтоб умер я внезапно,
Чтоб перед смертью
Никого не мучил:
Детей беспомощностью не обременял,
Не изводил страданиями близких
И жалости ни в ком не вызывал.

Ты видел Сам,
Как я всю жизнь трудился,
Одoleвая бедность и болезни,
Как утешался славой дурака,
Которого работа с детства любит,
Как постепенно
 к середине жизни
Проникла в мозг свинцовая усталость,
Как я в энцефалитном мраке
Надежду на бессмертье потерял...

Не посылай мне медленную смерть!
Услышь меня, Господь!
И сделай так,
Как я прошу,
И дай возможность
Весь мир
 в последний миг
 благословить...

Отцу Игорю

Вокруг хоромы и скворешни...
Но будь ты сноб и сибарит —
Свято-Покровский храм в Олешне
Тебя приятно поразит...

Его, как дело высшей чести,
Изящно, просто, без затей

Возвёл в селе на ровном месте
Ахтырский протоиерей!

И, словно мыслью ясной, чёткой,
Опоясал он Божий храм
Красивой ковanej решёткой...
Открытый людям и ветрам,

Он в то же время, словно книга,
Как весть желанная кругом,
Как песнь твоя, священник Игорь,
Христу и Матери Его!..

Да видит глаз, да слышат уши,
Как ты, наставник и отец,
Врачуешь Божьим словом души
И просветляешь мрак сердец...

Пусть не обласкан ты столицей,
Но и в пустыне и в лесах
Господь всё видит
и сторицей
Воздаст тебе на небесах!

Качнётся колокол безмерный,
И хлынет мрак под своды глаз...
А человечество бессмертно,
По существу, уже сейчас...
Мы счастье, словно плуг, ковали,
За углями спускаясь в Ад...
Как нам кукушки ковали!..
И вот откували, брат...

Приблизились вплотную сроки,
Чтоб нас, поэтов, сокрушить!
И, может, только наши строки
В народе русском будут жить...

Человек (и пчела и паук)
Совершенно отбился от рук
Благодатного Господа Бога
И живёт, как степная дорога,

Попираемый пешим и конным,
По законам своим беззаконным...
А под солнцем Божественной власти
Обошли б его страсти-напасти...

Человек (и паук и пчела)
Стёр бы чёрную думу с чела,
Почитая счастливейшим долгом
Жить в согласии с Господом Богом...

АРХИМАНДРИТУ ВИТАЛИЮ,
НАМЕСТНИКУ
СВЯТО-ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Нет, не для бешеных баталий
Вы родились, отец Виталий!
Вы бьётесь, надрывая жилы,
Над тем, чтоб люди в мире жили...

Осмысливая Вашу дату,
Я, данник горя и глуши,
Пишу Вам, как родному брату,
По зову сердца и души...
«Отец народов» познакомил
Вас с детских лет с далёкой Коми...
Он Сатаню сущим был
И миллионы душ сгубил!

В часы досуга и уроков,
В среде студентов разных рас —
Сопровождало всюду Вас
Его недремлющее око...

Ряды иуд на анонимках
Росли и обостряли нюх...
И даже в Ваших фотоснимках
Нашли антипартийный дух!..

Вы стали в одночасье лишним,
Все повернулись к вам спиной...
Но, к счастью нашему, Всевышний
Вам уготовил путь иной...

Отвёл от Вас грозу-опасность,
Спасителем руководим,
Ваш добрый друг и мудрый пастырь,
Владыка ныне, Никодим...

И Вам он, через годы бденья,
Велел засеять вновь «пустырь»
И возродить из запустенья
Свято-Покровский монастырь...

...Уже снята со стенок плесень,
Открыты лики всех святых,
И хор возносит к Богу песни
Неотразимой красоты...

А на пороге – сверхзадача
На целый человеческий век:
Спасти страну от бездны плача,
Ворья и нравственных калек...

Да, «Вера – это подвиг духа»,
«Бог – это сердце», – Вы правы.
И моего коснулись слуха
Слова признательной молвы...

Да, слово Божье – крепче стали,
А человечье – мягкий мел...
Вы призваны, отец Виталий,
Для истинно великих дел!

За Ваш неутомимый труд
В Эпоху Веровозрожденья
Господь дарует Вам спасенье,
Как всем, кто был терпим и мудр!..

Все мы ходим под Богом,
Но и дьявол не спит...
Серебрится дорога
То ли в мир, то ли в скит...

Выбирай, если можешь,
То ли пост, то ли пир...
Помоги же нам, Боже,
Мне и выбравшим мир...

Посмотри, но без шор,
на блистающий мир,
Убедись, как Судьба
своенравна, капризна...
Жизнь с одной стороны —
нескончаемый пир,
А с другой стороны —
бесконечная тризна...

Отцу Игорю

И в постсоветской преисподней
По воле всеблагих Небес
Преображения Господня
Храм
из руин восстал, воскрес...

Распалось дьявольское иго,
Стоявшее на голой лжи...
Всю душу праведную Игорь
В Храм воскрешаемый вложил!

В аду томится вождь-Иуда,
А Храм, избавленный от ран,
Стоит в Ахтырке, словно чудо,
Для православных христиан...

Колокола поют и просят
Простора, радости вкусив...
Благую весть они разносят
По Украине и Руси!

Кто я, спрашиваешь, таков?
Тень Твоя и носитель Твоей идеи...
В тридцать синедрионских сребреников
Оценили Тебя, Иисус, иудеи...

Я крестился с тобой в Иордане,
в твоих краях
Ел мацу и прикладывался к штофу...
Разве Ты не заметил, Господь, как я
За тобою последовал на Голгофу?..

Я висел на кресте, Иисус, с Тобой,
А когда и надежда на жизнь истлела,
Отделился я, но с Твоей душой,
От измученного Твоего тела...

Ты вознёсся, а я ожидал оказии
В небеса, усыхая две тыщи лет
Здесь, на месте Твоей искупительной казни,
Где и кровь пролилась, и запёкся Твой след...

Двадцать с лишним столетий длится мой плен
В круглосуточных бденьях, молитвах, трудах...
А признаешь ли ты, Солнце, сирую тень
В Час Второго Пришествия и Суда?..

Василий ВОРГУЛЬ

ИЩУ СВОЮ ДОРОГУ К ХРАМУ

* * *

Весна ли пишет диораму,
Зима ли тропы прячет в снег,
Ищу свою дорогу к храму.
И день, и ночь. И год, и век.

А ветер пляшет не попутно
Не достаёт погожих дней...
Искать свою дорогу трудно,
Но к храму – в сотни раз трудней.

Порой такое ощущение:
Вот-вот сорвусь на вираже.
А ведь дорога – очищенье,
Когда сияет храм в душе.

Скажите, звёзд немые пляски,
Молитвы снега и дождя:
Найду ль дорогу без подсказки,
Не поверну ль назад, найдя?

Вся жизнь в нелепых перехлёстах,
В круженье грёз и тупиков...
Да где ж тот главный перекрёсток,
Зовущий к храму из веков!

И, может быть, устав от жажды,
Познав удачу и беду,
Найду искомое однажды
И к Храму всё-таки дойду!

* * *

Мы в своём воздушном океане,
Не приемлем истину одну:

Для того ли созданы земляне,
Чтобы только ползали по дну?

Обживая илистые мели,
И во сне — не то, чтоб наяву —
Даже и подумать не посмели
Возлетать в седую Синеву.

Нам бы восхвалять в окошке солнце,
Дорожить наземной красотой.
Что же мы, ослушники-придонцы,
Запрещённой бредим высотой?

Почему, настроенные ползать,
Спим и видим крылья за спиной
И хотим в таинственную полночь
Говорить со звёздной тишиной?

— Да войдите в наше положение! —
Устремляем взоры к облакам.
И в ответ: — Земное притяженье
По ногам связало и рукам.

Вы в мечтах живёте, как в тумане,
Не щадя ни леса, ни травы,
И при том лукавите, земляне:
Мол, не прыгнуть выше головы.

Ну а сами прыгнули высоко
И уже потрогали мечту,
Но за вами смотрит Божье Око,
Чтоб не заступили за черту.

НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ ОДА

*Харьков, Салтовский массив,
улица Героев труда*

Город в городе построили
И не ведали тогда:
Были все они героями
Беспримерного труда.

Самолёты, танки делали,
Тракторами шли в поля,
С превосходными идеями
Доходили до Кремля.

Не работа — изумление
Новый харьковский район:
Триста тысяч населения
Перешли за миллион.

А огни в ночи на Салтовке!..
А домищи!.. А дворы!..
Школы... Клиники... Детсадыки...
Зелень... Море детворы...

И сюда подземку вырыли,
И работу всем нашли.
Нынче звук об этом вырони,
Умник: «Чуши не мели.

Дилетанты скуку сеяли,
Понапутали зело,
Полетело в город семьями
Хлеборобное село...»

Говорю сегодня с дедами,
Те смущаются слегка:
— Что в года застоя сделали,
Не осилить за века.

СТЕНА

В Берлине рухнула стена
И с улюлюканьем, и с грустью...
А ведь стоять она должна
Между фашистами и Русью.

Возликовали господа:
— Стена разрушена по праву!
Для них и горе не беда,
Что придавила сверхдержаву.

Мы стен не любим отродясь,
Обходим трудными шагами,

Но и стеной отгородясь,
Не распрощаемся с врагами.

Они усердствуют везде,
Не извести и беленою.
Грозят не где-то на звезде,
А рядом с нами. За стеною.

БОЛЬШАЯ ТРОЙКА

Расплывшийся Черчилль и Рузвельт сидячий
Да Сталин, от вечных бессонниц рябой,
Управились лихо с глобальной задачей,
Закрыв от фашизма планету собой.

* * *

А день и ночь пошли б на компромисс,
Нашли бы общий смысл вода и пламень?
Не до острот косе, познавшей камень,
И не поймёт серьёзности комизм.

Узнав о том, разводим лишь руками,
Берёт своё двухполюсная жизнь.
А дивный пруд, любуясь облаками,
Соединяет гладью глубь и высь.

Пусть никогда не станет Север Югом,
Не обернётся Западом Восток,
Как лютый враг не обернётся другом,

Но в зное нужен холода глоток,
Трудам сменяться надобно досугом,
И должен бить по шляпке молоток.

* * *

Крепкое слово! Без грязи и мата.
Есть же на свете такие слова!
Будто сегодня я слышу солдата:
«Выстоим, братья! За нами – Москва».

Может, солдат не дошёл до Берлина,
Может, в одной из богатых держав
Сохнет над ним безразличная глина,
Только он крепкое слово сдержал.

* * *

Посмотрю на тебя, Украина:
Что-то солнце не густо лучит.
Да и песня, тиха и наивна,
Утешением робким горчит.

А засвищет безвестная птица —
То ли плачет она, то ль поёт.
Я грущу, когда солнце садится,
Но как радуюсь, если встаёт!

Вот и силу весна обретает,
Белым дымом исходят сады.
Я грущу, когда цвет облетает,
Но как радуюсь, видя плоды!

Мы растим их и денно, и ночью,
Но теряются челядь и чернь:
— То ли делаем что-то порочно,
То ль завёлся назойливый червь.

И уж выдохся кто-то, споткнулся,
Неуютно душе и уму.
До чего же наш спуск затянулся,
До чего ж мы привыкли к нему!

И в туманах родная долина,
И в колдобинах — Бог им судья...
Дай мне руку свою, Украина.
Дай мне веру. В тебя. И в себя!

«МГНОВЕНИЯ БЫТИЯ»

Василию Петровичу Самойлову

Ушли века и поколения,
Где их сегодня боль и пыл?
Гляжу с любовью на «Мгновения» —
Мне автор добрым другом был.

Грешно сказать: «Свежо предание!»
И: «До него неближний свет...»
Я слышу в трубке сквозь рыдания
Тяжёлый вздох и: «Васи нет!»

Уходит всё: и вдохновение,
Уроки правды, реки лжи...
Держу в руках его «Мгновения»,
Как фотографию души.

Пусть жизнь сродни одномоментности:
Зажёгся свет — и нет его.
Но прожил он в интеллигентности,
Оставив миру волшебство.

И всей души прикосновение
В свою строку сумел вложить.
И говорят его «Мгновения»:
«И после смерти можно жить!»

*Василий Петрович подготовил рукопись книги
«Мгновения бытия», но ему не хватило мгновения,
чтобы увидеть саму книгу.*

ЧУЛАНОВО

По Чуланово, по Чуланово
Я шагаю, проделав крюк.
Как, друзья мои, почивали вы
На полатах январских вьюг?

Тополя над лугами спящими.
До чего ж они высоки!
Грозно хвастаются щипящими
Крутолобые гусаки.

За околицей стадо пёстрое
Затуманено синевой.
Над бурёнками, как на острове,
Возвышается верховой.

Ниве заспанной росы — лакомство,
Ветру хочется быть везде.

Но заре ли, мадонне, плакаться
При божественной красоте?

У девчонки глазищи — молнии,
В вёдрах плещутся соловьи.
Перейди мне дорогу с полными
И надеждами напои.

Всякий раз открываю заново
Неисхоженную красу.
Побываю весной в Чуланово,
Словно беды в чулан снесу.

ДАР БОЖИЙ

Шёл он, весь в стихах и в песнях,
Утомлённый зноем дня.
Глядь: Господь с высот небесных
Сходит, золотом звеня.

— Знаю, ищешь свет не ближний,
Мною избранный Поэт.
И даёт ему Всевышний
Мерку добрую монет. —

Всей душою ты в работе,
Не даёшь расти грехам.
А подарок не для плоти —
Разбрасаешь по стихам.

Евгений ДУБРАВНЫЙ
СЛАВЯНСКИЙ СОЛОВЕЙ

В начале июня 1995 года на Белгородчине проходили Дни славянской письменности и культуры. Они собрали столько знаменитостей, что у журналистов разбежались глаза: с кем беседовать, у кого брать интервью, на ком остановить свое внимание.

Среди гостей была большая группа из Киева. Возглавлял ее заместитель министра культуры Украины. Но главной фигурой в составе делегации был, конечно, знаменитый певец, народный артист СССР Анатолий Соловьяненко.

Опекал эту группу начальник управления образования Иван Стефанович Соловецкий. Он и позвонил мне, предлагая проехать с украинской группой по памятным местам. Оказывается, Анатолий Борисович, которому предстояло выступать в праздничном концерте, проявил серьезный интерес к нашей белгородской культуре. Узнав, что в селе Красное действует щепкинский музей, он решил непременно побывать в нем. Но Ивану Стефановичу, человеку крайне практичному, захотелось показать знаменитому певцу не только музей, но и все село, все его достопримечательности.

Сначала украинские гости ознакомились со школой. Потом перешли в детский садик.

Работники детсада охотно рассказывали украинским гостям о том, как здорово поставлен у них воспитательный процесс и сколько возможностей появилось у детей для раскрытия своих способностей.

В просторном зале на втором этаже обнаружилось пианино. И у меня возникла шальная мысль: попросить Анатолия Борисовича спеть хотя бы один куплет какой-нибудь песни.

— Вы представляете, что это значит для детишек? — уговаривал я знаменитого солиста. — Они же всю жизнь будут рассказывать, что у них пел Соловьяненко!..

Анатолий Борисович откровенно смутился. Видно было, в нем боролись два чувства: солидно ли народному артисту, певцу с мировым именем петь в каком-то безвестном сельском садике... А с другой стороны — здесь родился знаменитый Щепкин, почему бы и не попробовать...

Он подошел к пианино, открыл крышку и одним пальцем начал проверять клавиши. Конечно же, инструмент был разлажен, и Соловьяненко не смог скрыть своего огорчения. Но тем не менее начал пробовать голос. И тут я заметил, что в зале нет нашего оператора. Он увлекся съемкой интерьера на первом этаже. Когда я притащил его наверх, Анатолий Борисович уже пел в полный голос.

Все замерли. Это была удивительная картина: певец, которому рукоплескали Париж и Вена, Рим и Женева, Лондон и Нью-Йорк, пел в небольшом сельском детсадыке и пел удивительно красиво.

Когда он закончил, зал взорвался аплодисментами. Соловьяненко поднялся и сделал очень характерное движение головой: смотри, дескать, получилось.

Дети были потрясены, они не хотели отпускать Анатолия Борисовича, да и ему не хотелось уходить. Ребятишки тянули свои ручонки к прославленному певцу и он старался пожать каждую.

Так и вышли они шумным роем во двор. И долго махали потом вслед уходящему певцу.

Все это чуть ли не до слез растрогало Анатолия Борисовича и он долго не мог успокоиться.

Потом был музей Михаила Семеновича Щепкина. Чувствовалось, что Соловьяненко не ожидал увидеть такое богатство. Не скрывая удивления, осматривал он экспозицию, особенно долго задерживаясь у стендов, рассказывающих о работе великого русского актера в украинских театрах, о дружбе Щепкина с Пушкиным и Гоголем.

Работники музея уговорили Соловьяненко оставить запись в книге посетителей. Он охотно присел к небольшому столику и, не задумываясь, взялся за перо. Я привел оператора и заставил снимать все с начала до конца. Первые слова были просты и трогательны. «С огромной любовью и уважением к памяти великого артиста и человека, творчество и жизнь которого неразрывно принадлежали и принадлежат всей славянской духовности».

Он размашисто расписался и тут я подошел к Анатолию Борисовичу с просьбой сказать пару слов белгородским телезрителям по поводу взаимопроникновения двух культур – украинской и русской, о неразрывной духовной связи двух братских славянских народов.

Он согласился без раздумий, но с улыбкой предупредил: только пару слов!

После знакомства с музеем мы вышли во двор, выбрали место под липой, так, чтобы на втором плане видно было музейное подворье.

Неожиданно разыгрался ветер и две веточки стали часто касаться самого лица прославленного певца, но Анатолий Борисович спокойно, ни на что не обращая внимания, отвечал на вопросы. Ветрозащитного микрофона у нас тогда еще не было и мне при монтаже передачи пришлось с огромным сожалением отказаться от некоторых фрагментов разговора, потому что из-за ветра было очень трудно разобрать слова знаменитого певца.

И все же передача получилась довольно интересной прежде всего потому, что Анатолий Борисович был человеком необыкновенным.

Я начал с того, что в этом маленьком домике сосредоточено удивительное сплетение творческих судеб великих людей — Щепкина, Пушкина, Гоголя, Шевченко...

— Судьба актера универсальна, поэтому нет ничего удивительного, что Щепкин так легко и так близко сходилась с людьми разных культур. Его искусство принадлежит всей славянской культуре. Читаешь рассказ о его сложной судьбе, о том, как он прошел тяжкий свой путь к славе, и видишь, как велик человек. Человек, который буквально из крепостной грязи сумел подняться и стать великим артистом. Который нес светлое и красивое искусство всем людям. Он бескорыстно помогал многим людям, которые нуждались в его помощи, бедствовали...

Анатолий Борисович с особой теплотой отозвался о смелом поступке Щепкина, когда он, не задумываясь, пришел на помощь великому украинскому поэту Тарасу Шевченко.

Но еще интересней оказалась мысль Соловьяненко о дружбе Щепкина и Гоголя. Анатолий Борисович считал, что это была не дружба симпатичных людей, а дружба близких сердец, творческих личностей. Один, создавая свои талантливые пьесы, конечно же, в чем-то ориентировался на великого актера, а тот в свою очередь, воплощая яркий образ, стремился максимально выразить авторскую мысль, гоголевскую идею.

Свой взгляд был у Анатолия Борисовича и на дружбу нашего земляка с великим русским поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным. Никто не смог так глубоко и так талантливо проникнуть в суть маленьких трагедий и так точно передать авторскую мысль. Щепкин, по сути, заново раскрыл пушкинские шедевры и преподнес российскому зрителю.

— А что касается взаимопроникновения двух культур — украинской и российской, так лучшего примера, чем дружба Щепкина и Шевченко просто не придумаешь, — заметил Анатолий Борисович. — Даже язык

не мог служить барьером, хотя Шевченко любил говорить по-украински. Талантливые люди прекрасно понимали друг друга. Они получали удовольствие, обмениваясь языковым материалом. Я по себе знаю, как знание других языков обогащает и раскрывает возможности собственного языка. Как порой совершенно по-новому смотришь на то или иное слово, когда пытаешься найти ему эквивалент в родной речи...

Завершив эту фразу, Анатолий Борисович дал понять, что разговор наш как бы подошел к концу. Но я успел задать еще один вопрос. А касался он роли случая, который нередко играет серьезную роль в судьбе талантливого человека. И Соловьяненко охотно согласился, подчеркнув при этом: чем талантливее человек, тем значительнее роль случая.

Был счастливый случай и в судьбе Анатолия Борисовича. Учился он в Донецком политехническом институте, но, оказавшись в Ленинграде, решил попытать счастья — поступить в консерваторию. Понятное дело, его не приняли. Но на экзаменах присутствовала женщина, которая знала Коробейченко — донецкого преподавателя пения. Она дала рекомендательное письмо и попросила подойти к нему — вполне возможно, что он возьмется за воспитание молодого солиста. И вот в день своего двадцатилетия Анатолий Соловьяненко появился пред очами строгого учителя. Тот внимательно выслушал претендента и посоветовал пару дней подумать, осмыслить свой поступок, поскольку ему показалось, что дерзкий юноша не понимал, какой груз он взваливает на свои хрупкие плечи. На что будущий великий певец ответил:

— Александр Николаевич, зачем же время терять, давайте заниматься. Все ваши условия я принимаю...

Коробейченко не знал, что у этого хрупкого юноши есть и настойчивость, и терпение, и настоящий шахтерский характер. Анатолий был первым ребенком в семье и в семь лет уже «воспитывал» своих младших братьев и сестер. Его даже в первый класс не пустили со своими сверстниками, потому что не с кем было оставить малышей. В школу он пошел в восемь лет, но, правда, во второй класс, поскольку уже успел самостоятельно выучиться читать и писать.

Словом, опасения учителя были напрасными. Анатолий Борисович оказался на зависть прилежным учеником.

Был у Соловьяненко и еще один счастливый случай. В Москве проходил конгресс профсоюзов, и перед его участниками должны

были выступать самые талантливые самодеятельные артисты. В их число попал и Анатолий Борисович. А на концерте присутствовала певица Максакова. Голос паренька из шахтерского поселка ей очень понравился, и она настояла, чтобы Соловьяненко послали на учебу в Италию...

Времени у нас, к сожалению, было мало, и когда я попросил рассказать об итальянском периоде, Анатолий Борисович улыбнулся:

— Ну это уже не пара слов, это слишком большая беседа, а нам надо ехать...

И мы двинулись на Третье ратное поле России.

Звонница произвела на Соловьяненко очень сильное впечатление. Он долго стоял с высоко поднятой головой, внимательно изучая каждую деталь, каждый горельеф этого грандиозного сооружения.

Очень хотелось услышать его оценку, но подойти в этот раз я все-таки не решился. Анатолий Борисович и его киевские друзья возложили цветы, и мы двинулись к храму святых Петра и Павла.

Здесь Соловьяненко был просто потрясен. В храме он поставил свечку. А когда мы подошли к стене с именами погибших, я понял, он обязательно должен высказать все, что происходило в его душе. И он, действительно, был готов к разговору:

— Я искренне взволнован и просто душа у меня пребывает в таком смятении... Я представил то море крови, то море страданий и, в то же время, и героизма, и самопожертвования людей. Ведь это были люди всего Советского Союза. Это были и русские, и украинцы, и белорусы, и узбеки, и татары... Они отдали свои жизни, чтобы эта земля существовала, чтобы жили мы, потомки. Ведь мы пользуемся их плодами. Мы не должны никогда этого забывать. Никакие политические игры, никакие спекуляции, никакие разговоры о национализме, о самостийности не должны заглушать той одной мысли, что у нас одна единая духовность, что мы люди одной земли. Эта земля когда-то называлась Российской империей, потом Советским Союзом. Но это была земля наших предков. И я думаю, что это будет и земля наших внуков, наверное, и потомков. Потому что нельзя разделить духовное пространство, как нельзя разделить могилы погибших здесь солдат за свободу и независимость нашей Родины. Они не думали тогда, какой кто национальности...

Тут Анатолий Борисович умолк на мгновение и тут же энергично продолжил:

— Ведь мы — русские, украинцы, белорусы прекрасно понимаем друг друга. Так может быть, настало время, как в Америке? В Америке

не говорят кто ты — еврей, украинец, англосакс, француз... Они говорят — американец. Может быть, нам пора называться всем просто славянами! Надо прийти к этому выводу о глобальности нашего существования, а не думать, как разделиться нам по мелким этим деревушкам, как найти свой угол, свой кусок земли, забыв о том, что в общем-то это сейчас невозможно...

Чувствовалось, что эти мысли давно уже занозой сидели в сознании великого певца. И вот наше Прохоровское поле, наши памятники «прорвали» плотину терпения. Кстати, я заметил, что Анатолий Борисович стоял особняком в украинской делегации. Заместитель министра культуры, чиновники от литературы его мысли не разделяли. Они все еще жили мнимой идеей «незалежности» и «самостийности». Не за свои ли «славянские» взгляды певец, полный творческих сил, был фактически отстранен от сцены? А то, что голос Соловьяненко несколько не потерял ни силу, ни красоту, мы убедились на праздничном концерте. Он пел так возвышенно, так вдохновенно, что зал буквально взрывался аплодисментами после каждой песни.

Анатолий Борисович был абсолютно уверен, что здравый смысл победит, что наше духовное единство неизбежно повлечет за собой экономическую интеграцию, что без единения славянских народов жизнь просто немыслима.

— Я всегда стоял за то, что мы должны объединяться. И главное здесь — на какой основе. В политике должна быть порядочность, а в экономике — справедливость... Если мы будем руководствоваться этими принципами, мы будем находить общий язык, будем помогать друг другу. А в помощи мы всегда чему-то учимся...

Анатолий Борисович очень тепло отзывался о наших школах-комплексах и высказал удивление, что на Украине таких не видел.

— Вот чему надо радоваться и внедрять повсеместно, а не выстраивать «кордоны». Нужна общая духовность. Не будет духовности — ничто нас не спасет, — темпераментно закончил Соловьяненко свою мысль. — А духовность у нас общая, и мы ее должны укреплять, брататься. Ведь мы же братья и по крови, и по жизни, и по духу, и по всему на свете...

В репертуаре у известного певца не было произведений, напрямую призывающих к единению, к братанию. Но, чередуя русские народные и украинские песни в своих концертах, Анатолий Борисович всегда активно способствовал сближению наших народов.

...На прощанье я поинтересовался, уж не псевдоним ли —

Соловьяненко?

— Нет, — рассмеялся Анатолий Борисович. — Это моя наследственная фамилия...

И рассказал забавную историю. В канун 50-летия Победы в Великой Отечественной войне кому-то в Москве пришла «гениальная» мысль: у Соловьева-Седого есть замечательная песня «Соловьи», так почему бы ее не исполнить прекрасному певцу Соловьяненко?

— Я с удовольствием спел, — с улыбкой заметил Анатолий Борисович.

Мы завершили разговор, но я заметил, что Соловьяненко сделал произвольное движение к микрофону. Он действительно хотел закончить беседу очень важным обращением:

— Это святая земля. Спасибо вам, что вы сохранили память о тех героических событиях. Это земля подвига наших отцов и дедов. И каждый гражданин бывшего Советского Союза должен побывать здесь...

Когда мы прощались, он вдруг полупшепотом спросил, чтобы не слышали сопровождающие его «друзи»:

— Вы не могли бы прислать кассету, после того, как выйдет передача?

Я пообещал, но почему-то не записал киевский адрес. Анатолий Борисович не предложил, а спрашивать было неловко. Я тщетно пытался после отыскать его адрес. А потом пришла тяжелая весть: Анатолий Соловьяненко неожиданно ушел из жизни...

Галина СТУКАЛОВА

ГРОБ БЕЗ МУЗЫКИ

Шестьдесят с небольшим лет назад мне заказали гроб. Я, правда, как и всякий покойник, его, так и не увидела, но услышать о нем все-таки услышала. Потому что покойником, вернее покойницей, я так и не стала...

Помню, маленький приземистый, кажется, глиняный домик на окраине казахского города Кзыл-Орда, куда после больницы принесла меня мама. Именно принесла, так как в свои почти девять лет после тяжелых болезней я была совсем недвижима и очень походила на учебное пособие по анатомии, то есть скелет, или как говорят в народе: кожа да кости. В этот домик зашла женщина и, посмотрев на меня, сказала: «Это и есть ваша покойница?» «Да, – произнесла мама, – это она, моя дочка, но, слава Богу, на этот раз не покойница». (Дело в том, что несколько лет назад, еще до моего рождения, мама потеряла двух своих малолетних детей, двух мальчиков, умерших от скарлатины и поздней и, скорее всего, некачественной вакцинации).

- А что же делать теперь с гробом? – продолжала женщина. – Он ведь детский, не очень-то в ходу.

- Я же расплатилась с вами, – с какой-то боязнью, как мне показалось, ответила мама. Потом только я поняла, что денег у нее уже ни на что не было.

А началось все с внезапной, уже второй эвакуации нашей семьи. Мне было немногим более семи лет, когда Молотов объявил по радио о начале войны. Я отлично помню этот день и последние слова выступавшего: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» И, как мне помнится, в тот же выходной день (тогда, кажется, были рабочие пятидневки) 22 июня, взрослые стали заклеивать окна тоненькими полосками наискосок, а мы, дети, выбежали на улицу и стали делиться впечатлениями. По-моему, мы совсем не испугались и даже как-то возгордились случившимся. Особенно, после того, как через несколько дней старшая из нас Ида Коваленко сказала: «А знаете, что это не просто война, а война Отечественная». И еще нам очень понравились вырытые вскоре поблизости от домов укрытия от бомбежки, так называемые щели, где днем, когда не было воздушной тревоги, мы играли и в прятки, и в куклы. И даже сборы в дорогу, в эвакуацию из

родного Харькова в далекий Сталинград (папа работал на Харьковском тракторном заводе со дня его основания, имел бронь и был направлен на Сталинградский тракторный завод), я перенесла как-то легко.

Погрузились в вагон, переночевали, а эшелон все еще стоял на месте, на станции Лосево, под Харьковом, недалеко от нашего дома. И вдруг мама вспомнила, что мы не захватили с собой корыто, и попросила папу, по-быстрому, сбежать за ним. Но, как и следовало ожидать, наш эшелон все-таки двинулся, и бедный папа с корытом в руках еле его догнал...

Состав двигался медленно, мимо нас проплывали корпуса цехов, главная контора недавно построенного моими родителями и нашими спутниками завода, и все плакали. И тут я поняла, что война – это большое горе для взрослых, а значит и для нас, тогдашних детей.

До Сталинграда ехали долго. Сначала эшелон задержали на станции Основа, что под Харьковом, из-за начавшейся бомбежки. Как вдруг, несмотря ни на что, наш состав тронулся и с невероятной скоростью умчался вперед. Только на следующий день мы узнали, что машинист, на свой страх и риск, решил вывезти нас не только из-под бомб, но и спас от страшного пожара. Стоящие на станции цистерны с горючим, как и сама Основа, сгорели в тот вечер дотла...

Еще помню многочисленные туннели, куда довольно часто нырял наш состав: в них было темно, страшно и очень душно. Когда мы подъехали к Волге, наш эшелон погрузили на паром и тоже на огромной скорости перевезли на тот берег. По-моему, в нас стреляли трассирующими пулями.

Наконец добрались до Сталинграда. Состав загнали в тупик, на Мамаев курган. Он был тогда таким зеленым, таким уютным и тихим после всех наших дорожных перипетий. Эвакуированных поселили в каком-то центральном клубе. Но уже очень скоро нашу семью пригласил в свою квартиру (вернее в проходную комнату) на Нижнем поселке Сталинградского тракторного завода директор метизного завода Монин (имя и отчество не помню). Папа был знаком с ним по довоенным командировкам. Очень хорошо помню его жену Надежду и сына Вову, и вообще, нам у них было очень неплохо. Более того. Когда я пошла в школу (в октябре 1941 года) и стала учиться на, отлично, хозяйка квартиры – Надежда, всем говорила: «А вот наша Галя, даром что эвакуированная, а учится лучше всех». В том, что это не было выдумкой, я убедилась через много лет, приехав в Сталинград (тогда уже Волгоград) с экскурсией. Мониных я дома не застала, но соседи, узнав, кто я такая, сказали: «Слыхали про вас,

Надя нам рассказывала и хвалила за учебу».

Но не все сталинградцы были так добры к нам, эвакуированным. В очередях за хлебом, куда меня посылала мама, я часто слышала слова типа: «Понаехали тут, нам и самим жить нелегко». Наши женщины качали головами и говорили: «Эх, люди добрые! Сами не знаете, что вас ждет. Ведь в городе у вас много деревянных домов. Не дай Бог, какая бомбежка от зажигалок (зажигательных бомб), ему не спастись. В нашем городе деревянных домов почти не было, и все зажигалки мы быстро сбрасывали с крыш. Боялись только фугасных бомб». Так и случилось. Хотя не только от зажигалок сгорел этот старый волжский город Царицын, переименованный в советское время в Сталинград...

Наши матери и отцы сразу же приступили к работе и вместо тракторов на том же заводе стали выпускать танки. Однажды, по дороге за тем же хлебом, мне пришлось вечером идти с нашего Нижнего поселка на Верхний. Для этого нужно было обогнуть всю закрытую территорию завода. Шла, задумавшись, не глядя по сторонам, как вдруг распахнулись заводские ворота, и на меня чуть не наехал тот самый знаменитый «Т-34». Я успела отскочить, но военный в шлеме, стоя на танке, помахал мне рукой...

Прожив в Сталинграде конец осени сорок первого года, зиму и весну сорок второго, к лету мы уже стали обживаться, получили комнату в новом 624 доме, на берегу Волги, с видом на знаменитое село Рынок (откуда, как мы узнали потом, двигались на город немецкие танки). Хотя забыла сказать, что зимой нам было голодно. Я помню это не по ощущениям голода, а потому, как мама, вместе с другими женщинами, переходила по льду через Волгу, кажется в город Энгельс, и ездила на поездах в станицу Тихорецкую за продуктами. Но весной и летом стало как-то полегче. Были каникулы, мы играли на берегу Волги, где в роще стояло много студебеккеров (американские грузовики, если я правильно их назвала). На свободных площадках тренировались солдаты, мы с интересом наблюдали за ними. Часто военные угощали нас детей по-волжски – рыбой. В нашем 624 доме в подвале был рыбный склад, и мы с удовольствием принимали такие вкусные подарки, не говоря уже о наших родителях.

Мне кажется, я и сейчас узнала бы каждого из этих военных в лицо. Во всяком случае, когда, во время все той же экскурсии в Волгоград, я проходила мимо многочисленных памятников защитникам города, я целовала этих застывших в камне воинов и, не стесняясь, рыдала.

Как вдруг в середине такого теплого и почти мирного сталинградского лета 1942 года, мама вошла в дом со словами: «Немцы в Морозовской!» Это был действительно гром с тогда еще ясного неба. Народ заволновался. А руководители предприятий стали готовить оборудование и людей к новой эвакуации. Маму (учительницу по специальности) оформили каким-то оператором на завод, эвакуировавшийся в город Рубцовск Алтайского края. Вместе с ней оформили и детей: меня и младшего брата. Папа оставался на СТЗ, в его филиале, разместившемся в городе Сарепта. Там же формировался и наш эшелон. Он снова долго стоял в тупике, и мы уже начали тяготиться этой неопределенностью. Но оказалось все к лучшему. Через несколько дней и папин отдел подготовили к эвакуации в Сибирь, и мы перешли в его эшелон и эвакуировались из Сталинграда всей семьей.

Но накануне отъезда я простудилась. Пока были лекарства, я как-то спасалась, но потом их взять было уже негде. Помню, когда эшелон стоял еще в тупике, я брала табуретку, ложилась на нее животом и грела спину. Как выяснилось, потом простуда перешла в плеврит, а затем в воспаление легких. Что было потом, помню плохо. Мы расположились всей семьей на верхней полке товарного вагона справа, а слева, рядом с нами – семья харьковчан, муж и жена. Когда проезжали какую-то пустыню, мне дали воду, очевидно инфицированную, и к моим и без того тяжелым болячкам добавился еще и брюшной тиф. С таким инфекционным заболеванием в эшелоне находится было уже нельзя, и меня с мамой высадили на ближайшей станции и перевезли в станционный медпункт. Перед расставанием папа зашел в этот эвакуопункт, поцеловал меня и отправился дальше, вместе с младшим братом в Сибирь. Через много лет отец рассказал: уходя, он помахал мне рукой и ждал, что я отвечу. Я сказала: «Ну, папочка, до свидания!» И ему стало хоть немного легче: он очень боялся моего «прощай!».

Из эвакуопункта, на скорой помощи меня перевезли в больницу. Приходя ненадолго в сознание, наверное, от дорожной встряски, я все спрашивала: «Как Сталинград? Что будет со школой?» Это был конец августа 1942 года и начало сентября, и школьники в этом году пошли в школу без меня...

Что было потом, тоже почти не помню. Мама рассказывала, что недели две я была без сознания и без еды. Ни о какой капельнице в эвакубольнице не могло быть и речи. И вот, наверное, тогда врачи сказали маме, что девочка безнадежная, что не только дни, но и часы

ее сочтены. Если же она, мама, хочет похоронить дочь по русским обычаям, то пусть заранее закажет деревянный гроб. У них в Кзыл-Орде из деревьев рос только саксаул, и умерших больных в морге долго не держали, а при такой жаре тем более побыстрее закапывали в песок, в общую могилу.

Так мама второй раз в жизни заказала гроб, теперь уже своему третьему ребенку – дочке (первые два мальчика были похоронены в одном гробу...).

Не знаю, сколько дней находилась я в предсмертном состоянии, но однажды, когда моя бедная несчастная мама заглянула в окно больничной палаты, я повернула голову в ее сторону. «Ты живая?» – не поверила она, а я, рассказывала потом мама, только улыбнулась и опять спросила про школу и Сталинград...

Через несколько дней маме разрешили забрать меня – почти скелетик, который не мог ходить, и ей пришлось нести меня в ту самую комнату, где меня ожидал гроб. Я, слава Богу, выжила, и, конечно же, мамиными молитвами. Она - учительница, окончившая гимназию, крещеная внучка священника, скрывавшая в советское время свое происхождение и боявшаяся даже помолиться или, не дай Бог, перекреститься на людях, шепотом призналась мне, что тайно молилась о моем спасении, если уж не смогла вымолить такого спасения для своих мальчиков.

И Господь услышал ее молитву, смиростивился и подарил мне жизнь, которая, слава Богу, продолжается до сих пор.

Но мытарства наши тогда еще не кончились. Денег у мамы не было. А добираться нужно было из Казахстана в Барнаул, где жил папа с маленьким братом, ничего не зная о нас. Убитая горем мама даже не догадалась пойти на почту и сообщить о себе хотя бы на адрес завода, куда отправился наш эшелон. А там, на почте, в Кзыл-Орде лежали для нее и письма, и телеграммы, и главное деньги! Мы же вынуждены были добираться по, так называемому, эваколисту, и не каждый проходящий состав, вернее его начальник, соглашался взять нас с собой, безбилетников. Еды не было никакой, если не считать две или три головки чеснока, который я отродясь ненавидела, но впервые грызла с удовольствием. Но мир не без добрых людей. И из тамбуров, куда только и пускали нас, иногда простые пассажиры приглашали меня с мамой в вагон и даже уступали сидячие места. Так добрались мы, уже не помню за сколько дней, до обещанного Барнаула. Помню только, что случилось это 8 октября 1942 года. Приехали, ну и что? Куда ехать, кому звонить? Мама долго

выспрашивала окружающих, как можно связаться с нашим военным заводом, и, наконец, через отдел кадров, вызвонила папу. Представляю, что творилось с ним после этого сообщения. Ведь он не имел от нас никаких вестей, и уже не надеялся на встречу с нами, по крайней мере на этом свете.

Когда папа подошел к нам, он вскрикнул: «Ты ли это, Галченко?» А потом они, вместе с мамой, зарыдали на глазах у всех людей. Затем папа взял меня на руки и понес в квартиру, которую дал ему завод. Это была одна комната в большом деревянном доме по Социалистическому проспекту 59 (до сих пор помню). Младшего брата, которого приютили наша соседка по верхней полке товарного вагона Дonya Павловна и ее муж, папа вскоре привез к нам. И вся семья, наконец, воссоединилась.

Мой длинный рассказ о двух эвакуациях, да еще с такими драматическими подробностями, я хотела, хотя бы кратко, продолжить словами огромной благодарности к городу Барнаулу, к его людям, к неповторимо прекрасной сибирской природе. Я поправлялась почти год, пропустила школу, а летом 1943 года была направлена для окончательного выздоровления в санаторий, в село Повалиху (были там еще Топчиха, Ребриха и т.д.).

Что это было за чудо! Дивная природа, густые леса полные лесных ягод: брусники, голубики, костяники, малины, черники, ежевики! После завтрака - вкусной овсяной каши с шанешками (пироги со щавелем, очень напоминающие пироги с яблоками, а щавель мы собирали сами) нас выпускали в лес надолго, где мы вольно паслись почти до вечера, восполняя запас витаминов, растраченных из-за болезней и военного голода. Через два месяца такой жизни мы, тощие и бледные заморыши, превратились в красивых мальчишек и девчонок. Помню, как взрослые ребята, глядя на нас, говорили: «Хороши девки, да больно молоды еще». А ведь запомнились эти, может быть, первые мужские комплименты...

Потом была учеба в двадцать второй, а потом в двадцать седьмой школе. Изголодавшись по ней, я посещала школу даже в сорокачетырехградусные морозы (без ветра это возможно, а в Сибири ветров почти не бывает). Правда, иногда прохожие останавливали меня, говоря: «Девочка, у тебя же черные щеки, скорее три их снегом!»

Еще помню, как недалеко от нашей двадцать седьмой школы на Никитинской улице открылась церковь. Мы бегали туда с девчонками, и это был мой первый храм в жизни. А вот паровую машину русского изобретателя Ползунова я видела не только в Барнаульском музее,

но и протирали от пыли все ее детали. Это была наша шефская помощь.

А какой праздник шумел на барнаульских улицах и на главной площади города в День Победы 9 мая 1945 года! Все радовались, танцевали, а женщины пели частушки: «Скоро к нам вернутся миленьки домой!»

Мама же осталась дома и почему-то очень плакала. Я даже упрекнула ее: «Как можно в такой радостный день плакать?» «Горя много, доченька», - ответила она мне, еще не понимавшей тогда, что праздник этот не только радостный, но и с горькими и вечными слезами на глазах...

Александр ГУТОРОВ

**К ВОПРОСУ ОБ АУТЕНТИЧНОСТИ
«МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ»****120-летию со дня рождения М.А.Булгакова посвящается
I**

Главное литературное событие текущего года – издание «Тихого Дона» М.Шолохова в авторском оригинале – яркое свидетельство того, что «рукописи не горят»! В предвкушении чтения оригинала «языковой плащаницы русского языка», и литераторы, и читатели, мысленно благодарят В.Путина и В.Черномырдина, которые помогли обрести рукопись лауреата Нобелевской премии. В кулуарах вновь заговорили о возможном «рассекречивании» литературных спецхранов КГБ. Если к ним получат доступ специалисты, то, возможно, все мы станем свидетелями еще не одного литературного события!

В 2011 году исполняется 120 лет со дня рождения М.Булгакова. В канун юбилея мы не можем не вспомнить еще об одном шедевре отечественной литературы – многострадальном романе «Мастер и Маргарита».

Роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» – одно из лучших и в чем-то даже судьбоносный для русской литературы XX века. Читатели увидели его впервые в 1966-67 гг. благодаря стараниям Е.С.Булгаковой спустя четверть века после смерти автора [3 (15 мая) 1891, Киев – 3 марта 1940, Москва]. К тому времени массовый читатель, воспитанный советской властью, уже не мог даже толком понять его философско-исторического и идейно-нравственного смысла, не говоря уж о религиозно-мистическом – Евангелие стало редкой книгой, не доступной большинству семей.

Даже коллеги по писательскому цеху не понимали всей значимости этого произведения. К.Симонов, например, принимал роман «Мастер и Маргарита» за некую веселую пародийную фантастику. В то же время, служители культа, такие, как М.Дунаев – профессор Московской духовной академии, кстати, закончивший филологический факультет Московского университета, до сих пор видят в романе некую черную евхаристию (служение, отправление мессы) в честь дьявола. Как ни странно, но наши почтенные богословы вполне заменили критиков Л.Авербаха, О.Литовского, В.Вишневского,

рассмотрев роман под микроскопом консервативно-канонических представлений как некий пасторский апокриф (запрещенная официальная церковью еретическая крамола). Кстати, под эту крамолу и ересь нередко попадали и сочинения самих апостолов – сподвижников Христа – Евангелия от Петра, от члена Синедриона Никодима, сочувствовавшего Христу, и др.

Между тем роман неоднократно был издан и поставлен на сцене и в кино, а его явные подражатели стали известными писателями.

В данной статье мы кратко коснемся творческой биографии М.Булгакова, которая, как ни странно, для многих его поклонников остается малоизвестной, и некоторых проблем с аутентичностью текста.

Михаил Афанасьевич Булгаков родился в 1891 году в семье доцента Киевской духовной академии. Он был первым ребенком в многодетной и весьма интеллигентной семье, духовно-литературно-музыкально образованной.

После окончания Киевской Александровской гимназии юноша поступает на медицинский факультет университета имени Святого Владимира в Киеве. Университет он кончал уже ускоренным, экстренным порядком, и несколько раньше, чем положено – театры военных действий Первой мировой требовали полевых врачей. Работал доктор М.Булгаков сперва «по справке» в прифронтовой зоне в Черновцах, там размещались госпитали для тяжело раненных. С получением диплома, был отозван в распоряжение резерва Московского военно-санитарного управления, и вскоре получил место врача в земской Никольской больнице Сычевского уезда Смоленской области. В прифронтовых губерниях России, ограбленных и разоренных войной, свирепствовали тиф и сифилис. Российское население тыла приходилось также спасать и от вымирания.

«Лекарь с отличием», как записано в его дипломе, получивший фронтовое крещение, не останавливался и перед хирургическими операциями, о чем он с юмором поведал в «Записках юного врача» – своеобразное продолжение во времени «Записок врача», почитаемого им доктора и литератора В.Вересаева.

Правда, доктор Булгаков был уж не столь наивным, как его литературный герой. И его самого постигло несчастье: заразившись от юной пациентки при отсасывании дифтерийных стафилококков, врач, заболев дифтеритом, пристрастился к наркотикам и вскоре был освобожден от военной службы по болезни.

Империалистическая война вылилась в революцию, «мягко перешедшую» в еще более страшную – Гражданскую войну.

М.Булгаков вынужден был возвратиться на родину – в Киев, в февраль восемнадцатого года. А в Киеве за короткое время 1918 года власть сменилась 13 раз! М.Булгакову удалось избежать мобилизации

и в петлюровскую, и в большевистскую армию. Из петлюровского войска он, уже призванный, попросту дезертировал при отступлении Украинской республиканской армии из Киева.

Но М.Булгакову не удалось уклониться от службы в Добровольческой армии, которая, кстати, казалась ему, как и его будущим героям из «Белой гвардии» (1925), наиболее подходящей из всех воюющих сторон и формирований. Привлекается он к боям по обороне Кавказа, сражается со скальпелем и винтовкой в руках в должности полевого хирурга в Чечен-ауле, на окраине крепости Грозный, а также в Шали-ауле. Участвует в военных операциях против восставших чеченцев – в качестве военврача Терского казачьего полка, пытаясь оказывать помощь всем подряд, как и полагалось врачу – по заветам Гиппократу.

К началу 1920 года на Кавказе победила советская власть.

Бывший военврач, увидевший в своей жизни столько крови и страданий, хочет навсегда покончить со своим прошлым и лекарским дипломом с отличием и, попав во Владикавказ, пробует свои силы на литературном и театральном поприще, создавая ряд фельетонов и рассказов для газеты «Кавказ». После поражения белой армии, он приходит к мысли скрыть медицинское образование и уехать в Париж. Но тут он некстати тяжело заболевает возвратным тифом. Болезнь не покидает М.Булгакова до конца апреля 1920-го года, а после выздоровления у него не было уже ни сил, ни средств покинуть родину.

Для начала он подвизается на поприще упрощенной – агитационной драматургии, пишет для постановки на сценах Владикавказа пьесу «Братья Турбины» (это фамилия его собственной бабушки), а затем в соавторстве с Т. Пейзалиевым пьесу «Сыновья муллы». Она сохранилась и напечатана в качестве приложения в «Булгаковской энциклопедии» Б.Соколова (первое издание, 1987). Наибольшую популярность и какое-то денежное вознаграждение приносит ему пьеса «Парижские коммунары». Все свои собственные драматические опусы М.Булгаков беспощадно предавал огню – как халтуру, вынужденное творчество для заработка. Но кое-что от них все же сохранилось, благодаря соавторам и режиссерам, и проникло потом на страницы романа «Белая гвардия», а также рикошетом – как дьяволиада культурной жизни времен революции – предстало в «Мастере и Маргарите». Жизненно-чиновничий опыт оказался для писателя не последним делом.

В 1921 году М.Булгаков прибывает в Москву. Имея опыт работы в качестве красного агитатора, предъявляет свои права, и какое-то время работает в ЛИТО – литобъединение, подчиненное Главполитпросвету. Этим советским учреждением заведовала жена Ленина – Н.Крупская, писатель же служит секретарем у

А.Серафимовича. Это также очень важно для его художественного мира, хотя с шефом они так и не сошлись характерами.

Новая экономическая политика с марта 1921 года (НЭП) приводит к закрытию лишней литературной конторы, такая атмосфера полной социальной неразберихи частично отразилась в «Дьяволиаде» (1924), а также в романе «Мастер и Маргарита».

С большим трудом писателю удастся выбить, да и то по ходатайству той же Н.Крупской, главы Политпросвета, комнатенку в коммунальной квартире № 50, по улице Б. Садовой 10, откуда съехал приютивший его жилец – А.М. Земский – муж родной сестры Булгакова Надежды. Ордер Булгакову удалось получить за несколько дней до закрытия своей конторы и персонального увольнения из ЛИТО. Именно эта нехорошая квартира является временной ставкой-резиденцией или штабом Воланда и его свиты в романе «Мастер и Маргарита». Не мог же автор бросить тень на других жильцов советской столицы и на их квартиры!

После мытарств безработного и посещения им редакций, случайных и скудных заработков, Михаилу Афанасьевичу удастся устроиться фельетонистом в газету «Гудок», где в ту пору «служили» В.Катаев, И.Ильф, Е.Петров, Ю.Олеша и другие не менее остроумные люди.

Частично об этих буднях своей жизни писатель рассказал в «Театральном романе», а его печатные фельетоны и сатирические рассказы дают представления о характере такой работы.

Зарубежное сменовеховство, выразившее желание русской эмиграции пойти на сближение с Советской Россией, начинает выпускать газету «Накануне», рассчитанную на интеллигентные круги – «бывших людей». Ее редакции существовали одновременно в Москве, Петербурге и в Берлине.

С точки зрения А.Н. Толстого, заведующего литературным отделом этой газеты, М. Булгаков был для неё наиболее подходящим автором. От своих московских уполномоченных А.Толстой требовал: «Больше Булгакова!». Главным редактором какое-то время числился Н.В.Чайковский – бывший народник, потом, скорее всего – масон. Вскоре А. Толстой громко и публично разорвет отношения с этим редактором и вместе с группой сменовеховцев возвратится на родину из эмиграции (1923). Женой одного из возвращенцев (И.М.Василевского) оказалась Л.Е. Белозерская, ставшая потом, после развода с мужем, женой М.Булгакова.

Душевно писатель сходитя с наиболее нейтральными по отношению к новой власти писателями – В.Вересаевым, В.Катаевым и вернувшимся из эмиграции тогда еще не совсем ортодоксальным А.Толстым. С ними М.Булгаков думает даже организовать свою творческую группу. Но затее этой не суждено было осуществиться,

по причинам личного неприятия всеобщего лицемерия, конформизма. Несходство характеров, претенциозность коллег, даже наиболее совестливых, привели вскоре к раздорам чисто идеологическим. Никто из них не мог до такой степени оставаться самим собой, как М.Булгаков.

Писатель посещает субботники на Большой Никитской, и издает в сборнике «Недра» свою повесть «Дьяволиада» и рассказы (1924). Критику советской бюрократии Маяковским Ленин признал вполне подходящей и важной. Это было разрешено. Главой издательства и альманаха «Недра» был в ту пору Н.С.Ангарский.

Но в 1925 году нэповский журнал «Россия», возглавляемый И.Лежневым (Альтшуллером), ратовавшим не «за Россию буржуазную, не за Россию коммунистическую, а за новую Россию», неожиданно печатает две части романа «Белая гвардия», написанным годом ранее. М.Булгаков оказался более ярким духовным выразителем сменовеховских настроений, рассчитанных на учет исторических и культурных традиций в новой жизни, чем сами сменовеховцы.

Сам автор «Белой гвардии», шутя, считал своего издателя господином «с копытом», то есть – ни более, ни менее чем самим дьяволом. Третью часть романа «Белая гвардия» опубликовать не удалось, журнал И.Лежнева закрыли, а его издателя выдворили за границу. Потом И.Лежнев вернулся, покаялся и работал до конца жизни заведующим литературно-художественным отделом газеты «Правда». Истинный Дьявол во плоти, чудом избежавший репрессий 1937-49 г.г., автор первой монографии о Шолохове – один из «реальных» прототипов Воланда в романе «Мастер и Маргарита», он в 1935 году вовсе «открестился» от М.Булгакова.

Еще одно чудо – постановка МХАТом пьесы по роману «Белая гвардия» пьесы – под названием «Дни Турбиных», которую по имперской прихоти своей лично одобрил Сталин и оказался то ли ее поклонником, то ли актрисы А.Тарасовой, занятой в спектакле. Премьера «Дней Турбиных» состоялась 5-го октября 1926 года.

Это была первая пьеса, написанная номинально советским литератором, которую стало не стыдно показывать иностранцам. На нее ломилась публика, сам Сталин со своей свитой из политбюро присутствовал на этих представлениях едва ли не 16 раз!

Именно это и стало причиной зависти и откровенной травли литератора М.Булгакова коллегами по перу, включая наркома А.Луначарского, баловавшегося драматургией и мужа актрисы Н.Розенель, В.Маяковского, В.Вишневского, Л.Авербаха – племянника Свердлова и оголтелого вождя РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей). Уже 11 октября 1926 года в Доме печати состоялся диспут под характерным названием «Суд над «Белой гвардией».

Вскоре М.Булгакова признали враждебным советской власти писателем (из 301 отзыва о его творчестве к 1930 году было всего лишь три положительных, а 298 – «враждебно-ругательные»). Многие собраты по перу откровенно требовали его ареста и даже ликвидации, поскольку нельзя же допустить такого: «Появляется писатель, не рядящийся даже в попутнические цвета» (Л.Авербах, «Известия», 1925, 20, IX).

Пьесы писателя «Зойкина квартира», «Кабала святош», «Багровый остров» вскоре были сняты со сцены, а доведенный до генеральной репетиции «Бег» – запрещен к постановке как враждебная пьеса. В разрешении на выезд за границу Булгаковым дважды отказывалось.

Учитывая такие настроения у взлелеянных им же идеологов, Сталин сам признал пьесу «Бег» белогвардейской – не на ту, мол, мельницу льет воду.

М.Булгакова пытаются отовсюду изгнать, перестают печатать, за границу ему выехать не разрешают. Автор «Белой гвардии» становится как бы козлом отпущения за все грехи белогвардейщины и сменовеховщины, его имя входит в список активных деятелей «внутренней эмиграции» и убежденных врагов советской власти.

Не выдержав постоянного стресса, писатель, в конце концов, заболевает гипертоническим нефросклерозом (1939), начинаются и неполадки с психикой – фобия открытых пространств. Чудом оставшись в живых во время Большого террора, он катастрофически теряет зрение, но продолжает под диктовку создавать в тяжелейших, мучительных физических и душевных условиях, свой последний, «закатный роман» – «Мастер и Маргарита», где эти настроения и это состояние (в образе Мастера) вполне адекватно отражены.

II

Роман «Мастер и Маргарита» существует в трех редакциях. Первая из них, опирающаяся, вероятно, на письма «К тайному другу», где как раз и появляется инженер с копытом, относится к 1929 году – наиболее удачному периоду творчества автора. Эти письма к будущей жене Елене Сергеевне Шиловской так и брызжут остроумием, в них чувствуется невероятный душевный подъем. К началу 1930 года Булгаков был уже морально повержен из-за интенсивной политической травли и всерьез подумывает о самоубийстве. Эти мысли выражены и в его «Письме правительству СССР», и в «Театральном романе», имеющем второе – более соответствующее содержанию – название «Записки покойника» (По сути, второе название и надо бы поставить на первое место, но А. Твардовский, публикуя роман в «Новом мире» (№ 8 за 1965 г.), не хотел вот так с ходу лишний раз привлекать внимание своих недоброжелателей к

журналу).

В «Письме Правительству СССР» от 28.03.1930 г. Булгаков называет себя мистическим писателем и говорит о том, что собственноручно уничтожил «роман о Дьяволе». Писатель, вероятно, опасался очередной конфискации своих рукописей — ведь это уже было проделано агентами ОГПУ в 1926 году. Кое-что ему потом, правда, было возвращено по ходатайству друзей и литераторов, приближенных к власти.

Но «Дневник», считавшийся навсегда потерянным (неожиданно был опубликован в годы перестройки с однозначным названием «Под пятой») и рукопись «Собачьего сердца» (удалось разыскать потом лишь в архивах Лубянки и ЦК КПСС) не могли при Сталине быть возвращены автору, хотя вождь познакомил с ними членов собственного политбюро!

Ко второй редакции «Мастера и Маргариты» Булгаков приступил в 1932-1933 годах, пытаясь доказать хотя бы самому себе, что «рукописи не горят». Эта новая редакция отличалась от первой и от третьей, то есть — канонического текста романа. Ее публиковали отдельными тетрадями под разными заглавиями («Черный маг», «Железный канцлер» «Князь тьмы» и пр.) уже в «коммерческий период русской литературы» — после распада СССР.

Поначалу в рукописи «Магия фурибунда» (1929), представленной в издательство «Недра», был сплошной монолог (от него осталось всего 2-3 страницы!) — своего рода «Евангелие от дьявола». На самом деле весь этот монолог во второй редакций представляет лишь небольшую по размеру главу, вставленную в повествование московской жизни 20-30-х годов. В 13-й главе «Явление героя» впервые и появляется Мастер, повествующий потом о Древнем Ершалаиме. На этом рукопись второй редакции обрывается. Автор пока не хотел видеть в своем «закатном романе» продолжения «Записок покойника» или писем «К тайному другу», но объективно все шло к тому.

Процесс литературного творчества имеет свой, более общий авторский контекст. Мучил писателя и рассказчик — дьявол, которого он избрал одним из героев романа в силу своего бесконечного остроумия, поддразнивая горе-критиков. То, что богослов М. Дунаев называет евхаристией, мало похоже на текст Церковной или какой-либо иной ритуальной службы. Дьявол, сохраняя элементы проповеднического и информационного повествования, кое-где все же далеко отходит от лаконичной и многозначительно стиливой манеры евангелистов, «умевших держать паузу», повторять и варьировать мысли. Все это можно понять — сатана намного их пережил и так устроен, что не может не переиначивать все на свой лад и не иронизировать. Поэтому лексика и синтаксис здесь иные,

чем у древних апостолов-христиан — они приближены к современной жизни.

Дьявол оказывается чересчур уж тонкой художественной натурой, любящей посмаковать литературное слово; натурой, далекой от точного и протокольного свидетельского изложения, увиденного им с балкона храма Ирода Великого и услышанного 1900 лет назад, несмотря на железный занавес оцепления и особые меры предосторожности Пилата и Афрания.

Понятен и спор нечистого с апостолами-праведниками, и его величайшая ирония. Булгаковский дьявол — изощренный художник слова и даже почти гуманист, а это уж никак не вяжется с церковной традицией. Пришлось от такого замысла отойти, в том числе и по моральным соображениям. М.Булгаков, кстати, не был религиозным человеком — отказался перед смертью от причастия. Но он не терпел и дешевых разухабистых издевательств над священными книгами, грубого физического и пропагандистского террора по отношению к православной русской церкви и ее служителям на уровне «Нового завета» Демьяна Бедного — Соловки в ту пору были забиты «служителями культа»: более десяти тысяч священнослужителей в 20—30-е годы арестованы, три тысячи расстреляны...

Не годилось гонимому писателю, сыну священника, прошедшему через травлю, страдания, голод, войну, клевету, выпадающему в нищету и в печаль болезни, издеваться над церковным вековым канонам. Ведь одним из произведений, пародируемых в романе, и будет атеистический «Новый завет без изъяна» горе-евангелиста Демьяна. Получит свое и Московский съезд воинственных безбожников, вдохновляемый Н. Бухариным и Е. Ярославским. В третьей редакции романа, 1938-1939 гг., всю эту крамольную, по мнению церковнослужителей евхаристию, Булгаков препоручит Мастеру — весьма близкому ему персонажу: и по возрасту, и по миросозерцанию, и даже по роковому недугу. Вторая глава «Золотое копьё» — это пока полный текст, «древнего романа». Продолжение его и придание ему статуса равноправной части будет осуществлено лишь в третьей редакции романа. Там же начнется и разделение повествовательного русла произведения на два самостоятельных стиливых и сюжетных потока-рукава.

Автор поставил перед собой невероятную для тяжело больного и почти слепого человека цель: «Закончить раньше, чем умереть!» — и она была практически им достигнута. В отпечатанный на машинке О. С. Бокшанской текст третьей редакции романа (1939) и самим писателем, и его женой, Еленой Сергеевной, было внесено немало исправлений, но далеко не все они учитывались редакторами и булгаковедами при подготовке канонического текста произведения к печати. Очень сильно текст исказили при первой публикации. Роман

был опубликован в журнале «Москва» — №11 за 1966 г. и №1 за 1967 г.

Редактор журнала М. Алексеев пытался даже сыграть на имени известного своей крамолой писателя и, намеренно растянув публикацию, обеспечить себе подписку на будущий год, но творчество М. Булгакова тут ни в грош не ставили и небрежно отнеслись к «закатному роману», произвольно, вплоть до потери смысла, купируя авторский текст.

Наиболее полный текст с учетом правок и автора, и его вдовы, представлен был в первом книжном издании 1973 года под редакцией А. Саакянц и с напутствием К. Симонова — бывшего члена сталинского ЦК, председателя комиссии по литературному наследию М.Булгакова.

Правда, и в книжном издании редактор весьма вольно обращалась с авторским текстом, не очень считаясь и с правками покойной Елены Сергеевны, вдовы писателя. Приведем следующий пример. Роман, с опорой на кольцевую композицию, заканчивался фразой, которой, по сути, начиналась его древняя часть — речь теперь идет о профессоре Иване Николаевиче Поньреве, исколотую память которого не потревожит никто — «ни безносый убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи всадник Понтийский Пилат». Этот текст и представила А. Саакянц, не посчитавшись с правкой Елены Сергеевны. В переиздании 1988 года эта правка вновь не учтена.

Л. Яновская, редактировавшая текст собрания сочинений М. Булгакова, «учла» корректуру жены писателя, и конец фразы получил в трех изданиях собрания сочинений автора (два московских 1989 и 1992 гг. и одно киевское — 1989) такую форму: «пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат». Кажется, мелочь — поправили и Е.С. Булгакову, и А.Саакянц одновременно. Но в комментариях к своему наиболее «точному» изданию Л. Яновская обвинила Е.С.Булгакову, что та восстанавливала текст «в нарушение воли автора». Тут же комментируется и злополучная последняя часть фразы — «всадник Понтий Пилат». В авторском же тексте: «всадник Понтийский Пилат».

Е.С.Булгакова, внесшая это существенное изменение в концовку романа, вероятно, имела соответствующее распоряжение автора. Документальный след этого распоряжения обнаружить не удалось. Поэтому вопрос о последних словах романа «Мастер и Маргарита» остается открытым. Так Понтийский Пилат или Понтий Пилат? (Булгаков М. Избранные произведения. В 2-х т. — Киев: Художественная литература, 1989. — Т. 2. С. 749.)

Попытаемся «закрыть» этот вопрос. В тексте тщательно редактируемых Л. Яновской трех изданий «Мастера и Маргариты» есть такая фраза: «Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: «Пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат» (Т. 5, с. 136), повторяющая в сокращенном

виде зачин древней части романа. Это фразеологическое единство и есть тот важнейший лейтмотив, который образует обрамленную структуру повествования, пронизывает и скрепляет словесную ткань произведения.

Редактор не учел, что именно так за 200 страниц ранее (глава 13) Мастер собирается закончить свой роман, о чем как бы между прочим и сообщает читателю. Автор из-за болезни мог эту подробность попросту упустить из виду, Елена Сергеевна исправила невольную «оплошность», но редактор А. Саакянц своей властью нарушила волю и исказила в чем-то замысел и структуру творца романа, а Л. Яновская уважительно отнеслась к правкам Елены Сергеевны. А ведь это же словесно-композиционное кольцо, художественное обрамление текста, его своеобразная литературная форма!

Впрочем, оба эти издания не свободны от разночтений и отступлений от авторского текста, исправленного Еленой Сергеевной. Но более выверенной редакции романа пока не существует. Роман печатают и по редакционной правке А.Саакянц и по правке Л.Яновской. Мы вынуждены в качестве эталонного образца принимать текст романа, вышедшего издательстве «Художественная литература» — как самого доступного и добросовестно откорректированного. В питерском восьмитомном издании приведенный выше фрагмент текста как раз и «не исправлен».

Есть в великом романе немало и других издательских, редакторских, а порою и писательских погрешностей. Некоторые устойчивые сочетания, например, место рождения Иешуа из Эль-Назрида (Назарета) было заменено в третьей редакции на Рамалу. Но однажды, во сне не прощенного еще Пилата, герой вновь становится уроженцем все же Эль-Назрида. Бред прокуратора? Но разве можно в таких неточностях обвинять самого Мастера-Булгакова? Ему удалось написать свое великое завещание, докричаться до читателей — потомков, прорваться через препоны свирепой советской цензуры, пройти через грязь клеветы, доносов, презирая, как и в тексте романа, всяческих коммерческих и идеологических прилипал, в какие бы одежды они ни рядились — даже защитников Булгакова от... самого Булгакова.

В нынешнем канонизированном тексте чтение сторевшей рукописи начинается незнакомец — Князь тьмы, который потом признается, что не знает о существовании рукописи и приказывает своим подданным тут же ее восстановить. Но это вполне объяснимая нестыковка — дьявол лжив и коварен, он великий притворщик, ему ничего не стоит процитировать то, чего пока вроде бы и нет на свете. Мастер же в приюте скорби будет гордиться тем, что и как он угадал — его текст полностью совпал со свидетельством «очевидца».

Однако полуистлевшие листки рукописи первоначальной редакции

упоминаются, «описываются» в каноническом тексте романа: они действительно не сгорели и вроде бы существуют как вещественное доказательство, т.е. своеобразная предметная среда! Кстати, несколько обгоревших листков первой редакции уцелело, их фотокопии приводятся в книге «Неизвестный Булгаков. Из рукописного наследия» – М.: Книжная палата, 1993.

В великом мистическом романе XX века не меньше фантасмагорий и фокусов, ералаша, чем в любом фантастическом — близком, но не идентичном сатирически-гротесковому произведению по духу, по тональности, по изобразительным принципам. Может быть, читателям явится чудо, и мы с вами обречем подлинный авторский текст в рукописи последнего произведения великого Мастера слова?

Євген БАРАН
**«ЧОРНИЙ ВОРОН» ВАСИЛЯ ШКЛЯРА:
 МІЖ НАЦІОНАЛЬНИМ МІФОМ І ПОЛІТИЧНОЮ КОН'ЮНКТУРОЮ...**

Василь Шкляр. Чорний Ворон. – Київ: Ярославів Вал, 2009. – 356 с.

Про цей роман можна вже й не писати. Навколо нього розгорілися літературні й навкололітературні пристрасті, скандали, домисли, гіпотези, плітки... Тираж роману зріс за цей час удвічі. Детективна історія навколо присудження Василю Шкляру Шевченківської премії за цей роман і умова Шкляра Президентіві для її отримання, вже перевели стрілки зі зміною статусу: Шкляр із письменника раптово перетворився у суспільно-громадську постать. Технологія геніальна, і якщо я догадуюся, хто був технологом, то мушу визнати, що Він (технолог) – людина геніального чуття суспільної кон'юнктури. Але про це пізніше.

Спочатку все-таки про роман. Історія холоднорівського отамана Чорного Ворона (колишнього штабс-капітана царської армії Чорновуса), який безстрашно, мужньо, жорстоко вибиває більшовиків з української землі з 1918 по 1925 роки, є фактично першою в новітній українській літературі історією нового, сильного героя, якого українська література не знала в XX столітті. Хоча в історії переродження героя відіграє ключову роль Жінка – Тіна, яку пізніше Чорний Ворон разом з врятованим сином отамана Веремії, відправляє на Західну Україну (при чому, до галичан в автора чи героя (?) ставлення критичне: «Й ось тут мені було б дуже прикро розповідати про наші ходіння «потойбічними» селами, начебто українськими, але такими чужими, що не хочеться про це говорити. Скажу лишень, що люди там були не такі, як у нас, – вони хоч і розмовляли нашою мовою, та не було в них тієї доброти і щирого милосердя, що є в наших людях», с.255), і яка пізніше, імовірно, таки стала його дружиною.

Про холоднорівську національну боротьбу ми вже мали декілька книг: «Холодний Яр» Юрія Горліса-Горського, фактичного свідка й учасника тих подій, «Дума про Вільних Козаків» Михайла Іванченка, батько якого був сотником Вільного Козацтва. Але найбільшого розголосу ся тема набула після виходу роману Василя Шкляра. І тут вже немає значення, що, мовляв, письменник частково використав сюжетні ходи і окремі епізоди із Юрія Горліса-Горського чи запозичив

сюжетні ходи із містичним перетворенням козака у вовкулаку із «Басаврюка-ХХ» Дмитра Білого... Не має значення тому, що перед нами твір нової художньої та ідеологічної якості. Твір, в якому вся історія і всі герої думають не як наші сучасники, а суть від суті є дітьми свого часу. Тому найближчим твором, з яким, власне, потрібно порівнювати Шкляревого «Чорного Ворона», – є «Гайдамаки» Тараса Шевченка. Бо і там, і у Шкляра, історія відповідається з народної точки зору, і герої Шкляра – суть від суті герої національно-визвольної доби, коли почуття національні були загострені до краю, коли оцінки і характеристики ворогів подавалися не завуальовано і дипломатично, а конкретно і «в лоб». Тому у цьому романі так багато кровавих сцен, натуралістичних епізодів, в яких з якоюсь садистичною насолодою розписуються страти жидів, большевиків, зрадників... Але оця оцінка «садистична насолода» – це оцінка нашого часу. Люди, які були кинуті у вир цієї жорстокої боротьби про це не думали і вже не реагували на картини страшних страт. Просто кров своя і ворогів стала буднями, і ці будні не допускали жалю в боротьбі на виживання. Не думав і не реагував на такі конкретні ситуації чи історії й Чорний Ворон, коли йому розповіли про страту москалів псевдо-Веремієм, котрий колесував ворогів: «А це ж як?» – «Дуже просто», – відповів він і пояснив, що Веремій обезголовив москалів колесами дрезини. Після того «колесування» за голову самого Веремія влада пообіцяла корову, коня і сто пудів жита. Бачачи, що волосся на моїй голові не стає дибки, Вовкулака перейшов до головного» (с.313).

Роман Василя Шкляра сиріч бездоганний по формі і змісті. Й навіть ота еротична сцена Чорного Ворона і Тіни, в якій декілька разів нібито дисонансом прозвучало слово «срачення» (с.142, 144) є такою у сучасному сприйнятті, і психологічно вмотивованою в контексті часу і міркувань головного героя.

Василь Шкляр подав широку епопею національно-визвольної війни з її героїчними, драматичними і трагічними сторінками (контекст суспільно-політичний, історичний виписаний з глибоким знанням ситуації). І в ідеологічному плані – а роман Шкляра ідеологічний до змалювання осінньої мжички в Лебединському лісі, – цей роман близький до епічного полотна Шолохівського («Тихий Дон»).

Образи історичних персонажів (комісар Дибенко, комбриг Кузякін) й вигаданих героїв змальовані контрастними фарбами, без психологічних самокопань і внутрішніх сумнівів. Це не означає, що їх не було (діалог Панаса Калюжного і Чорного Ворона про трагічні й суперечливі внутрішні сторінки української боротьби, с.234-237), але в такому підході й була свідомо авторська мета, – подати картину величну, моментами гіперболізовану, але суголосну тій трагічно-героїчній добі.

У цьому романі жіночі образи (сліпої Євдосі, Досі, Тіни, дружини Веремія Ганнусі з одного боку; чекістських повій, жидівочки Цілі – з іншого) і чоловічі (чекісти Як Птіцин, Сеня Кацман, Гоцман; козацькі отамани Деркач, Семен Чучупака, Панченко, Семен Гризло, Гонта-Лютий; козаки Куземко, брати Момоти, Козуб, Коляда, Ладим, Фершал, В'юн, Василинка, цокало китаєць Ходя) вписані в загальний контекст історико-психологічний без фальші і літературних перебільшень.

Роман Василя Шкляра близький до античної трагедії, бо у ньому фактично всі герої гинуть. І навіть відкрита гіпотеза долі Чорного Ворона, який до остатку був вірний холодноярівському козацькому гаслу «Воля України або смерть» з Шевченковим пророцтвом-закликом «І повіє новий огонь з Холодного Яру» (див. с.308) залишається більше красивим народним міфом, ніж історичною правдою...

Такого роману українська література чекала давно. Фактично від 1884 року, коли поляки діждалися з рук Г.Сенкевіча шовіністичної талановитої байки про Великопольщу під назвою «Огнем і Мечем». Кожна пригноблена нація потребує час від часу такого національного (націоналістичного, якщо хочете) міфу, особливо в часи, що вкотре загрожують її державницькій перспективі. І те, що подібного плану книжка нарешті вийшла з-під українського письменника лише підкреслює естетичну міць цієї літератури, яка може собі дозволити створити твір будь-якого ідеологічного запалу, залишаючись в рамках естетичного.

Відкритою залишається лише перспектива самого Василя Шкляра. Те, що він став постаттю значимою, це зрозуміло. Не зовсім зрозуміло, який шлях обере цей письменник для своєї громадсько-політичної реалізації. Шлях авантюрного пристосування, яким пішло більшість старого літературного покоління, включно з шістдесятниками (за винятком Михайлини Коцюбинської, Євгена Сверстюка, Ліни Костенко) чи шляхом національного і естетичного нонконформізму, сиріч шляхом свого літературного героя Чорного Ворона? Гадаю, відповідь будемо знати. Чекати залишилося недовго. Це і буде відповіддю на запитання, чи розуміє сам Василь Шкляр, що він написав?!

Валентина НЕМЦОВА

ОБЛАГОРОЖЕННАЯ КРАСОТА

В творческом багаже каждого подлинного мастера, а именно таким является Владимир Федорович Гольба, можно найти одно или несколько программных произведений, раскрывающих доминантную линию его поисков. Вопрос о творческих приоритетах этого художника совершенно не случаен. Его жанровый диапазон убеждает в высоком профессионализме и индивидуальной смелости. Отсюда происходят чувство уверенности и оригинальность художественного мышления в монументальных картинах на исторические темы, в психологически убедительных портретах, в пейзажах с видами Украины, России и Соловецкого архипелага, в натюрмортах с яркими цветами. Над жанровыми условностями возвышается одно, определяющее свойство: истинное благоговение перед красотой мира, воспринятой в ее зрелых и полноценных проявлениях. В сути индивидуальных характеров, в исторических событиях, в пейзажных мотивах, затронувших внимание мастера, всегда открывается что-то особенное, значительное с точки зрения нравственных и духовных критериев.

Круг персонажей в его портретах избирателен и узок, определяясь в первую очередь интересом к личностным, содержательным характеристикам. Судя по всему, главным стимулом в процессе работы над каждым новым портретом является установление человеческого масштаба конкретной модели, богатства ее внутреннего мира. Видимо, по этой причине В.Гольба находит своих героев преимущественно в небольшом окружении, среди тех людей, кто ему хорошо знаком и духовно близок. Это современные поэты и живописцы, представители мира искусства, а также священнослужители – все личности неординарные, талантливые, с яркой судьбой, преданные своему профессиональному долгу и моральному выбору. На основе этого принципа была создана серия глубоко индивидуальных и одновременно в чем-то схожих произведений: портреты живописцев Семена Письменного и Михаила Алатарцева, директора оперного театра Георгия Селихова, поэтесс Ирины Поляковой (Глебовой) и Анаит Саркисян.

Принципиальным достоинством ряда портретов служителей церкви является то, что они написаны с натуры, в блеске истинного мастерства, и раскрывают уникальные личностные качества не для отвлеченного назидания, но живого примера. В их числе репрезентативные и камерные портреты митрополита Харьковского и Богодуховского Никодима, а также протоиерея отца Михаила, первого настоятеля храма святомученика Александра, настоятельницы Воденского женского монастыря матушки Магдалины, митрофорного протоиерея, отца Сергия, настоятеля храма святого Николая. Этот храм был построен в причерноморском селе Малореченское в память о гибели теплохода «Армения» в годы второй мировой войны, картина же сама называется «Храни вас Бог».

В трактовке исторических сцен привлекает также особый авторский подход. Драматические эпизоды истории Украины и Харьковщины раскрываются с точки зрения как событийной, так и психологической достоверности. Таким образом, прошлое выводится из уровня призрачной легенды и обретает подлинность настоящего (триптих «Явление Озерянской иконы Божьей Матери», 1999). Как правило, центром интригующей и правдивой, тщательно выверенной сюжетной драматургии являются необычные герои, наделенные огромным запасом духовных сил. Прежде всего, это такие личности, как последний кошевой атаман Запорожской Сечи Петр Калнышевский и священномученик Александр, архиепископ Харьковский. Чтобы понять и выразить их истинный масштаб, художник тщательно изучал исторические факты. Превратности судьбы последнего кошевого атамана Запорожской Сечи, который был заточен на Соловках в каменном подземелье на протяжении 25 лет, поразили художника. Это – мужественный воин, преданный кодексу рыцарской чести, со смирением, с молитвой, без чувства мести к своим врагам, претерпевший предательское изгнание после разгрома Запорожской Сечи, а также физические и духовные муки долгого заточения. Впоследствии он был канонизирован церковью как святой великомученик. Этот образ дал художнику что-то неизмеримо большее, чем просто материал для многолетней работы (триптих «Последний кошевой атаман Запорожской Сечи»).

Основой для исторической картины, посвященной отцу Александру, пламенному проповеднику слова Божьего, погибшему в 89-летнем возрасте во время массовых репрессий 1930-х годов, явилось его житие. В молодости будущий священник получил юридическое образование, обладал прекрасным голосом и был

веселым, общительным человеком. После смерти матери он принял постриг и прославился многими духовными подвигами, оставаясь верным своему выбору вплоть до мученического, смертного часа. В наши дни Украинская Православная Церковь причислила владыку Александра к лику местночтимых святых и почитает его как покровителя Харькова.

Основываясь на реальных фактах, художник создал многофигурную композицию «Последняя проповедь священномученика Александра, 1939 г.» (2001), стремясь к созданию психологически насыщенного действия, суть которого состоит в открытом столкновении сил добра и зла. Высокая фигура проповедника с крестом и Библией в руках возвышается над толпой людей, объятых разными чувствами: верой, ненавистью или равнодушием и страхом. На их лицах – весь трагизм и дикость исторической ситуации, когда мир оказался «перевернутым», и не у каждого, подобно отцу Александру, хватало смелости открыто проповедовать христианские принципы любви и милосердия.

В пейзажах и натюрмортах В.Ф.Гольбы, работа над которыми отражает огромный ресурс таланта и вдохновения, ярко раскрываются две существенные стороны его творческой натуры: преклонение перед реальностью и дар поэтического синтеза. Основываясь на натуральных зарисовках, художник придает серьезное значение точным предметным характеристикам, а также согласованиям и акцентам цвета и тона, света и тени, возникающих как следствие конкретного взаимодействия фигур, предметов и пространственной среды. Однако проза жизни его мало волнует. Реальность переводится под кистью мастера в более высокое измерение, где властвуют законы поэзии и облагороженной красоты. Тонко найденные детали – серебристые стволы и легкое кружево ветвей зимних и осенних деревьев, прозрачность воздуха и бег пышных облаков, безбрежность высокого неба, его отражение в синей, прохладной глубине озер и рек, причудливые контуры древних монастырей и храмов, высоких крыш деревенских хаток – все это из области поэтических метафор.

Обязательным атрибутом открытых или замкнутых пространственных построений являются яркие цветы, сочные и свежие, радующие взор. Предметная точность и конкретика не исключает, но, напротив, предполагает повышенную эмоциональную окраску образов, что соответствует главной теме произведений В.Ф.Гольбы: благоговение перед красотой мира, ощущение радости и полноты жизни, предчувствие чуда и сказочной развязки.

Свои прозрения художник склонен обобщать в романтическом ключе. По этой причине в портретах и исторических композициях предпочтение отдается исключительным, духовно стойким натурам, далеким от обыденности. В пейзажах и натюрмортах преобладает интерес к видам и предметам, позволяющим почувствовать пульсацию жизни, полнокровность и богатство ее проявлений. При этом нередко в фокусе авторского внимания может оказаться что-то, на первый взгляд, незначительное и слишком скромное, как, например, околица украинского села с двумя старыми, заброшенными хатками, покрытых соломенными крышами, где аисты свили себе гнездо. Однако глубоко прочувствованное единство микро- и мегакосмоса находит отзвук в трепетном движении каждого мазка, в построении пространства и форм, пронизанных одним чувством грандиозности и величия мира, что уравнивает его большие и малые проявления.

Общий, далеко неблагоприятный этический фон нашего времени подводит к размышлению – откуда происходят истоки и внутренние мотивы творческого выбора, суть которого определяется внешне скромным, а по сути, героическим служением высоким идеалам человечности. Представляется, что утверждение абсолютных благ и преимуществ на пути завоевания ценностей мира света и добра, как лейтмотив искусства В.Ф.Гольбы, является отражением принципиальной авторской позиции и служит в качестве необходимого противовеса несовершенству мира, к которому особенно чувствительны эмоционально хрупкие и ранимые души. Тему собственной боли и разочарований художник предпочитает не затрагивать, но зато щедро открывает в своих произведениях уровни бытия, не искаженные злом и жестокостью «мира сего». Основой подобного творческого выбора является по-настоящему серьезный жизненный опыт и чтобы лучше его осмыслить, необходим небольшой экскурс из настоящего в не столь давнее прошлое.

Биография В.Ф.Гольбы совершенно типична для поколения людей, рожденных в бурные 1920-е годы. У него простое, по меркам того времени, «пролетарское» происхождение – отец работал кузнецом в городе Актюбинске. В раннем возрасте началась тяжелая трудовая жизнь, потом была вторая мировая война, испытание всеми возможными невзгодами военного и послевоенного периода. Но именно в таких суровых испытаниях сложились нетипичные черты его характера: редкая целеустремленность, титаническое трудолюбие и пылкая любовь к «высокому» искусству. Основные вехи профессионального становления были связаны с изостудией Дворца

пионеров в Актюбинске, с Казанским художественным училищем (1949 - 1952), с Харьковским художественным институтом (1954-1959).

Первая профессия В.Ф. Гольбы – график, у которого и поныне есть все основания гордиться тем, что его учителями были талантливые мастера и замечательные педагоги А.А. Кокель, Г.А. Бондаренко и В.Ф. Мироненко, Е.П.Егоров. С юношеских лет В.Ф.Гольба всем сердцем был привязан к искусству живописи, и в ВУЗе он хотел освоить профессию живописца. Но кто-то из экзаменаторов решил, что склад его дарования полнее может реализоваться в графике. Ощущение первых разочарований быстро прошло, настолько важной для будущего оказалось профессиональная школа, которая формировалась в окружении ведущих мастеров Харькова. И все-таки начинающий художник часто следовал своему «внутреннему голосу», свои ранние графические композиции он наполнял элементами живописности, используя окраску акварелью, приемы плотного заполнения пространства, глубокую, сочную и легкую, скользящую штриховку ради достижения в листах тонального богатства, мягкости и серебристости колорита. Уже в студенческие годы был получен заказ на плакат «Бандуристка» для презентации Украины на шестом Всемирном фестивале молодежи в Москве (1956), потом отмеченный специальной премией.

С самого начала творчество для В.Ф.Гольбы – личностный процесс, глубокое наслаждение и «незаинтересованное» самовыражение. По этой причине довольно трудно говорить об эволюции и отдельных этапах его творческого пути с большей или меньшей долей определенности. Речь может идти, скорее всего, об изменениях формального, чем содержательного плана. Вопрос также в том, что стало исходной причиной своеобразного, индивидуально мотивированного выбора в условиях, когда в искусстве господствовали принципы унификации и задачи служения общегосударственному делу?

По признанию художника, ему повезло достичь высоты, с уровня которой все окружающее стало восприниматься в ином свете. Началом восхождения к вершинам новых открытий творческого и личностного характера стали две поездки на Соловецкий архипелаг и напряженная работа в этом далеком крае (1968 и 1971 гг.). Значительным итогом первой поездки были 64 рисунка с тщательными зарисовками самобытной архитектуры Соловецкого монастыря и видов в его окрестностях, большинство из которых ныне находится в фонде

Харьковского художественного музея. В них сохранилось все обаяние уникальной северной природы, где свободно властвуют природные стихии, а в замедленном ритме времени чувствуется дыхание вечности.

Важным итогом столь плодотворных поездок на Соловки стало ощущение своей профессиональной зрелости, что и предопределило в конце 1960-х – начале 1970-х почти окончательный переход в сферу живописи. Новый опыт и открытия творческого и личного плана, приобретенные во время работы в необычной атмосфере монастыря, на все последующие годы определили характерные черты индивидуального стиля художника. Во-первых, закрепился настоящий пиетет уникальной конкретности натуры, предполагающий тонкое согласование многих нюансов содержательного и формального плана, во-вторых, развился дар к экспрессии, декоративной выразительности ради поэтического синтеза, что в свою очередь побуждало к освоению приемов тональной живописи. С этого периода линия творчества В.Ф.Гольбы развивалась как бы в обособленной плоскости, где было мало общих точек соприкосновения с магистральными путями искусства того времени. Взамен романтики коллективного труда и массового энтузиазма, его больше всего вдохновляли состояния покоя, умиротворенности и другие особенности поэтического жанра элегии.

В тех исторических условиях практически невозможно было открыто писать большие, программные произведения, которые бы шли в разрез с общепринятыми установками, поэтому надолго уделом художника стала работа в области камерных пейзажей и натюрмортов. Смысл иносказаний и символов, определивших поэтический ракурс этих работ, чаще всего оставался закрытым для сознания людей, привыкших оперировать набором устойчивых штампов. Лишь постепенно яснее очерчивается истинный смысл и глубокий подтекст живописи художника, утверждающей равную ценность, гармонию зримой и внутренней красоты, которая постигается по мере ухода от суетных интересов в глубины духовной жизни. Не удивительно, что первыми настоящими ценителями его таланта стали единомышленники среди живописцев, а потом поэты и священнослужители.

АВТОРЫ НОМЕРА

Биографические справки

АЛЕКСАНДРОВ Геннадий Николаевич родился в 1956 г. в сл. Михайловке Железнодорожного р-на Курской обл. Окончил литфак Курского госпединститута. Работал учителем в сельских школах, редактором районных и городских газет. В настоящее время заместитель главы Железнодорожного района, редактор альманаха "Автограф". Автор семи книг рассказов и краеведческих очерков. Член Союза писателей России с 2001 года.

Живет в Железнодорожном.

БАРАН Евгений Михайлович родился 23 мая 1961 г. в с. Джурины Тернопольской обл. Окончил филологический факультет Львовского национального университета им. И. Франко (1984), аспирантуру Института литературы им. Т. Шевченко НАНУ (1992). Канд. филолог. наук (1994), доцент кафедры украинской литературы Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (1998). Член Национального союза писателей Украины (1997). Лауреат премии им. А. Белецкого (1999), международных литературных премий: им. Н.В. Гоголя "Тріумф" (2003), им. Б.-Н. Лепкого (2007), им. Гр. Сковороды "Сад Божественных пісень" (2009) и других.

Живет в Ивано-Франковске.

БРЮГГЕН Владимир Александрович родился 29 марта 1932 г. в Харькове. Критик, литературовед, переводчик, эссеист. Закончил факультет журналистики Киевского университета (1956). Лауреат премии им. В. Мысыка, премий журналов «Украинский театр» и «Сова» за лучшие публикации года. Член Национального союза писателей Украины с 1965 г.

Живёт в Харькове.

ВОРГУЛЬ Василий Романович родился 5 июня 1936 г. на Сумщине. В Харькове закончил технический вуз, служил в силовых структурах. Автор 15 поэтических сборников, член Союза писателей России, лауреат литературных премий: Службы безопасности Украины, «Имперская культура», «Прохоровское поле».

Живет в Харькове.

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич родился 3 августа 1933 в Пестово. До Великой Отечественной войны жил в Омской области. Окончил среднюю школу в Полтавской области. В 1956 году окончил исторический факультет Киевского университета. Работал в Николаеве. С 1960 года занимался комсомольской и журналистской работой (заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия») в Москве. С 1968 по 1978 год — директор издательства «Молодая гвардия». С 1978 по 1980 год — главный редактор газеты «Комсомольская правда». С 1981 года — главный редактор журнала «Роман-газета». С 1998 года является главным редактором журнала «Роман-журнал. XXI век». С 1994 года — Председатель Правления Союза писателей России. Прозаик, доктор исторических наук. Член Общественной палаты Российской Федерации, заместитель главы Всемирного русского народного собора, вице-президент Международной славянской академии.

ДУБРАВНЫЙ Евгений Федорович родился 17 апреля 1942 г. на Кубани. Служил на Черноморском флоте, где написал рассказы о войне. По окончании службы поступил в МГУ на факультет журналистики. Работал в областной газете «Белгородская правда», был редактором Шебекинской районной газеты «Красное знамя». С 1992 года Евгений Федорович – заместитель председателя ГТРК «Белгород», редактор телепрограмм. Автор книг стихов, детских книг. Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Живет в Белгороде.

ПЕТРЕНКО Мыкола Евгенович родился 6 ноября 1925 г. в Полтавской области в семье рабочего. Во время фашистской оккупации был вывезен в Германию; после попытки побега оказался в концлагере, где находился около трех лет. После возвращения домой окончил факультет журналистики Львовского государственного университета им. И. Франка. Первая книга стихов вышла в 1957 г. Автор более 60-ти книг – сборников поэзии, книг для детей, сборников сатиры и юмора и др. Лауреат премии им. П. Тычины, им. Ю. Яновского, им. М. Шашкевича, им. Б. Лепкого.

Живет во Львове.

ПОЛЯКОВА Ирина (Глебова Ирина Николаевна) родилась в Харькове. По образованию – журналист. Член Союза писателей СССР. Член Национального союза писателей Украины, член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов и прозы. Автор серии ретро-детективов. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в Харькове.

ГУТОРОВ Александр Михайлович родился 30 апреля 1939 года в Харькове. Доцент Харьковского университета, автор научных книг и статей по литературе, сатирических стихов и песен, пародий.

Живёт в Харькове.

КАТАЕВА Римма Александровна родилась в Харькове. Окончила Харьковский мединститут. Работала в Полтаве участковым врачом, затем районным эндокринологом (1961-1975). По возвращении в Харьков стала членом литературного объединения им. Павла Тычины, затем его руководителем (1980). С 1976 года печатается в разных коллективных сборниках и литературных журналах. Первая книга вышла в 1983 году. Автор 10 поэтических книг. Переводит стихи украинских поэтов. Стихи Р. Катаевой переведены на украинский и мордовский языки. Член СП СССР, член НСПУ (1992). Лауреат литературной премии НСПУ им. Николая Ушакова.

Живёт в Харькове.

КЕРДАН Александр родился в 1957 году в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооруженных Силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 35 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге и на Урале. Лауреат литературных премий, среди которых, международные: «Честь и Отечество», «Золотое перо», всероссийские: «Традиция», имени А.Грина, имени П.Бажова, имени Генералиссимуса А.Суворова и др. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала.

Живет в Екатеринбурге.

МАТЮХ Наталья родилась на Черниговщине. Окончила факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. Работала в газетах и журналах, преподавала на кафедре журналистики Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Автор около 30 книг (публицистика, лирика, стихи для детей). Ее книги переведены на русский, белорусский, молдавский, польский языки. Лауреат международной литературно-художественной премии им. Григория Сковороды за сборник «Лето в феврале». Член Национального союза писателей Украины и Национального союза журналистов Украины с 1982 г. Мастер декоративно-бытового искусства Украины (вышивка, кружево) с 1996 г.

Живет в Харькове.

МАЧУЛИН Леонид Иванович родился 25 марта 1957 г. в селе Красный Оскол Харьковской области. Окончил филологический факультет Харьковского государственного университета им. А.М.Горького (1987), аспирантуру философского факультета ХНУ им. В.Н.Каразина (2004). Член НСЖУ (1985), член Союза писателей России (2007). Работал в газетах, на радио, телевидении, книжном издательстве. Автор семи книг по истории Харькова.

Живёт в Харькове.

МИРОШНИЧЕНКО Анатолий Михайлович родился 18 февраля 1939 года в Макеевке Донецкой области. Окончил металлургический факультет Донецкого политехнического института (1962). Работал на заводах, в НИИ и КБ в Макеевке, Краматорске, Донецке, Харькове. С 1971 года его жизнь, трудовые и творческие достижения связаны с Харьковом. Автор двенадцати художественных книг, переводов и эссе. Член Союза писателей России (1996), Национального союза писателей Украины (2004). Лауреат международной литературной премии «Слобожанщина» (2006).

Живёт в Харькове.

Митрополит НИКОДИМ (Г.Руснак) родился 18 апреля 1921 г. в с. Давидовцы Черновицкой обл. (Украина) в крестьянской семье. С 1938 г. послушник Иоанно-Богословского Крещатицкого монастыря Черновицкой обл. 6 января 1945 г. пострижен в монашество с именем Никодим, в честь праведного Никодима. 29 апреля епископом Буковинским и Черновицким Феодосием (Коверницким) рукоположен во иеродиакона, 23 февраля 1946 г. им же – во иеромонаха. С 1950 г. по 1955 г. настоятель Иоанно-Богословского Крещатицкого монастыря. В 1958 г. окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. С 23 апреля 1958 г. - член Русской духовной миссии в Иерусалиме. 15 ноября Патриархом Иерусалимским Венедиктом возведен в сан архимандрита и назначен и.о. начальника Русской Духовной Миссии. Решением Священного Синода РПЦ 10 августа 1961 г. хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 21 апреля 1964 г. - епископ Аргентинский и Южноамериканский. 25 февраля 1968 г. возведен в сан архиепископа, назначен экзархом Центральной и Южной Америки, включая Мексику. С 1 декабря 1970 г. - архиепископ Харьковский и Богодуховский, и. о. экзарха Центральной и Южной Америки (до 1977 г.). С 23 ноября 1983 г. - архиепископ Львовский и Тернопольский, временно управляющий Харьковской епархией. 9 апреля 1985 г. возведен в сан митрополита. С 27 декабря 1988 г. - митрополит Львовский и Дрогобычский, с 13 сентября 1989 г. – митрополит Харьковский и Богодуховский. С июня 1992 г. - постоянный член Священного Синода УПЦ. 1994 - 2006 гг. председатель Комиссии УПЦ по канонизации святых. Почетный профессор Харьковского

государственного института культуры и Харьковского института искусств им. И.П. Котляревского, почетный профессор ХНУ им. Каразина, доктор богословия «Гонорис Кауза» Варшавского богословского института, доктор богословия Киевской Духовной Академии «Гонорис Кауза». Доктор философии Ужгородской богословской академии им. св. Кирилла и Мефодия. Почетный гражданин Харьковской области. Деятельность Высокопреосвященнейшего Владыки Никодима отмечена многочисленными Церковными и Государственными наградами.

Живет в Харькове.

НЕМЦОВА Валентина Сергеевна родилась в г. Пильтсамаа, Эстония. Закончила Ленинградский государственный университет (1964-69). Член Союза художников Украины с (1992), Творческого союза историков искусства и художественных критиков стран СНГ (1992). Искусствовед, художественный критик. Кандидат искусствоведения (1983). Работает в Харьковском государственном педагогическом университете им. Г.С.Сквороды, доцент. Автор научно-популярных работ, журнальных и газетных статей по вопросам древнего и современного искусства.

Живет в Харькове.

ПРОСКУРНИН Александр Сергеевич (1916-2004) родился в Петрограде. В 1938 году окончил архитектурный факультет Харьковского института коммунального строительства. С августа 1941 г. был на фронте в составе инженерных войск. Демобилизован в августе 1946 года. В Харькове работал по специальности. С 1969 г. перешел на преподавательскую работу, доцент. Автор поэтических сборников «Отклик» и «Старые деревья».

РОМАНОВСКИЙ Александр Георгиевич родился 26 января 1953 г. в с. Занадворовка в Приморском крае на Дальнем Востоке в семье офицера. С 2002 г. почетный член Харьковской областной организации Национального союза писателей Украины. Член Союза писателей России (2003). Председатель Харьковского отделения СП России (с 2006). Секретарь Союза писателей России. Награжден орденом «Почётный Крест Украинской Православной Церкви» (2003). Лауреат международной литературной премии «Слобожанщина» (2006) и «Имперская культура» (2009). Автор 11 поэтических сборников, изданных в Украине, России и Польше.

Живёт в Харькове.

СТУКАЛОВА Галина Петровна родилась в Харькове. Окончила факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т.Г.Шевченко. Работала в харьковских изданиях, четырнадцать лет была собственным корреспондентом газеты «Літературна Україна». Публицист, литературный следопыт. Вернула читателям и литературе забытое имя донского прозаика Ивана Родионова и его роман «Наше преступление», в свое время восхищавший Льва Толстого.

Живет в Москве.

ТЕРЕХОВА Наталья – мать пятерых детей, жена священника. Родилась на Южном Урале в 1970 году. Школу закончила в Нерюнгри, куда уехала с родителями. Работала в детском саду в Хабаровске и заочно училась. Закончила педагогический институт. С 1998 до 2007 жила в Алдане, преподавала в Воскресной Школе. Недавно семья переехала в Железногорск (Курская область), где живет и поныне.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Валерий ГАНИЧЕВ. И так, о русском	3
Геннадий АЛЕКСАНДРОВ. Мотаня	72
Александр КЕРДАН. Кукиш	100

ПОЭЗИЯ

Протоиерей Максим ТАЛАЛАЙ. Господу во славу, Церкви и народу во благо	43
Митрополит НИКОДИМ. С верой в сердце идем мы к бессмертью	52
Александр РОМАНОВСКИЙ. Я благодарен Богу за судьбу!	69
Наталья ТЕРЕХОВА. В бесконечной спешке бытия	87
Римма КАТАЕВА. Непостижимость творчества	92
Наталья МАТЮХ. «Сьогодні мама снилася мені...»	108
Ирина ПОЛЯКОВА. Мосты между людскими душами	117
Александр ПРОСКУРНИН. Старые деревья	118
Владимир БРЮГГЕН. При чесному хлібі	129
Микола ПЕТРЕНКО. До безміру	132
Анатолий МИРОШНИЧЕНКО. Благо смиренья	137
Василий ВОРГУЛЬ. Ищу свою дорогу к храму	148

ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений ДУБРАВНЫЙ. Славянский соловей	155
Галина СТУКАЛОВА. Гроб без музыки	162
Леонид МАЧУЛИН. Защитник Донского казачества	169

КРИТИКА, ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

Александр ГУТОВ. К вопросу об аутентичности «Мастера и Маргариты»	183
Євген БАРАН. «Чорний ворон» Василя Шкляра: між національним міфом і політичною кон'юктурою.	194

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РУСЬ

Валентина НЕМЦОВА. Облагороженная красота	197
---	-----

АВТОРЫ НОМЕРА

Биографические справки	203
------------------------	-----

Литературно-художественное издание

СЛАВЯНИН

Том 5

Главный редактор *Л.И. Мачулин*

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 15.04.2011. Формат 70х108 1/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Гарнитура *PragmaticaCondCTT*. Усл. печ. л. 27,30.
Уч.-изд. л. 27,70. Изд. №4. Зак. № 31. Тир. 200 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв. 1, 1А.

Адрес для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
e-mail: editor01@list.ru

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф. 14.
Свидетельство о госрегистрации: серия ХК №125 от 24.11.2004 г.